

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019 Том 23 № 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2

<http://journals.rudn.ru/law>

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

О.А. Ястребов,

доктор юридических наук,
профессор, РУДН, Россия.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.А. Власенко,

доктор юридических наук,
профессор, РУДН, Россия.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

П.Н. Андреева,

РУДН, Россия.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Россия.

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан.

Варламова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, Россия.

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, Россия.

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан.

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Россия.

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Россия.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, Южно-Африканская Республика.

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Россия.

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, Греция.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, Италия.

Робинсон Николас А., доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, штат Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки.

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

4 выпуска в год

Материалы публикуются на русском, английском, французском, немецком, испанском языках.

Включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты исследований, представленных на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлению «Юриспруденция».

Журнал включен в *Базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science*, в *Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *World Cat*, *Cyberleninka*.

Цель журнала и направленность публикаций

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» публикует статьи по фундаментальным и прикладным проблемам юридической науки, рецензии на монографии и обзоры научных мероприятий.

Цель журнала — способствовать развитию юридической науки в России и за рубежом.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем.

Публикуемые материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании.

Политика журнала основана на соблюдении норм научной этики.

Основным критерием отбора материалов для опубликования является их научный уровень.

Материалы для опубликования представляются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>.

Литературный редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.В. Попова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16;

e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 17.05.2019. Выход в свет 24.05.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 630. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) 117198, г. Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN University

RUDN JOURNAL OF LAW

2019 VOLUME 23 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Oleg A. Yastrebov,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, RUDN University,
Russia.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay A. Vlasenko,
Doctor of Legal Sciences, Profes-
sor,
RUDN University, Russia.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Polina N. Andreeva,
RUDN University, Russia.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Russia.

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan.

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Russia.

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Russia.

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Science, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan.

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Russia.

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Russia.

Sandra Liebenberg, LLD (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, South Africa.

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Professor, RUDN University, Russia.

EDITORIAL BOARD

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Greece.

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Russia.

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Italy.

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, NY, USA.

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print) ISSN 2408-9001 (Online)

Published four times a year

Manuscripts are accepted in five languages: Russian, English, German, French, Spanish.

The Journal is recommended by the Russian Ministry of Education and Science for publication of scientific results of doctorate theses.

Indexation: *The journal is indexed in Web of Science RSCI, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka.*

The Aim of the Journal and the Focus of Publications

RUDN Journal of Law publishes articles on the fundamental and practical issues of legal science, book and conference reviews.

The aim of the journal is to promote the development of the Russian legal science in Russia and abroad.

The journal publishes the results of research on a wide spectrum of legal issues.

The papers published are based on contemporary methodology of the legal science, contain doctrinal approaches, reflect new tendencies in legislation and law enforcement practice of the Russia and foreign countries, international legal regulation.

The policy of the journal is built upon the observance of norms of scientific ethic.

The key criteria for the selection of materials is their scientific level.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Review editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.V. Popova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"RUDN University" 6 Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419, Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Власенко Н.А. Модернизация Конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием)	163
--	-----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Иванский В.П., Ковалев С.И. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (Часть II)	184
Гаврилова Ю.А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов	200

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Команджаев Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода	219
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Бертовский Л.В., Клебанов Л.Р. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в Арктике	244
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Mamedov A.A., Batova V.N. International law in the context of economic globalization (Мамедов А.А., Батова В.Н. Международное право в условиях глобализации мировой экономики)	264
Новикова И.Д. Правовая регламентация деятельности органов власти по предоставлению государственных услуг в США и России	289

CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW

- Nikolay A. Vlasenko.** Modernization of the Constitution of Russia (to the results of the discussion in connection with the 25th anniversary) 163

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

- Valeriy P. Ivanskiy, Sergey I. Kovalev.** The role of rationality philosophy in legal studies (Part II) 184
- Yulia A. Gavrilova.** Legal interpretation in russian law: the unity of the methodological and activity approaches 200

HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

- Evgeniy A. Komandzhaev.** Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th — early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach 219

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Lev V. Bertovsky, Lev R. Klebanov.** Criminal law and criminalistics problems of law enforcement agencies activity in Arctic region 244

INTERNATIONAL LAW

- Andrey A. Mamedov, Vera N. Batova.** International law in the context of economic globalization 264
- Inna D. Novikova.** Legal regulation of government services in the provision of public services in the United States and Russia 289

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ (К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ В СВЯЗИ С 25-ЛЕТИЕМ)

Н.А. Власенко

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Прошло четверть века с момента принятия Конституции Российской Федерации всенародным референдумом. Юбилей дает повод порассуждать об оптимальности конституционных положений, их эффективности, а где-то и практической целесообразности. В статье поставлена задача проанализировать высказанные в этой связи точки зрения в научной печати, газетной периодике и других средствах массовой информации. Однако прежде автор уделяет внимание истории появления Конституции РФ 1993 года. Отмечается, что Основной Закон, с одной стороны, явился военно-политическим компромиссом между сторонниками парламентского видения устройства страны в будущем и сторонниками сильной президентской власти, с другой стороны, позволил полностью распрощаться с советскими строем и традициями. Данная ситуация и фактор торопливости, спешности не могли не повлиять на содержательное и технико-юридическое качество документа. Высказанные мнения по вопросу модернизации Конституции России автор свел к трем позициям: 1) Конституция не исчерпала своих возможностей, и трогать ее текст нет оснований; 2) необходима полноценная конституционная реформа, действующая Конституция свой потенциал исчерпала; 3) необходимы «точечные» изменения и дополнения, способные улучшить Конституцию.

В статье аргументируется, что последняя позиция так называемых точечных изменений — наиболее продуктивна и позволяет конституционный документ сделать адекватным и актуальным. В этой связи на первоначальном этапе предлагается провести несколько «круглых столов» по вопросу выработки концепций совершенствования конституционных основ. Одну из них автор называет перспективной и предлагает подготовить перечень предложений по изъятию идеологически и фактически не подтвердивших себя в практической жизни положений. Речь идет о правовом государстве (исключая принцип разделения государственной власти), социальном государстве и т.д. Другую концепцию, которую также необходимо разработать, — это институциональную (концепцию статуса властей, их полномочий и баланса и др.). Данные идеи, считает автор, должны быть компромиссом между учеными, затем стать достоянием общественности и реализовываться в практику конституционного строительства.

Ключевые слова: конституция, юридическая конституция, фактическая конституция, правовое государство, социальное государство, конституционное законодательство, глава государства

I. ВВЕДЕНИЕ. ЖИЗНЬ И КОНСТИТУЦИЯ

Прошло 25 лет с момента принятия всенародным референдумом Конституции Российской Федерации. Ее одобрению предшествовали годы бурных, где-то эмоциональных конституционных устремлений, поисков и дискуссий. Передовая юридическая общественность того времени по существу была полностью вовлечена в дело подготовки текста Конституции России — и в Москве, в действующих эшелонах государственной власти, и на местах, где заинтересованно и горячо обсуждались конституционные идеи и предложения. Объяснить скачок в развитии конституционной культуры в тот период времени не сложно: общество нуждалось в коренном обновлении, жаждало стабильности, накопившаяся усталость от политических споров и потрясений давала о себе знать. Как отмечают эксперты, настойчивость президентской власти в деле скорейшего принятия Основного Закона себя оправдала, и не согласиться с этим нельзя. Но нельзя не согласиться и с тем, что спешность — не лучший помощник в деле законотворения, так же, как и с тем, что четверть века — достаточно небольшой срок для такого плана юридического документа и тем более для общества, «пересевшего» на новые рельсы развития.

Итак, Конституция РФ была принята на референдуме 12 декабря 1993 года. Об Основном Законе говорят как об общественном компромиссе, как результате вооруженного конфликта между Президентом Ельциным Б.Н. и Верховным Советом РСФСР. Однако нужно не забывать и пограничные итоги голосования: проект одобрили 58,4 %, против высказались 41,6 %¹. А если учесть вбрасывания, подделку итоговых протоколов, о которых знаю не понаслышке, ибо в то время работал в областной администрации в одном из регионов страны и имел отношение к работе областных структур, курирующих избиркомы. Но это отдельная история. Учитывая сказанное, возникает вопрос: можно ли и справедливо ли характеризовать «конституцию как “формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства, базой которого должен быть реальный общественный договор между основными слоями населения и группами нашего общества”»²? Как видно, абсолютного большинства, поддерживающего политико-юридические настроения победившей стороны, не было. Из личных воспоминаний скажу о следующем. Когда прочитал проект документа, то помню, что поразила меня огромная концентрация власти у Президента РФ. Странники Ельцина объясняли, что это необходимо для поддержания мира, профилактики гражданского противостояния, а сам же Б.Н. Ель-

---

¹ Аптекарь П., Рувинский В., Железнова М. Почему Конституция дожила до своего 25-летия // Ведомости. 2018. 12 декабря.

² Зорькин В.Д. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апреля.

цин — демократ и либерал по убеждениям, и в том, что у него громадные государственные полномочия — ничего страшного нет³.

Исследователь (достаточно критичный) конституционного строя России С.А. Денисов пишет, что диктатуру Президента РФ Б.Н. Ельцина в 1993 году сторонники конституционализма поддержали по причине надежды на то, что его личной властью страна сможет перейти к демократическому конституционному строю и продолжать реформы (Denisov, 2018:75).

Для чего это пишу? Надо понять, в каких условиях принимался Основной Закон, и помнить, сколько граждан России не поддержали документ и высказались против. Между тем документ живет и его жизнестойкость и универсальность, хотели бы мы того или нет, — факт. Понятно, что немалую роль в этом играет Конституционный Суд РФ. Принцип «живой» конституции, принцип чувствования «духа» конституционного документа, вошедший в ткань мировоззрения и деятельности КС РФ, имеют свои результаты. В этой связи заявления Председателя КС РФ о возможности и объективной необходимости изменения своих правовых позиций становятся объяснимыми.

Безусловно, существующие положения Конституции России в правоприменительной практике наполняются новым содержанием, адаптируются к жизни и проявляющимся реалиям (Umnova (Konyuhova), 2015:51–59).

К слову сказать, поправки, внесенные в Конституцию России, в своем большинстве касаются переименования регионов, как иногда пишут конституционалисты. Однако есть вкрапления содержательные, о чем тоже нельзя забывать — это продление полномочий президента и парламента, объединение двух судов — Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Иначе говоря, конституционная модификация налицо, и это не позволяет в полной мере говорить о юридической стабильности Основного Закона.

Таким образом, мы видим следующее. С одной стороны, Конституция России была принята экстренно, можно, хоть и с натяжкой, сказать — в ситуации гражданского вооруженного конфликта. Здесь напрашивается суждение, причем очевидное: документы, принятые при таких обстоятельствах, не могут быть исключительно добротными ни с содержательных, ни с технико-юридических позиций. Право, как известно, для мирной жизни; что касается Основного Закона — он тем более должен создаваться в обстановке и мирной, и компромиссной. Это дает возможность говорить о необходимости модификации действующего основного юридического документа. С другой стороны, внесенные поправки, по крайней мере формально, также позволяют говорить о несовершенстве конституционных институтов и необходимости внесения изменений и дополнений.

---

³ В каких условиях разрабатывалась и принималась Конституция РФ 1993 свидетельствуют участники событий тех лет. Подробнее об этом см.: Конституционный вестник. 2019, № 4, С. 6–169.

25-летний юбилей разделил мнения юристов, в частности и конституционалистов, а также политиков, депутатов и др., о перспективах Конституции РФ. Анализируя высказанные на этот счет мнения, я, с долей условности, разделил их на три позиции:

- 1) «Конституция еще не исчерпала своих возможностей, и трогать ее текст не следует»;
- 2) «необходима полноценная конституционная реформа; действующая Конституция свой потенциал исчерпала»;
- 3) «необходимы “точечные” изменения и дополнения; они должны быть корректны, актуальны и должны улучшать конституционное правовое состояние страны».

Проиллюстрируем данные позиции.

II. «КОНСТИТУЦИЯ НЕ ИСЧЕРПАЛА СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ...»

Бросается в глаза то, что точку зрения о стабильности Конституции РФ, ее неисчерпаемом потенциале в период празднования 25-летия активно излагали профессиональные юристы-политики, прежде всего, работающие в системе представительной власти. Так, П. Крашенинников заявил следующее: «Дискуссии особенно жарко разгораются в период важных политических решений. Однако, возвращаясь к политической и правовой истории, стоит отметить, что первая советская Конституция действовала 12 лет. «Сталинская» — 41 год. «Брежневская» — 14 лет. «Ельцинская» работает уже 24 года. Есть надежда, что на этом чехарда с основными законами страны закончится, по крайней мере — на ближайшие сто лет»⁴. В достаточно большом материале автор не предложил ни одной позиции по совершенствованию Основного Закона. Другой профессионал-юрист и политик А.А. Клишас заявил следующее: «Конституция еще не исчерпала своих возможностей и справляется с основной функцией: быть механизмом разрешения противоречий между обществом и властью»⁵. В. Матвиенко накануне празднования 25-летия Конституции РФ дала большое интервью, помещенное в «Российской газете»⁶. Из него можно заключить следующее: ничего менять в действующей Конституции не следует. По крайней мере, ни одной идеи, ни одной позиции предложено не было.

Автор материала лишь педантирует на то, что ветви государственной власти, механизм государства, местное самоуправление должны эффективнее исполнять и претворять в жизнь нормы Конституции России.

Где-то в этой же плоскости и точка зрения А.В. Безрукова, который отмечает, что «оптимальными способами развития и конкретизации положений

---

⁴ Крашенинников П. Как рождалась наша Конституция // Российская газета. 2017. 12 декабря.

⁵ Клишас А.А. Путь к успеху – любовь к своему делу // Дружба. 2018. 26 ноября.

⁶ Матвиенко В. Закон прямого действия // Российская газета. 2018. 12 декабря.

Конституции РФ должны оставаться качественное и своевременное наполнение российским парламентом действующего законодательства, и отрицательная интерпретация Конституционным Судом России отдельных положений Конституции РФ» (Bezrukov, 2017). Такая точка зрения таит в себе, по крайней мере, две опасности: ползучее выхолащивающие конституционных положений и, в конечном итоге, отрицание Конституции, либо длительное существование и скорее прозябание общества и государства в «застойном» периоде. В силу указанных выше причин нынешний Основной Закон, как очевидно, вряд ли адекватен для современности, а ряд его положений не только не нужно наполнять новым содержанием, а просто удалить, о чем пойдет речь далее.

Идея изменений и дополнений Конституции РФ не устраивает не только так называемых политиков — государственных чиновников, но других экспертов. В этой связи интересную, по крайней мере, нестандартную точку зрения высказал К. Мартынов, редактор отдела политики и экономики «Новой газеты»: «Сегодня любые попытки манипуляции с текстом Конституции, даже самые благовидные, будут выгодны только нынешним российским властям»⁷. Мысль Мартынова проста, «передел» Конституции позволит остаться у власти нынешнему политическому режиму после 2024 года.

III. «НЕОБХОДИМА ПОЛНОЦЕННАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА»

В. Пастухов полагает, что Конституция вырастает из согласия, а не из штыка. Конституция 1993 года вылетела из ствола танка, стрелявшего по политическим оппонентам, и в этом ее главная проблема, «ее неустранимая родовая травма». И далее автор заключает, в достаточно спокойном тоне, что не может не импонировать, как и его идея: «Предлагается снизить градус риторики, враждебности и предубеждений и начать цивилизованную дискуссию о путях конституционного развития страны в рамках виртуального “круглого конституционного стола”. Такой диалог мог бы стать отправной точкой для нового этапа в развитии конституционализма в России»⁸.

Есть мнения достаточно радикальные. Так, Э. Болтянская пишет, что созрела необходимость значительно переработать текст Конституции РФ, наряду с другими изменениями в ней необходимо прописать, что русский народ является самым многочисленным и государственно-образующим народом Российской Федерации⁹.

Достаточно жесткую оценку Конституции России, кстати, еще в связи с 20-летием, дал Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин в пре-

⁷ Мартынов К. Второй пошел // Новая газета. 2018. 12 октября.

⁸ Пастухов В. Допустима ли дискуссия о маршрутах эвакуации из авторитарного государства? // Новая газета. 2018. 10 декабря.

⁹ Болтянская Э. Хотелось бы пожить при демократии // Литературная газета. 2019.13–19 апреля.

дисловии к книге А.А. Клишаса и В.В. Еремяна: «К сожалению, на этом пути не удалось избежать отдельных ошибок (в том числе трудно объяснимых с практической точки зрения), научный анализ которых будет способствовать скорейшему преодолению их последствий и не совершению в дальнейшем чего-либо подобного» (Klishas, Yeremyan, 2014:4).

Словом, высказанные выше точки зрения так или иначе, прямо или косвенно, говорят в пользу конституционной реформы. Другой вопрос — масштаб этой реформы.

IV. «НЕОБХОДИМЫ ТОЧЕЧНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ...»

В научном творчестве В.Д. Зорькина Конституция Российской Федерации всегда предмет особого бережного внимания и оценивается как стабилизирующий Россию политико-правовой документ и символ правовой идентичности нации. Это понять можно: должность председателя Конституционного Суда РФ обязывает. Однако взгляды Зорькина на Конституцию и конституционное устройство России не стоят на месте и меняются. Так, в 2013 году автор говорил о необходимости разработки концепции российского конституционализма с учетом особенностей российского общества. Конституцию России ученый видел как «формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства»¹⁰. Чуть раньше автор принцип верховенства права толковал исключительно как «принцип приоритета прав человека, которым должно руководствоваться современное демократическое государство в своей правотворческой и правоприменительной деятельности». Здесь отмечалось о необходимости «внесения определенных корректив в ту пока еще во многом стихийную правовую политику в системе глобальных отношений, повестка дня которой формируется сейчас главным образом странами Запада»¹¹. Однако взгляды В.Д. Зорькина под воздействием времени и фактической жизни в последнее время подверглись еще большим изменениям. Автор справедливо указывает, что главным источником напряженностей в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав. Наиболее болезненно и остро, справедливо отмечает автор, «воспринимаются обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых в стране экономических реформ, свидетельством которого в первую очередь является чрезмерное социальное расслоение»¹². Комментируя и другие негативные обстоятельства современной жизни, автор делает, по крайней мере как нам представляется, два важных вывода — о необходимости «корректировки либерально-индивидуалистического подхода к право-

---

¹⁰ Зорькин В.Д. Конституционный вектор России // Российская газета. 2013. 19 ноября.

¹¹ Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. 2012. 16 мая.

¹² Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 09 октября.

пониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике), которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма. И другой вывод — о важности и неизбежности развития правового потенциала Конституции. Что нужно развивать, по мнению Зорькина? Я бы сказал, что речь идет скорее не о развитии, а исправлении «перекосов», сделанных в угоду того времени, когда верстался итоговый текст Основного Закона. Автор видит крен в пользу исполнительной ветви власти, нечеткость распределения полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры, несбалансированность органов местного самоуправления и органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ), недостатки разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами.

Вслед за В.Д. Зорькиным другой бывший активный участник Конституционного совещания 1993 года соглашается с идеей точечных изменений. Однако автор заявляет следующее: «Точечные изменения Конституции возможны и полезны, но не те, которые предлагает Зорькин»¹³. Автор считает, в отличие от Зорькина, что никакого крена в пользу исполнительной власти не существует, наоборот, это слабейшее звено в системе государственной власти, «крен» существует, с чем нельзя не согласиться, в сторону главы государства и его администрации в части их полномочий. При этом также справедливо полагается, что нужно исключить так называемое «ручное управление» со стороны главы государства. Кроме того, автор считает опасным редактирование ст. 12 Конституции РФ, которая стоит на твердом республиканском принципе: источником власти является народ, а не вождь. Огосударствление местного самоуправления приведет к тому, что уже радикальная конституционная реформа не потребуется.

Точечные изменения и дополнения поддержал Председатель Госдумы РФ В. Володин. Его видение таких новаций — это «баланс в деятельности законодательной и исполнительной власти», главным образом в «вопросе участия Государственной Думы в формировании правительства»¹⁴. основополагающие положения спикер предложил не трогать.

***

Есть и эксперты, которые, оценивая современный текст Конституции РФ, конституционную реальность, так ясного ответа на вопрос о ее перспективах не дали. Так, Е.А. Лукьянова, известный специалист в сфере конституционного права, я бы сказал, блестяще показала слабые стороны Основного Закона, тенденции, в том числе законодательные, выхолащивающие конституционные положения (например, в ситуации соотношения федерализма и бюджетного законодатель-

¹³ Цыпляев С. Что надо менять в Конституции // Ведомости. 2018. 23 октября.

¹⁴ Вишневецкий Б. Парламент — место для кого? // Новая газета. 2019. 8 апреля. См. также: Замахина Т. На контроле у депутатов // Российская газета. 2019. 29 января.

ства), а также нарастающий, по выражению автора, «ползучий антиконституционализм». Однако Лукьянова так и не дала ответа о перспективах Конституции РФ, необходимости ее модификации. Права Лукьянова — дело «не в нормах. Сами по себе они могли бы служить и демократии. Дело все же, — заключает она в нравах»¹⁵. Какое-то время назад Е. Лукьянова в своей книге «Конституционные риски» отмечала следующее: «действующая Конституция России считается в науке одной из самых неудачных за всю российскую конституционную историю. Не только по своим юридическим параметрам, но и по всей конструкции в целом. Она состоит из двух практически несовместимых частей, которые блокируют ее реализацию именно в силу своей несовместимости. Речь идет о европейско-либеральных современных 1 и 2 и архаично-авторитарных 3-8-й главах» (Lukyanova, 2015:28). В рамках такого подхода уместно привести мысль Ф. Крашенинникова, отмечающего, что «написанная под вполне конкретного президента Конституция 1993 г. привела к тому, что его преемник полностью изменил ее дух, не меняя буквы»¹⁶.

***

Однако нынешняя полемика о перспективах Конституции РФ не лишилась и где-то таких неожиданных, я бы сказал «экзотических», оценок и характеристик. Так, В.Н. Корнев вдруг пишет: «Действующая Конституция Российской Федерации — это новый по своей сущности нормативный акт (ни много ни мало — «новый», да еще и «по сущности» — Н.В. Корнев), который обладает высшей юридической силой и имеет прямое действие» (Kornev, 2019). Прежде заметим, что признаки, перечисленные автором после констатации того, что это новый по сущности документ, стандартны и очевидны. И все же, что такого «нового» вдруг увидел автор спустя 25 лет после принятия Конституции РФ? А дело вот в чем. Выясняется, что до настоящего момента господствующий позитивизм «ограничивался анализом только конституционного текста», которому так называемая «интегративная природа» Конституции, видимо, не доступна (Kornev, 2019).

Первоначально не ясно одно: почему методология позитивизма «ограничивается текстом»? С каких пор? Иначе говоря, почему автор ставит знак равенства между позитивизмом и пресловутой герменевтикой? С каких пор конституционный позитивизм в своем исследовании ограничивался конституционным текстом?

Словом, в начале статьи автором делано немало «стратегических» заявлений. Начинается материал с констатации интегративной природы права и дефинирования «интегративной сущности права». И в чем же она? Читаем, что

---

¹⁵ Никитинский Л. Дни Конституции // Новая газета. 2018. 7 декабря.

¹⁶ Крашенинников Ф. Последний день Конституции // Ведомости. 2017. 13 декабря.

«она в различных измерениях, которые обусловлены его сложной и многоаспектной природой, что предполагает обоснованность различных, тесно взаимосвязанных между собой подходов к его пониманию и исследованию» (Kornev, 2019). Получается так, что сущность — это не главное и определяющее в явлении, а всего лишь «подходы к его пониманию и исследованию». А.Ф. Черданцев «зубодробительно» отверг стелания по поводу все объяснительной природы интегративного метода (Cherdantsev, 2015:8–15). В.Н. Корнев этого не замечает. Упорству позавидуешь. Но к делу. В чем же все-таки так называемая интегративная сущность Конституции РФ?

Первое, на что обращает внимание ученый, — это на наличие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где, как известно, сказано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» и т.д. Оказывается, именно это положение «есть легальные конституционные основания для того, чтобы рассматривать международное и внутригосударственное право как единую систему действующего в России объективного права, что также (внимание!) подтверждает интегративную сущность Конституции Российской Федерации» (Kornev, 2019). Что такое сокровенное подействовало на автора, что он за известными положениями ч. 4 ст. 15 Конституции вдруг увидел «интегративную сущность Конституции Российской Федерации»? Может ли вообще, — известная задача любой современной конституции интегрировать ее правовую систему в международную, давать основания утверждать о некой интегративной сущности документа? Автор не заметил элементарную подмену тезиса, что характерно для представителей интегративного подхода. Выше профессор Корнев В.Н. пишет об интегративной сущности права, его многоаспектной и сложной природе, и далее переходит к простой констатации того, что общепризнанные принципы и нормы права, международные договоры — часть правовой системы России. И что здесь так глобально вскрывает сущность Конституции? Да еще интегративную? Надежды не оправдались: все просто, банально и давно известно. Нужно ли было автору так ставить вопрос. Быть может в дальнейших рассуждениях идея ученого оправдается? Далее автор воспроизводит концепцию Г.А. Гаджиева об онтологической природе права, и где-то, «забывая» о тезисах Гаджиева, возвращается к онтологической характеристике права, и уже жестко не отстраняется от «выраженных позитивистских идеях» и пишет просто, что «синтез естественно-правового и позитивистского типов правопонимания составляет предпосылку для формирования концепции интегративного понимания действующего права...» (Kornev, 2019).

Возникает в этой связи традиционный, уже, простите, «с бородой», вопрос — а что синтезировать будет В.Н. Корнев из многогранной естественной правовой теории и многоаспектного позитивизма? Этот же вопрос А.Ф. Черданцев в известной статье задавал М.В. Немытиной, В.В. Ершову и т.д. Ответа нет, и вряд ли будет.

Читаем дальше. В чем же все-таки сущность Конституции РФ, да еще с таким привеском, как «интегративная»? Автор рассуждает о принципах права (только как обязанностях), о ценностях в конституционном поле, достоинстве личности, о правах человека и справедливости в этой связи. Все это известные конституционные положения, которые можно продолжать.

Словом, надежды не оправдались — интегративная сущность Конституции превратилась в некую «солянку» или «винегрет» по вкусовому принципу усмотрения автора. Такого плана публикации вряд ли обогатят теорию интегративного правопонимания, а лишь подтверждают тезис А.Ф. Черданцева, что интегративный подход в правоведении не нужен.

V. ПЕРВЫЕ ОСТОРОЖНЫЕ ШАГИ

Представляется, что точка зрения о необходимости точечных изменений в Конституцию РФ — наиболее оптимальны. Здесь общество и власть уходят от крайности, от широкомасштабных политических и юридических дискуссий, неизбежных потрясений и перетрясок эшелонов государственной власти, финансовых расходов и т.д.

И еще одно: в настоящее время Конституция России подвергается разным оценкам и характеристикам ученых, публицистов, что в принципе допустимо и должно приветствоваться. Однако иногда упускается тот факт, что конституция — это нормативный правовой документ, это юридический регулятор, это основа системы права, каскад пирамиды правовых норм.

Итак, приходим к выводу, что современная Конституция России должна корректироваться, основываться на *принципе адекватности* существующей реальной жизни практике. Все это говорит в пользу того, что точечные изменения не только возможны, но и необходимы.

Однако возникает вопрос: как это должно происходить? Какая методика должна быть положена? К сожалению, голосующие «за» точечное преобразование Основного Закона (В.Д. Зорькин, С. Цыпляев и др.) рецепта не дают. Более того, предлагаемое «пощипование» Конституции чревато нарушением ее архитектуры и системности (какого бы качества она не была). А значит, требуется *концептуальное видение точечных преобразований*.

Полагаем, необходимо приступить, по крайней мере, к осмыслению двух концепций точечного совершенствования Основного Закона.

VI. ПЕРСПЕКТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Перспективная концепция, условно назовем ее так: «Изъятие социально и идеологически отягчающих» идей и положений. Речь идет о том, что в России пока не удалось создать и построить того, что провозглашалось, от чего практика государственного и социального строительства отказалась. Здесь, конечно,

нельзя выплеснуть, что называется, с водой ребенка. Очевидно, что идейные ценности (принципы, задачи и др.), главным образом, сконцентрированы в гл. 1-й (Основы конституционного строя), которая особо защищена ст. 135 Конституции РФ. Но пока речь не идет о созыве Конституционного Собрания и т.д. Речь идет лишь о разработке концепции точечных изменений, являющихся продуктом либерального мышления и соответствующей идеологии. Не секрет, что в настоящее время на смену либеральному духу пришло консервативное мышление с другим пониманием роли государства, его объема в обществе и экономике; роли местного самоуправления («вечные» споры вокруг ст. 12). Очевидно, что идея правового государства также не выдерживает проверку временем, как и то, что Российская Федерация — социальное государство. Доказывать это не приходится. Без доктрины социальных прав и их гарантий вряд ли можно на конституционном уровне констатировать, что Россия — государство социальное. Здесь заметим следующее.

По данным ВЦИОМ, доля россиян, полагающих, что необходимо Конституцию РФ менять, увеличивается и перевалила за 50 % опрошенных. Изменения, как считают респонденты, нужны в ст. 7, где, как известно, речь идет о социальном государстве. Предлагается ввести положение о минимальном размере оплаты труда, пенсии, сроках выплат; многие полагают, что нужно усилить гарантии бесплатного образования и здравоохранения¹⁷. К сожалению, Конституционный Суд РФ не стал рассматривать запрос депутатов трех фракций о соответствии пенсионной реформы Основному Закону. Определение пенсионного возраста является, как посчитал Конституционный Суд, прерогативой законодательной власти. Не берусь судить, прав или не прав в этом случае Конституционный Суд, но то, что этот факт усиливает антисоциальные настроения, очевиден. Заметим, в период празднования 20-летия Конституционного Суда РФ в интервью М. Барщевскому ответы В.Д. Зорькина о роли конституционного правосудия были более оптимистичны. «За каждым спором о конституционности закона — будь то нормы, определяющие судьбу смертной казни, размер пенсии, порядок регистрации на садовых участках или порядок выдвижения кандидатов в депутаты сельского поселения, — стоят конкретные права людей, их жизнь и судьба. Поэтому в Конституционном Суде никогда не будет “мелких дел”»¹⁸. Как видно, в тот период не только возраст, но и размер пенсии виделись конституционной проблемой. Сейчас нет.

Заметим также, что Председатель Госдумы РФ В. Володин в своем выступлении, посвященном 25-летию Конституции РФ, предложил «раскрыть определение “социальное государство”»¹⁹. Иначе говоря, проблема социальной государственности в России и ее конституционного закрепления назрела и тре-

¹⁷ Аптекарь П. Конституция сильной руки // Ведомости. 2017. 13 декабря.

¹⁸ Барщевский М. Тайна совещательной комнаты // Российская газета. 2011. 20 октября.

¹⁹ Замахина М. На контроле у депутатов // Российская газета. 2019. 22 января.

бует решения. Здесь же возникает и проблема соотношения специального и правового государства. К сожалению, в ходе дискуссии на это внимание практически обращено не было

VII. К ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО» И «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Начнем с того, что либеральная идеология как система взглядов обладает уникальным качеством — это свобода обоснования собственных идей, чего не скажешь, например, относительно теологических воззрений или воззрений социалистических эпохи Советского Союза и т.д. Это, с одной стороны, примечательно и позволяет характеризовать либерализм как гуманистическую философию и такие ее направления, как философия права. Между тем свобода идей, теорий и концепций могут противопоставляться, порой и взаимоисключаться. Еще более сложный вопрос — это перспектива воплощения гуманистической теории. Воззрения, пусть научные и даже хорошо аргументированные, на практике могут не оправдаться или попросту не воплотиться в жизнь в силу каких-либо причин. Однако практика реализации идей способна породить попутные «наросты» совершенно недемократического плана, вредные и социально опасные. Речь идет об увеличении государственного аппарата, плановых издержек, расходов на механизмы реализации новаций.

Идею правового государства можно назвать господствующей, основной в идеологии современного либерализма. Существуют ее теоретические модификации (Cherdantsev, 1999:162–164); есть немалый европейский, американский опыт реализации. Конституция России 1993 года также подчеркивает, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1).

Идея социального государства также не нова. Однако широкого концептуального обоснования пока не нашла, несмотря на интерес к ней не только зарубежного, но и отечественного государствоведения²⁰.

Между тем в юридической литературе высказана и достаточно обоснована точка зрения о ненужности и даже социально-политической опасности идеи социального государства. Так, С.С. Алексеев пишет (приведем его аргументацию

---

²⁰ Бороцкая К.Б. Конституционно право на социальное обеспечение в системе прав человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Челябинск, 2006; Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Владимир, 2006; Самойленко В.А. Социальная функция современного Российского государства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ю.н. Владимир, 2006; Аристов Е.В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017; Клишас А.А. Социальное государство. М., 2017; Тихомиров Ю.А., вслед за другими авторами, предлагает рассматривать социальные функции современного государства через систему оказания услуг (см.: Тихомиров Ю.А. Государство. М., 2013. С. 184–186.).

подробно): «В настоящее время получила распространение, сверх того, стала некой модой с претензией на статус “передовой” идея социального государства, которая в виде общей терминологической формулы нашла закрепление в ряде конституций последнего времени (Германии, Испании, Турции и др., а ныне — и России). Объективные предпосылки идеи социального государства — те же, что и основания “второго поколения” прав человека» (Alekseev, 1998:309–310).

На следующих страницах С.С. Алексеев еще более категоричен и отмечает следующее: «...по сути дела термин “социальное государство” является стыдливым аналогом термину “социалистическое государство”». И дальше автор продолжает: «Пожалуй, только ужасы сталинского “социализма” и гитлеровского “национал-социализма” потребовали терминологических корректив, замены дискредитированного выражения “социалистическое государство” на более обтекаемое и неопределенное — “социальное государство”». Впрочем, отмечает Алексеев, и ныне при освещении деятельности «социального государства» подчас употребляются характеристики, присущие именно социалистической государственности, прежде всего подчеркивается его «всеохватывающая деятельность, когда государство является «планирующим, управляющим, производящим, распределяющим» (Alekseev, 1998:112).

И в все же — в чем тревога С.С. Алексеева, выдающегося отечественного правоведа? Ученый отвечает: «Эта тревога обусловлена тем, что кредо рассматриваемой идеи ... в усилении государства в решении социальных вопросов, активизации его деятельности в экономике, в сфере распределения». И далее автор констатирует, что усиление государства экономико-распределительной сфере неизбежно ужесточит и расширит властно-императивные начала и публично-властное управление в экономических делах. А значит — вырастит бюрократический аппарат с тенденцией чиновничьего всемогущества и тенденцией вмешательства во все сферы экономической и социальной жизни и, как показывает современная практика, — с неизбежным злоупотреблением властью, коррупцией и мздоимством. И вот заключение, вывод профессора С.С. Алексеева: «Идея социального государства, таким образом, входит в противоречие с требованиями свободной рыночной экономики, демократической государственности и — что надлежит особо подчеркнуть — с основополагающими принципами правового государства, верховенства (правления) права в демократическом обществе».

Итак, с учетом сказанного можно констатировать, что либеральный плюрализм, идеология либерального государства, государства для человека могут породить социально-политические концепции политически и социально опасные для практического осуществления. По крайней мере С.С. Алексеев видел такого плана опасность в идее социального государства.

Думается, что усилить данную позицию можно и еще такой аргументацией. По существу, авторы теории социального государства уповают к правам человека, к такому их блоку, как социальные права. Сторонники данной идеи

полагают, что именно система социальных прав составляет содержание социального государства, о чем речь шла выше. Однако права и свободы человека есть главная ценность правового государства. Есть ли смысл, содержание, важнейшее составляющее теории правовой государственности, «перетаскивать» в другую теорию — социального государства? Речь идет, уточним, о системе социальных прав как составляющей более емкой системы — системы прав человека вообще.

Немецкие авторы также стараются взять под защиту конституционный принцип социального государства. И. Изензее и П. Кирххоф пишут, что «принцип социального государства, как и социальная проблематика вообще, не относится к традиционному перечню конституционных аксиом и потому исторически не связан с идеей республики. Но также как демократия и правовое государство, он нуждается в дополнении республиканским началом» (Izenzei, Kirchhof, 1994:32). Дальше больше. Отсутствие такого принципа, по их мнению, «ведет к пренебрежению свободой и собственностью» (Izenzei, Kirchhof, 1994:32). «Принцип же правовой государственности в его формальном выражении может быть истолкован как чисто инструментальный, о чем свидетельствует содержание этого принципа, которое вполне могло бы уложиться, например, в тексты Конституций ГДР и Советского Союза».

По оценке Изензее и Кирххофе, сформулированное в ст. 20 Основного Закона Федеративной Республики Германии положение о том, что данное государственное образование является социальным, есть результат толкования понятия либерального государства как гарантии защиты слабых и обеспечения минимума материального равенства. Определение государства как социального есть его понимание как государства, направленного на обеспечение социальной безопасности и социальной справедливости (Zhalinsky, Roericht, 2001:141). И далее немецкие авторы заключают: «Поэтому обозначение государства как социального не означает возложение на него конкретных обязанностей проводить конкретные социальные реформы» (Zhalinsky, Roericht, 2001:142). Что и требовалось доказать — социальное государство не есть обязанность государства что-то делать, реформировать и т.д. Это авторам видится как задача держаться какой-то социальной цели — цели человеческого благополучия.

Таким образом, в юридической науке высказаны разные позиции по вопросу перспектив идеи социального государства, необходимости ее закрепления в Основном Законе России.

Некоторые авторы в части постулирования конституционных идиологем (Т.Я. Хабриева) идут еще дальше и предлагают заняться выявлением «генетически присущих» ценностей нашего народа, чтобы они нашли наконец свою

идентичность в отечественной правовой материи, и в Конституции появилась возможность закрепить «единую идеологию»²¹.

VIII. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Концепция *институциональная* (концепция статуса властей и баланса). О неясности и нечеткой выраженности полномочий государственных ветвей власти в разного рода публикациях отмечается не только в связи с юбилеем Конституции РФ, но что, кстати, обращалось внимание сразу после ее принятия.

В Конституции РФ изначально не были разведены функции Президента как должностного лица в государстве с президентской формой правления в парламентском государстве и Президента как главы государства. Ст. 80 Конституции РФ (п. 1) констатирует, что «Президент Российской Федерации является главой государства», тем самым, по существу, поставлен знак равенства между этими понятиями. Между тем мировая практика исходит из разной природы президентской власти в *президентских* республиках, президентской власти в *парламентских* республиках и главы государства в *конституционных монархиях*. «Глава государства, — отмечает С.С. Алексеев, — призван представлять и олицетворять страну в целом, а также осуществлять координирующие функции, функции арбитра между властями. То есть функции, не выраженные во властной исполнительно-управленческой и тем более в законодательной деятельности» (Alekseev, 2009:30).

К чему привели так называемые «наслоения» высшей государственной власти? Президент РФ с «триединой» нагрузкой вынужден создавать и соответствующий аппарат, который формирует самостоятельно (ст. 83 п. «и»). В Конституции полномочия Администрации Президента РФ не прописаны вообще, они лишь сориентированы на его компетенцию и круг полномочий. По большому счету, это конституционный пробел, который привел к огромной концентрации государственной власти, по существу, неизбежно подмявшей другие вертикали властвующих структур. Правительство РФ, вместо того чтобы быть «исполкомом» общих дел в государстве, стало инструментом проведения задач Администрации Президента РФ. И кто бы не занимал должность премьер-министра, авторитет вряд ли завоюет. Его инициативы скованы, самостоятельность проявить невозможно, оперативность в решении неотложных задач также; иначе говоря, исполнительная государственная власть, если исходить из модели действующей Конституции РФ, не является «полнокровной». Такого плана суждения можно продолжить.

---

²¹ Колесников А. Генетические танцы на граблях // Ведомости. 2019. 22 мая; См. также: Баймухаметов С. О повторном введении единомыслия // Новая газета, № 58. 2019. 27 мая.

IX. ИТОГИ

Сказанное выше позволяет сделать общий вывод: необходима дискуссия, подчеркнем, серьезная дискуссия с привлечением специалистов с тем, чтобы в ближайшее время создать хотя бы «образ», примерную модель будущей Конституции России.

Конституция в современной России должна быть документом, адекватно отражающим реальность. Что имеется в виду? Прежде то, что российская действительность вышла из советского общества, его политической системы — а это сложный и многосоставляющий фактор. Речь идет не только о состоянии людей, где не могут не проследиваться ноты тоталитарного воспитания, но это и действующее законодательство, политические и правовые традиции. Все это движется динамично и, конечно, подвержено развитию. Словом, в российской ситуации желание иметь одну стабильную «вечную» Конституцию нереально, как бы ни хотели того сторонники одного раз и навсегда принятого Основного Закона. И чем дольше тянется такого плана двойственная ситуация — тем больше разрыв между реальной и формальной (писанной) конституций.

В заключение отметим также, что так называемый «русский конституционализм» имеет давнюю историю, причем непростую. Россия все ищет свою надежную правовую опору. Интересны и актуальны суждения А.В. Гоголевского о течениях конституционализма в начале XX века: «К этому рубежу русский конституционализм — отмечает ученый — подошел в виде разрозненных движений, не представляя собой цельного течения политико-правовой мысли, определенного общей концепцией» (Gogolevskij, 2001). Просматриваешь материалы того времени, и не перестаешь удивляться созвучности проблем нынешних и более чем столетней давности. И возникает вопрос: неужели Россия обречена на вечный поиск своей Конституции? Думаю, нет. Россия много пережила, много страдала. И много крови было пролито. Все это не должно быть зря, и думаю, что мы на пороге адекватного, юридически отточенного Основного Закона, предполагающего стабильное и наступательное развитие, отталкивающего кумовство и коррупцию.

В завершении отметим следующее. Материал для подготовки настоящей статьи занял достаточно продолжительное время. Объем публикации, как очевидно, ограничен. И в этой связи сказать хотелось следующее: за это время и не только, появилось немало блестящих, достаточно самостоятельных и аргументированных материалов по вопросам реформирования Конституции (Bondari, 2015; Khabrieva, 2016; Khabrieva, Andrichenko, 2017; Ovchinnikova, Chaganian, 2018; Bartsits, 2018; Zenkin, 2018; Rummyantsev, 2019; Lafitskiy, 2019).

Эта же проблема существует в зарубежных странах, и Россия здесь не одинока (Jones, 2013; Mbondenyi, Ojienda 2013; Elkins, Ginsburg, Blount, 2011; Dakolias, 2010; Keating, 2009).

Для меня это означает, что проблема конституционной модернизации, несомненно, есть, она интересна, и не только специалистам. А значит, и идея «круглых столов» по подготовке изменений и дополнений в Основной Закон страны имеет благодатную почву.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alekseev, S.S. (2009), U istokov Konstitutsiy Rossii. [At the root of the Constitution of Russia. Subjective notes. Yekaterinburg], pp. 42. (In Russian).
Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург. 2009. 42 с.
- Alekseev, S.S. (1998), *Filosofia prava*. [Philosophy of law]. M., pp. 309–310. (In Russian).
Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 309–310.
- Bartsits, I.N. (2018), Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 41*, pp. 344–370. (In Russian).
Барциц И.Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Выпуск. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.
- Bezrukov, A.V. (2017), Stabil'nost' Konstitucii RF i konstitucionnye preobrazovaniya: vozmozhnosti sochetaniya i realizacii [The stability of the Constitution of the Russian Federation and constitutional transformation: possibilities of integration and implementation] // *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justitia]. № 3, pp. 5–7. (in Russian).
Безруков А.В. Стабильность Конституции РФ и конституционные преобразования: возможности сочетания и реализации // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 5–7.
- Bondari, N.S. (2015), Strategiya rossijskogo konstitucionalizma: ot politicheskikh illyuzij k pravovomu realizmu [The strategy of Russian constitutionalism: from political illusions to legal realism] // *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law]. № 11. (In Russian.), pp. 5–18. (in Russian).
Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 5–18.
- Cherdantsev, A.F. (2016), Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative Misunderstanding Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. (10), pp. 8–15. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права. Журнал российского права. № 10. 2016. С. 8–15. (in Russian).
- Cherdantsev, A.F. (1999), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, pp. 162–164. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 162–164.
- Dakolias, M. (2010), Are We There Yet?: Measuring Success of Constitutional Reform. *VANDERBILT JOURNAL OF TRANSNATIONAL LAW* Vol. 39:1117. (in English).
- Denisov, S.A. (2018), Imitaciya konstitucionnogo stroya [Imitation of the constitutional order]. Ekaterinburg, pp. 75. (in Russian).
Денисов С.А. Имитация конституционного строя. Книга 1. Екатеринбург. 2018. С. 75.
- Elkins, Z., Ginsburg, T. Blount, J. (2011), Constitutional Reform in the English-Speaking Caribbean: Challenges and Prospects. A report prepared for the Conflict Prevention and Peace Forum. 20 pp. (in English).

- Gogolevsky, A.V. (2001), *Russkij konstitucionalizm: ot samodержavija k konstitucionno-parlamentskoj monarhii*. [Russian constitutionalism: from autocracy to constitutional parliamentary monarchy]. Moscow, pp. 490. (in Russian).
Гоголевский А.В. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М. 2001. 490 с.
- Izensee, I., Kirchhof, P. (1994), *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [State Law of Germany]. (1), pp. 32. (in Russian).
Изензее И., Кирххоф П. Государственное право Германии. В 2-х томах. Том 1. М., 1994. С. 32.
- Jones, R. (2013), *Constitutional Reform and the Contribution of the Political Parties since the Beginning of the 20th Century*. MANCHESTER STUDENT LAW REVIEW. Vol 2:110. 110–147 pp. (in English.).
- Keating, M. (2009), *Second Round Reform. Devolution and constitutional reform in the United Kingdom, Spain and Italy*. LSE' Europe in Question' Discussion Paper Series. (15). European University Institute, Florence. (in English).
- Khabrieva, T.Ya., Andrichenko, L.V. (2017), *Konstitucionnye reformy na postsovetском prostanstve: tendentsii razvitiya* [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 37. Pp. 272–287. (In Russian).
Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 272–287.
- Khabrieva, T.Ya. (2016), *Konstitucionnye reformy v sovremenном mire* [Constitutional Reform in Today's Context]. М.: RAS Nauka, pp. 269–275. (in Russian).
Хабриева Т.Я. Конституционные реформы в современном мире. Вестник Российской Академии Наук. 2016. Т. 86, в. 4. 269–275 с.
- Klishas, A.A., Yeremyan, V.V. (2014), *Konstituciya 1993 kak novyj etap demokratizacii Rossijskoj gosudarstvennosti* [Constitution of 1993 as a new stage of democratization of the Russian statehood], pp. 4. (in Russian).
Клишас А.А., Еремян В.В. Конституция 1993 как новый этап демократизации Российской государственности. М., 2014. С. 4.
- Kornev, V.N. (2019), *Integrativnaya priroda Konstitucii Rossii* [The integrative nature of the Russian Constitution]. Rossijskoe pravosudie [Russian justice]. (12), pp. 8–15. (in Russian).
Корнев В.Н. Интегративная природа Конституции России. Российское правосудие. № 12. 2019. С. 8–15.
- Lafitskiy, V.I. (2019), *Eroziya Konstitucii i konstitucionnoj pravoprimeritel'noj praktiki (kriticheskie zametki v preddverii yubileya Konstitucii RF 1993 g.)* [Erosion of the Constitution and Constitutional Enforcement Practice (critical notes on the threshold of the jubilee of the Constitution of the Russian Federation of 1993)]. Vestnik Constitutional. 4 (22) (in Russian).
Лафитский В.И. Эрозия Конституции и конституционной правоприменительной практики (критические заметки в преддверии юбилея Конституции РФ 1993 г.). Конституционный вестник. 2019. № 4 (22).
- Lukyanova, E.A. (2015), *Konstitucionnye riski* [Constitutional risks]. Moscow, p. 28. (in Russian).
Лукьянова Е.А. Конституционные риски. М. 2015. С. 28.
- Maslovskaya, T.S. (2016), *Novye napravleniya konstitucionnyh reform v zarubezhnyh stranah (dinamika poslednih pyati let)* [New directions of constitutional reforms in foreign countries (dynamics of the last five years)]. Journal of Foreign Law and Comparative Law. 4, pp. 82–87. (in Russian).

Масловская Т.С. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. 2016. С. 82–87.

Mbondenyi, M.K. Ojienda, T. (2013), *Constitutionalism and Democratic Governance in Africa: Contemporary Perspectives from Sub-Saharan Africa*. University of Pretoria. p. 395. (in English).

Ovchinnikova, Olesya D., Chaganian, Annetta M. (2018), *Yuridicheskie obyazannosti cherez prizmu teoretiko-pravovogo analiza polozhenij Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Legal obligation through the prism of the theoretical-legal analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo State University. Law*. (27). (in Russian).

Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Юридические обязанности через призму теоретико-правового анализа положений Конституции Российской Федерации. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018. № 27.

Rumyantsev, O.G. (2019), *O 25-letii Konstitucii Rossijskoj Federacii i novom nomere «Konstitutionnogo vestnika»* [On the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the new issue of the *Vestnik Constitutional*]. *Vestnik Constitutional* 4 (22), pp. 284–294. (in Russian).

Румянцев О.Г. О 25-летию Конституции Российской Федерации и новом номере «Конституционного вестника». *Конституционный вестник*. 2019. № 4, 284–294 с. (22).

Umnova (Konyukhova), I.A. (2015), *Novye tendencii i osobennosti primeneniya Konstitucii RF rossijskimi sudami. V sb. primeneniye nacio-nal'nyh konstitucij v Rossijskoj Federacii i Francii: sravnitel'no-pravovoj aspekt* [New trends and features of the application of the Constitution of the Russian Federation by the Russian courts. On Sat application of national constitutions in the Russian Federation and France: comparative legal aspect]. Frolova I.A. (eds). Moscow, pp. 51–59. (in Russian).

Умнова (Конюхова) И.А. Новые тенденции и особенности применения Конституции РФ российскими судами. В сб. применение национальных конституций в Российской Федерации и Франции: сравнительно-правовой аспект. Под ред. Фроловой И.А. М., 2015. С. 51–59.

Zenkin, S.A. (2018), *Modernizaciya Konstitucii Rossijskoj Federacii: normativnaya model' i praktika* [Modernization of the Russian Federation Constitution: a regulatory model and practice]. 11 (144). (in Russian).

Зенкин С.А. Модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика. 2018. № 11 (144).

Сведения об авторе:

Власенко Николай Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов, заслуженный юрист Российской Федерации

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

Контактная информация:

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Для цитирования:

Власенко Н.А. Модернизация конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2019. Т. 23 № 2. С. 163–183. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183.

Дата поступления в редакцию: 22 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

**MODERNIZATION OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA
(TO THE RESULTS OF THE DISCUSSION IN CONNECTION
WITH THE 25TH ANNIVERSARY)**

Nikolay A. Vlasenko

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

A quarter of a century has passed since the adoption of the Constitution of the Russian Federation by a national referendum. The jubilee gives a reason to talk about the optimality of constitutional provisions, their effectiveness, and somewhere practical expediency. The article aims to analyze the points of view expressed in this regard in the scientific press, newspaper periodicals and other media. However, the author first refers to the history of the emergence of the Constitution of the Russian Federation in 1993. It is noted that the Basic Law, on the one hand, was a result of military-political compromise between supporters of the parliamentary vision of the future structure of the country and supporters of a strong presidential power, on the other hand, allowed ultimately abolish the Soviet system and traditions. The mentioned situation and the factor of haste and hurry could not but affect the content and technical and legal quality of the document. The author has reduced the opinions expressed on the issue of modernization of the Constitution of the Russian Federation to three main positions: 1) The Constitution has not exhausted its potential and there is no reason to change its text; 2) a full-fledged constitutional reform is required, the current Constitution has exhausted its potential; 3) there is a need for precise partial changes and additions that can improve the Constitution.

The article argues that the last position of the so-called precise partial changes is the most productive and allows to make the constitutional document adequate and relevant. In this regard, it is proposed to hold several round tables at the initial stage on the development of concepts for improving the constitutional foundations. One of them, the author calls promising and offers to prepare a list of proposals for the removal of ideologically and actually not confirmed in practical life provisions. These are provisions about Legal State (excluding the principle of separation of state power), Welfare State, etc. Another concept that also needs to be developed is institutional (the concept of the legal status of public authorities, their powers, checks and balances, etc.). These ideas, the author believes, should be a compromise between scientists, then become public and be implemented in the practice of constitutional construction.

Key words: Constitution, Legal Constitution, Current Constitution, Legal State, Welfare State, Constitutional Legislation, Head of State

Information about the author:

Nikolay A. Vlasenko — Doctor of Legal Sciences, Professor, professor of Department of Theory of Law and State of RUDN University, Honored Lawyer of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

Contact information:

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru

For citation:

Vlasenko, N.A. (2019), Modernization of the Constitution of Russia (to the Results of the Discussion in Connection with the 25th Anniversary). *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 163–183. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183.

Article received May 22, 2019

Article accepted May 30, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ЧАСТЬ II)¹

В.П. Иванский, С.И. Ковалев

Российский университет дружбы народов
Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Актуальность статьи, состоящей из двух частей, в том, что рассматриваются разнообразные теории рациональности, представленные лишь в философских трудах. Между тем следует отметить, что в последние десятилетия в научных работах по юриспруденции четко прослеживается тенденция заимствования таких терминов из философии, как «классическая», «неклассическая» или «постнеклассическая» наука при описании той или иной концепции права. Тем не менее в правовых исследованиях до сих пор отсутствует понятие рациональности, критерии ее классификации, позволяющие описывать многогранность проявления правовой реальности.

Цель исследования заключается: 1) в поиске новых неклассических оснований развития юридического знания; 2) в обосновании точки зрения, согласно которой категорию «научная рациональность» и ее типологизацию, используемые в философии, необходимо ввести в научный оборот юридической науки, что позволит раздвинуть границы познания правовой реальности; 3) описать особенности понимания термина «научная рациональность» в юриспруденции в контексте ее классификации на следующие две группы: классический и неоклассический (постклассический), а также неклассический и постнеклассический.

В процессе исследования философии рациональности в правовых исследованиях применялся разнообразный набор методологического инструментария: 1) общеправовые методы (диалектический и идеалистический); 2) общенаучные методы — анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия, сравнение; 3) и частные (специальные) — логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, нормативно-догматический; 4) метод интерпретации, включающий метод проблемно-теоретической реконструкции.

Основными результатами достижения цели исследования стали предложения по: 1) введению в научный оборот правоведения понятия «типы и модели юридической рациональности»; 2) классификации юридической рациональности на классический и неклассический типы и соответствующие им модели — неоклассическая (постклассическая) и постнеклассическая. Следует отметить, что постклассический и постнеклассический стили правового мышления представляют собой эволюционировавшие варианты, соответственно, классического и неклассического типов юридической рациональности. Основой классификации типов научной рациональности в юридической науке послужил антропологический фактор — сознание *homo juridicus* и методологический инструментарий, с помощью которого правосознание познается.

¹ Начало см.: Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1.

Новизна исследования состоит в том, что представленная выше классификация эпистемологических парадигм позволяет взглянуть на право как на многоуровневую реальность, которой одновременно присущи два механизма ее конституирования — внешний и внутренний. Более того, представленный критериальный ряд классификации юридической рациональности выступает основанием развития юридического знания.

Ключевые слова: правосознание, правопонимание, теории рациональности, правовая реальность, субъект права, методология, кризис, правообразование

V. ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Обсуждение разнообразных точек зрения философов на понятие «научная рациональность», набор ее критериев, а также правоведов на ее типологизацию исследуется в контексте определенных научных картин мира, в том числе юридических (более подробно: Vedenev, 2014:641–654; Gromova, Poluboyarov, 2015:330–335), представленных их теориями. Прежде чем приступить к описанию типов и моделей юридической рациональности, представленных в концепциях права, следует изучить наиболее разработанные в философии современные подходы к понятию научной рациональности. Эта необходимость вызвана тем, что в юридической науке отсутствует надлежащим образом проведенные исследования в этой области.

Широкое признание в философских кругах получила концепция «критического рационализма» британского философа австрийского происхождения К.Р. Поппера (Popper, 1983). Суть его концепции выражается в принципе рациональной критики, которому должны подвергаться не только гипотезы других, но и собственные суждения. Однако если принять этот принцип за критерий рациональности, то он также должен подвергаться критике — аргумент, основанный на выводе из положения, которое само еще требует доказательства (*petitio principii*). Вместе с тем Поппер отказался от эмпирической достоверности обоснования добываемого знания, устанавливаемой процедурами опытного подтверждения (верификации). Другими словами, мыслитель заключил, что именно фальсифицируемость, а не верифицируемость отличает эмпирическую науку от метафизики.

Американский философ У.В.О. Куайн (Quine, 1969) свою теорию научной рациональности назвал «натурализованной эпистемологией» (научным реализмом), суть которой состояла в том, чтобы заменить априорные критерии научности реально протекающими процессами научного познания вместо того, чтобы «фабриковать вымышленные схемы». Иначе говоря, он экстраполировал методы изучения законов природы на методы изучения законов развития научного знания, а также использовал методы естествознания для изучения и объяснения эпистемологии. Наукой, способной выполнить такую задачу, Куайн считал когнитивную (бихевиористскую) психологию, которую он относил к естествознанию.

По мнению другого американского философа Т.С. Куна (Kun, 2009), лишь история науки, а не априорная методологическая концепция способна от-

ветить на вопрос о критериях рациональности в науке. Научными и рациональными являются те стандарты, которые приняты научным сообществом в конкретный исторический промежуток времени; с чередованием парадигм происходит смена стандартов рациональности. Поэтому Т. Кун предлагал трактовать рациональность расширительно посредством привлечения социально-психологических характеристик членов научных сообществ для описания радикальных изменений в науке. Более того, человеческая разумность с точки зрения американского мыслителя — это то, что принадлежит человеку и изменяется вместе с ним. Стало быть, Кун отождествляет научную рациональность с образцами научно-исследовательской деятельности субъекта (ученого, научного сообщества и т.д.), то есть каждая субъективистская парадигма (концептуальные каркасы) устанавливает свои стандарты рациональности, действующие до перехода к альтернативной субъективистской парадигме.

Английский философ венгерского происхождения И. Лакатос (Lakatos, 2008; Lakatos, 1968; Lakatos, 1972), ученик и критик К. Поппера, попытался улучшить концепцию своего учителя, подвергнув историю науки рациональной реконструкции. Это привело Лакатоса к разработке своей концепции, называемой методологией научно-исследовательских программ (утонченного фальсификационизма). В теории Лакатоса не существует одной монополюбно господствующей исследовательской программы, а происходит постоянный процесс соперничества теорий: одни из них оттесняются на задний план, другие — перерабатываются и реконструируются. Главным критерием научности программы английский мыслитель называет прирост фактического знания за счет ее способности предсказывать новые факты в сочетании с их эмпирическим подтверждением. Пока научная теория дает прирост эмпирического знания, работа ученого в ее рамках рациональна, а его исследовательская программа является прогрессивной. Если же теоретический рост дает запоздалые объяснения новым фактам (отстает от эмпирического роста), то программа регрессирует. Когда конкурирующая исследовательская программа обладает эвристическим потенциалом и способностью предсказывать новые факты в отличие от предшествующей программы, то следует говорить об отказе от последней.

Британский (американский) философ С.Э. Тулмин (Tonlmin, 1998; Tonlmin, 1967), назвавший свою концепцию «теорией человеческого понимания» (гибкой рациональностью), является представителем постпозитивистского историко-эволюционистского направления в философии науки, взявшим курс на расширительное толкование рациональности. Ученый считает, что в основе всех теорий лежат стандарты рациональности — матрицы, через призму которых события и явления становятся для всех понятными. Между тем матрица понимания связана границами определенной исторической эпохи. Стало быть, Л. Тулмин рассматривал развитие науки в рамках конкретно-исторического подхода, связанного с привлечением данных истории науки, социальной психологии, социологии, культурологии, эпистемологии и других ветвей научного

знания о человеке и человеческом обществе. Более того, эволюцию понятийных образований в социокультурной среде Тулмин пытается связать с эволюцией психофизиологических коррелятов этих образований, что, на наш взгляд, раскрывает источник и механизм конституирования внутренней природы субъекта.

Наиболее привлекательной в современную эпоху постмодерна является концепция эпистемологического (методологического) анархизма, разработанная П. Фейерабендом, – американско-австрийским философом, ученым, представителем постпозитивизма (Feyerabend, 1986; Feyerabend, 1961; Feyerabend, 1965; Feyerabend, 1968–1969). Основными постулатами концепции являются принципы методологического анархизма и несоизмеримости теорий. Их суть состоит в том, что, во-первых, в связи с детерминированностью действия методологии в научном исследовании все дозволено (*anything goes*): никакие методы не отбрасываются и не запрещаются. Таким образом, анархистский принцип П. Фейерабенда «*anything goes*» утверждает, что для прогресса науки необходимо отказаться в исследовании от методологических критериев верификационизма и фальсификационизма, принципа соответствия и недопустимости противоречия. Во-вторых, несоизмеримость сменяющих друг друга теорий и гипотез означает, что любая теория создает свой мир фактов, значения терминов, входящих в теорию, которые являются различными, даже если они будут обозначаться одним и тем же словом. В связи с тем, что критерии теорий субъективны, то не существует единого универсального критерия сравнимости теорий. Поэтому общество не должно ограничивать мышление человека лишь стандартами науки, так как она выступает не единственным инструментом познания мира. Познание есть процесс конкуренции несовместимых (несоизмеримых) альтернатив для развития науки, основу которых составляют разработанные гипотезы, несовместимые с хорошо обоснованной теорией (фактами). Отсюда вытекает равенство любых систем утверждений и возможность защиты любой теории от внешней критики. Более того, ставится под сомнение также принцип соответствия и преемственность даже между родственными теориями. Следовательно, принцип несоизмеримости теорий представляет концепцию развития науки как смену парадигм, не связанных между собой логическими отношениями, использующих разные понятия, методы интерпретации фактов и способы видения мира. По причине исторической изменчивости, по мнению Фейерабенда, конкурирующие теории не могут иметь одно и то же содержание терминов. Из вышесказанного можно заключить, что П. Фейерабэнд выступает не за многообразие рациональной методологии, а за плюрализм типов рациональности.

Повышенный интерес вызвала концепция умеренной рациональности английского ученого Уильяма Ньютона-Смита, изложенная в «Рациональности науки», открывшая новые горизонты рационалистического видения научного познания. В. Ньютон-Смит классифицирует модели, объясняющие перемены в науке, на рациональные (К. Поппер, Л. Лаудан, И. Лакатос, В. Ньютон-Смит и др.) и нерациональные (Т. Кун, П. Фейерабэнд и др.), каждая из которых чер-

пает объяснительные возможности друг у друга. Рациональные модели характеризуются целенаправленностью научной деятельности и методологией, позволяющей сравнивать различные системы научного знания по степени достижения установленной цели. Нерациональные модели объясняют перемены в науке внешними факторами, например, социологическими или социально-психологическими. Между тем характеристики рациональных моделей не являются некоторой априорной данностью и могут расширяться или сужаться в зависимости от наличия внешних факторов, воздействующих на внутренние процессы развития науки. Из сказанного выше вытекает, что философ В. Ньютон-Смит пытается не только описать новый образ рациональной науки, но и определить критерии к данной теории. К критериям разрабатываемой модели научной рациональности мыслитель относит эмпирическую подтверждаемость, эффективность, внутреннюю последовательность, простоту и интертеоретическую поддержку (Newton-Smith, 1981; Newton-Smith, 1985). По его замыслу, критерии не представляют собой некий единый жесткий алгоритм принципов-догматов, в соответствии с которыми оценивается любая концепция; они не являются статичными, а развиваются вместе с научным познанием. Итак, во-первых, умеренная теория научной рациональности заключается в том, что между методом науки и повышением степени правдоподобия научных суждений устанавливается коррелятивная связь; во-вторых, умеренный рационализм отказывается от статических моделей научной рациональности и предлагает динамическую концепцию рациональности научного познания.

Философ-позитивист и методолог Л. Лаудан (Laudan, 1992; Laudan, 1984) выдвинул проблеморешающую модель научного познания, которая базируется на разработанной им сетевой модели научной рациональности. Ученый утверждает, что цель науки — получать теории с высокой проблеморешающей потенциальной эффективностью. Иначе говоря, новая теория должна не просто решать больше проблем, чем старая, а в ней должен присутствовать перспективный, а значит прогрессивный, компонент. Однако говорить о прогрессе науки мы можем не в абсолютном смысле, а относительно той или иной определенной совокупности целей, так как научное познание — многостороннее и многоплановое предприятие с трансформирующимися целями и ценностями. Кроме того, сетевая модель научной рациональности включает в себя не только цели и методы, но также убеждения и ценности. Таким образом, во-первых, научное продвижение представляет собой одновременное движение эмпирических подтверждений и концептуального развития. Во-вторых, сетевая модель научной рациональности трактуется Л. Лауданом в расширительном смысле, включающем в себя убеждения и ценности. По этой причине его модель мы можем отнести к постклассическому (неоклассическому) типу научной рациональности, в котором, с одной стороны, продолжает господствовать объективные критерии естествознания — цели и методы, а с другой, появляются субъективные параметры познания — аксиологические ориентиры научной деятельности.

Мыслитель Ф. Китчер называет рациональность научного познания моделью саморегулирующегося процесса. В работе «Продвижение науки» ученый описывает главную когнитивную цель науки, состоящую в достижении существенных истин, под которыми понимается распознавание объективных закономерностей в мире (Kitcher, 1993). При этом главная цель науки находится вне научных практик и является объективным ориентиром продвижения науки. Кроме того, в произведении раскрывается компромиссная модель урегулирования научных разногласий (конфликтов), содержащая рационалистические и иррационалистические черты. Научный конфликт развивается как самокорректирующийся процесс, конечная стадия которого выводит участников из состояния разногласия.

Философ Р. Рорти в книге «Философия и зеркало природы» (Rorti, 1997) раскрывает понятие рациональности. Однако ученый понимает ее иначе, чем в традиционной философии, где состояние знания соответствует таким критериям научности как точность, объективность и доказательность. Мыслитель Р. Рорти предлагает понимание рациональности в духе неопрагматизма, заключающегося в том, что рационально то, что необходимо обществу, что общество одобряет и по поводу чего приходит к согласию. Иначе говоря, научная рациональность необходима для достижения консенсуса относительно тех целей, к которым следует стремиться, и тех средств, которыми следует пользоваться для достижения этих целей. Если люди поступают так, то они действуют разумно — рационально. По этой причине, по мнению американского ученого, бессмысленно рассуждать о каких-то абсолютных критериях научной рациональности. Рациональность науки есть миф традиционной философии, выраженный посредством языковой игры, цель которой заключается в построении той или иной схемы рассуждений о создающих иллюзорную реальность терминах — сознание, материя, рациональность, душа, истина, объективность и т.п. Более того, познание, с точки зрения Рорти, имеет не духовную, а социальную природу и рассматривается им в качестве практики языкового общения как средства разумной аргументации. Целью познания выступает не стремление к достижению метафизической истины, а предсказание и объяснение фактов повседневной жизни. Такой подход к научной рациональности Р. Рорти называет эпистемологическим бихевиоризмом.

Не менее интересным подходом к описанию рациональности следует признать «конвергентную теорию» научной рациональности философа Х. Патнэма. В работе «Разум, истина и история» (Putnam, 1981) Патнэм рациональность связывает с истиной, при этом он их не отождествляет. Истина представляет собой рациональную приемлемость при идеальных эпистемических условиях. Между тем философ подчеркивает исторический и обусловленный культурой характер рациональности, которая функционирует как регулятивная идея. В связи с этим рациональность имеет двойственную природу. С его точки зрения, наука должна предполагать более широкое понятие рациональности, чем концепция лабора-

торной проверяемости. Следовательно, состояние рациональности — это некое множество критериев, принятых в науке, набор которых может постоянно меняться. Иными словами, рациональность так же плюралистична, как и истина.

Из сказанного выше следует, что разработанные мыслителями научные теории, по сути, выражают социокультурные, ментальные, когнитивные условия определенной картины мира, обуславливающие стиль и способ мышления в рамках того или иного модуса рациональности. Результатом нашего исследования стали, во-первых, выявленные вследствие изучения разнообразных философских концепций критерии научной рациональности, которые выступают каркасом конституирования эпистемологической модели. Во-вторых, на основе анализа философских теорий рациональности авторы пришли к выводу, что любая концепция представляет, по сути, тот или иной стиль мышления мыслителя или научного сообщества. В-третьих, изложенные в концепциях философов критерии рациональности, с учетом движения эволюции современной картины мира от классической к неклассической, следует классифицировать на классические и неклассические. В-четвертых, ввиду того, что философия является фундаментом теоретической юриспруденции, то авторы статьи предлагают ввести в научный оборот правоведения понятие юридической рациональности посредством описания ее критериев. В-пятых, указанная выше классификация рациональности позволит «легализовать» в юридической науке концепции, не признанные в настоящий момент в правоведении в качестве научных. Имплементация типологизации рациональности в юриспруденции создаст условия для постижения разнообразных граней бытия правовой реальности.

Исследование публикаций в области юриспруденции показывает, что одну и ту же теорию права разные ученые относят к различным типам научной рациональности. Исследователь В.И. Павлов усматривает в феноменолого-коммуникативной концепции права профессора А.В. Полякова признаки неклассического типа. Между тем правовед И.Л. Честнов считает, что теория права А.В. Полякова принадлежит постклассической эпистемологии. Между тем сам А.В. Поляков рассматривает свою интегральную концепцию в качестве постнеклассической модели. Это связано с тем, что до сих пор в юридической науке не сложилось единого критериального ансамбля типологизации рациональности. Предлагаемый нами подход к классификации научной рациональности является перспективным направлением научно-исследовательских программ и связан с наличием: 1) в определении правовой реальности (права) категории сознания человека; 2) специфического набора методологических средств, применяемых при изучении правового сознания. Далее проведем анализ в русле такого подхода понятия «право» в трудах ученых, указанных в разделе «обзор литературы».

А.В. Поляков рассматривает правовую реальность в качестве единой дихотомической структуры, включающей в себя идеальную (эйдетическую) и реальную ипостаси. При этом эйдос права, выступающий одновременно феноме-

ном сознания и собственной структурой права, постигается с помощью феноменологической редукции. В данном аспекте право вневременно и внепространственно, лишено социокультурного содержания. В случае наполнения идеальной умопостигаемой эйдетической сущности конкретным социокультурным содержанием формируется другой план правовой действительности — реальное явление (Polyakov, 2016:264–272). В связи со сказанным справедливо утверждение Полякова о принадлежности его концепции права к постнеклассическому правопониманию по следующим причинам. Во-первых, одним из фундаментальных оснований построения его концепции является правовое сознание (правовая психика) человека. Во-вторых, при изучении правосознания применяется феноменологический подход, раскрывающий собственную структуру права. В-третьих, помимо феноменологии право рассматривается в качестве самоорганизующейся и саморазвивающейся психосоциокультурной коммуникативной системы на основе идей синергетики и коммуникологии.

Постнеклассический стиль юридического мышления выражен также в информационно-квантовой концепции права, черты которой тесно переплетаются с феноменолого-коммуникативной концепцией права А.В. Полякова. При этом следует отметить, что понятийно-категориальный аппарат, используемый для описания разнообразных граней правовой реальности, разнится из-за концептуальных оснований самих исследовательских теорий. Вместе с тем, несмотря на несхожие концептуальные каркасы правовых концепций, научно-исследовательские программы постнеклассической эпистемологической модели имеют единый онтологический фундамент. В отличие от дихотомической структуры правовой реальности в концепции профессора А.В. Полякова правовая реальность информационно-квантовой концепции характеризуется тремя основными имманентно взаимосвязанными информационно-энергетическими уровнями ее бытия — квазипаттерном «Я», протопаттерном «я» и паттерном «я».

В основе либертарно-юридического понимания права лежит принцип формального равенства. В.С. Нерсисянц дает следующее определение праву: право — это соответствующая требованиям принципа формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью государственного принуждения. Иначе говоря, право — это официально установленная и обеспеченная государственной защитой система норм, соответствующая принципу формального равенства (Nersesyants, 2011). Либертарно-юридический подход Нерсисянца в соответствии с изложенными выше критериями относится к постклассическому (неоклассическому) правопониманию.

Концепция правового аутопойзиса Д.К. Синякова понимает право в качестве функционально независимой коммуникативной системы, источником воспроизводства которой является различающееся единство прав и обязанностей (Sinyakov, 2015:175). В связи с тем, что функциональная специфика аутопойетической системы права не зависит от воли и сознания человека, выступа-

ющих как внешнее по отношению к ней окружение, то аутопойетическая концепция права нами рассматривается как относящейся к постклассическому (неоклассическому) типу научной рациональности. Между тем главным критерием разграничения классического (постклассического) типа научной рациональности от неклассической (постнеклассической) эпистемологической модели является правосознание человека, его правовое «Я», выступающее источником правовой реальности. Вместе с тем в неклассическом измерении рациональности используются фундаментальные свойства аутопойетической правовой системы — непрерывности и самосозидания (самопорождения), но в сети трихотомической структуры правового «Я».

Механическое объединение классических типов правопонимания (юснатурализма, правового этатизма и социологического правопонимания), по мнению юриста И.Л. Честнова, не порождает многогранности и многоаспектности правовой реальности, тем более нового типа научной рациональности. В отличие от дихотомической структуры правовой реальности А. Полякова диалогическая антрополого-правовая концепция И. Честнова описывает трихотомическую конструкцию права, включающую в себя норму права, ее восприятие правосознанием и реализацию в правовом поведении. При этом правовая реальность воспроизводится не только действиями, но и ментальными психическими процессами в поведении людей. Между тем сущность права И.Л. Честнов усматривает в его социальном назначении — обеспечение целостности, нормального функционирования общества, которую можно обнаружить не в праве, а за ее пределами — в социуме (Chestnov, 2012:13–15). Стало быть, Честнов понимает право в качестве аутопойетической системы, самовоспроизводящей себя не на уровне человека юридического, его правосознания, а общества. Более того, диалогическая концепция И.Л. Честнова по своему критериальному ряду классификации рациональности принадлежит постклассическому (неоклассическому) правопониманию, основу которой составляет историческая и социокультурная мера возможного, должного и запрещенного поведения (контекстуальность права).

Одним из первых правоведов, который описал специфические свойства правовой психики (правового сознания), имеющей атрибутивную природу, является Л.И. Петражицкий. В этом контексте справедливо утверждение ученого Н.Н. Алексева, заключающееся в том, что Л.И. Петражицкий сумел описать «некоторые неразложимые и первоначальные эмоциональные акты, являющиеся основой всего того, что человеческое мнение называется правом» (Alekseev, 1999:63). Речь идет именно об императивно-атрибутивных эмоциях, переживаемых субъектом как «связка» собственного правомочия и обусловленной им обязанности другого (Gritsenko, 2002:99). Иначе говоря, связь императивных и атрибутивных притязаний, существующая в психологической сфере индивида, называется правом. Таким образом, правом исследователь Петражицкий называл всякую эмоцию императивно-атрибутивного свойства (Petrazhitskii, 2000). Не-

сомненно, что изложенный выше научный подход к пониманию права, в котором его источником выступает психика человека, а не внешние по отношению к сознанию индивида факторы (государство, общество, бог), в рамках нашей типологизации принадлежит к неклассической эпистемологической модели. Вместе с тем применение к учению Петражицкого позитивистской методологии переводит его в разряд постклассического правопонимания.

В основе феноменологической концепции права юриста Н.Н. Алексева лежит утверждение, что право имеет свой собственный смысл, который не зависит от политической воли, идеологического принципа или практики сложившихся общественных отношений. Право, по Алексеву, всегда есть там, где наличествует правовая структура (Alekseev, 1999). С точки зрения Н. Алексева, взамен определений права следует дать описание его феноменологической структуры в ее основных данностях. Одним из важнейших элементов правовой структуры является субъект (носитель правового смысла), деятельность которого связана с обнаружением в праве ценностей, и способный к их признанию. Вторым элементом этой структуры являются сами обнаруженные в праве ценности. Третьим элементом правовой структуры Алексеев считает любые правомочия и обязанности субъекта, сопряженные с признанием этих ценностей. Из сказанного вытекает, что единство этих трех элементов образует понятие правовой структуры (правового логоса), выступающей идеальной целостностью явлений права. В созерцании отдельных аспектов этой целостности (интенциональность) и обнаруживается структура права. Итак, право есть направленность сознания на область ценностей, постигаемых особого рода интуицией. В связи с изложенным феноменологическая концепция права представляет собой неклассическую модель рациональности.

Другой стратегией познания правовой реальности выступает синергично-антропологическая концепция права В.И. Павлова, базирующаяся на взаимодействии богословского (исихастского) и юридического антропологического дискурсов. В ней В. Павлов рассматривает правовое сознание в качестве энергичного образования, полностью фундированного на структурах личностной конституции и идентичности, которые определяются типом осуществляемой «практики себя» (Pavlov, 2011:271–300). Как раз «практики себя», по мнению Павлова, конституируют не только персонально-антропологический уровень реальности, но всю государственно-правовую область. Из этого вытекает, что путь познания правовой реальности, лежащий не в области эссенциального антропологического дискурса, а в измерениях духовных практик, выражает постнеклассический тип юридической рациональности.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ философской и юридической литературы, касающейся категории научной рациональности и ее критериев, привел к выводу, что одним из путей

выхода из состояния кризиса юридической науки в условиях глобализации, выступает расширительное толкование правовой реальности, которое представляется возможным благодаря классификации рациональности на типы и модели. Такая исследовательская стратегия позволит осуществлять познание разных ипостасей права в русле определенного методологического инструментария и понятийно-категориального аппарата, свойственные тому или иному стилю мышления. Более того, признание научным сообществом альтернативных юридическому позитивизму эпистемологических моделей постижения разнообразных планов правовой реальности и введение их в оборот правоведения лишь усилит познавательный ресурс юридической науки.

С учетом указанных выше современных тенденций в юридической науке авторы статьи считают, что понятие научной рациональности должно быть представлено в правоведении двумя группами – классическим и неклассическим эпистемологическими типами, подразделяющимися, в свою очередь, на соответствующим этим типам моделям — неоклассическую (постклассическую) и постнеклассическую. Между тем постклассическая и постнеклассическая модели, выражающие исследовательские течения дихотомической типологизации, не являются их исчерпывающим догматическим перечнем, а выступают постоянно обновляющимся исследовательским проектом.

Изучение теорий научной рациональности в философии и концепций права позволило прийти к следующим результатам:

1) в условиях глобализации современного мира использование понятия научной рациональности эпохи Просвещения, дошедшего до нас без изменений, в основе которого лежит принцип неизменной универсальности, продолжает усиливать кризисные тенденции в разнообразных областях науки, в том числе и в юриспруденции;

2) из сказанного выше вытекает, что не существует общей правовой реальности, то есть единственно верной ее картины. В связи с этим необходимо в правоведении сменить интенциональную установку посредством введения классификации юридической рациональности на два типа: классической (постклассической) и неклассической (постнеклассической);

3) при этом разграничительным параметром классической парадигмы от неклассической является объект познания – сознание *homo juridicus* как источник формирования правовой реальности. Между тем в рамках постнеклассической модели рациональности исследуется внутренняя правовая конституция *homo juridicus* — правовое «Я», взаимодействующее с другими «Я», в результате которого формируется ментальная норма права;

4) классический тип юридической рациональности представлен методологическими параметрами естественных наук эпохи Нового времени, а его неоклассическая (постклассическая) модификация выступает модернизированным вариантом классической эпистемологии;

5) неклассический тип юридической рациональности, а также его постнеклассическая модель сосредоточивают свое внимание на междисциплинарном анализе правовой реальности, представленной правовым сознанием (правовым «Я») человека юридического, что связано с размыканием юриспруденции по отношению к неюридическим областям научного знания, а также с привлечением в процесс правового познания венаучных комплексов;

6) более того, постнеклассическая юридическая эпистемология рассматривает, во-первых, воздействие «практик себя» на правовое поведение человека в рамках синергично-антропологической концепции права; во-вторых, механизм конституирования саморазвивающихся нелинейных информационных структур «Я» человека юридического в русле информационно-квантовой концепции права;

7) следовательно, неклассическая и постнеклассическая юридические эпистемологии описывают не идеальные действия идеальных субъектов права в идеальном теоретическом пространстве (классический интеллектуальный каркас), а правового человека, экзистирующего в конституируемой им же правовой реальности в контексте «бытия-с-другими» и «бытия-самого-себя».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alekseev, N.N. (1999), *Osnovy filosofii prava* [Basic philosophy of law]. Saint Petersburg, Lan, p. 251. (in Russian).
Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 251 с.
- Chestnov, I.L. (2012), *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Saint Petersburg, Alef-Press, p. 650. (in Russian).
Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.
- Feyerabend, P.K. (1986), *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya*. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Against methodological coercion. Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow, Progress, p. 542. (in Russian).
Фейерабенд П.К. Против методологического принуждения. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Feyerabend, P. (1961), *Comments on Grunbaum's «Law and Convention in Physical Theory»*. *Current Issue in 213 the Philosophy of Science*, Feigl and Maxwell, pp. 155–161. (in English).
- Feyerabend, P. (1965), *Reply to Criticism*. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, ed. by Cohen R. and Wartofsky M., II, pp. 223–261. (in English).
- Feyerabend, P. (1968–1969), *On a Recent Critique of Complementarity*. *Phil. of Science*, (35), pp. 309–331, (36), pp. 82–105. (in English).
- Gromova, T.N., Poluboyarov, D.I. (2015), *Yuridicheskaya kartina mira* [Legal picture of the world] *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review] (10–2), pp. 330–335. (in Russian).
Громова Т.Н., Полубояров Д.И. Юридическая картина мира // Научное обозрение. 2015. № 10–2. С. 330–335.
- Gritsenko, G.D. (2002), *Pravoponimanie: antropologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Law understanding: anthropological and sociocultural aspects: monograph]. Stavropol: Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, p. 227. (in Russian).

- Гриценко Г.Д.* Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты: монография. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2002. 227 с.
- Kitcher, Ph. (1993), *The Advancement of Science. Science without Legend. Objectivity without Illusions*. Oxford, Oxford univ. press, p. 421. (in English).
- Kun, T. (2009), *Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of scientific revolutions]*. Moscow, AST, 2009, p. 310. (in Russian).
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.
- Lakatos, I. (1968), *Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes*. Proceedings of the Aristotelian Society, pp. 69, 149–186. (in English).
- Lakatos, I. (1972), *History of Science and its Rational Reconstructions // Boston Studies in the Philosophy of Science*, ed. by R. Cohen, R. Buck, pp. 8, 174–182. (in English).
- Lakatos, I. (2008), *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm / Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki [Falsification and methodology of research programs / Selected works on philosophy and methodology of science]*. Moscow, Akademicheskii proekt: Triksa, pp. 3–235. (in Russian).
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект: Трикса. 2008. С. 3–235.
- Laudan, L. (1984) *Science and Values*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, p. 339. (in English).
- Laudan, L. (1992), *A problem-solving approach to scientific progress. Scientific Revolutions* (ed. by I. Hacking). Oxford, Oxford University Press, pp. 144–155. (in English).
- Luhmann, N. (1993), *Das Recht der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp. (in English).
- Nersesyants, V.S. (2011), *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov [Philosophy of law: Textbook for universities]* Moscow, NORMA, p. 848. (in Russian).
- Нерсесянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 848 с.
- Newton-Smith, W.H. (1981), *The Rationality of Science*. London, Routledge & Kegan Paul, p. 294. (in English).
- Newton-Smith, W.H. (1985) *Change. Synthese*, pp. 62, 347–363. (in English).
- Pavlov, V.I. (2011), *Ot klassicheskogo k neklassicheskomu yuridicheskomu diskursu. Ocherki obshchei teorii i filosofii prava [From classical to non-classical legal discourse. Essays on the General theory and philosophy of law.]*. Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', p. 319. (in Belarus).
- Павлов В.И.* От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск), 2011. 319 с.
- Petrzhitskii, L.I. (2000), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti [Theory of law and state in connection with the theory of morality]*. Saint Petersburg, Lan, p. 608. (in Russian).
- Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Издательство «Лань», 2000. 608 с.
- Polyakov, A.V. (2016), *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: uchebnik [General theory of law: problems of interpretation in the context of communicative approach]*. Moscow, Prospekt, p. 832. (in Russian).
- Поляков А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.

- Popper, K. (1983), *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [Logic and growth of scientific knowledge. Selected works]. Moscow, Progress, p. 605. (in Russian).
Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
- Putnam, H. (1981), *Reason, Truth, and History*. Cambridge, Cambridge University Press, p. 222. (in English).
- Quine, W. (1969), *Ontological relativity and other essays*, New York, Columbia University Press, p. 165. (in English).
- Rorti, R. (1997), *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature] Novosibirsk, Novosibirsk State University publ, p. 320. (in Russian).
Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
- Sinyakov, D.K. (2015), *Kontsepsiya pravovogo avtopoiezisa. Teoreticheskoe obosnovanie: monografiya* [The concept of legal autopoiesis. Theoretical background: monograph] Moscow, YuNITI-DANA, p. 175. (in Russian).
Синяков Д.К. Концепция правового аутопойезиса. Теоретическое обоснование: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 175 с.
- Toulmin, S. (1967), *The Evolutionary Development of Natural Science*. American Scientists, pp. 55, 456–471. (in English).
- Toulmin, S. (1998), *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding] Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, p. 304. (in Russian).
Тулмин С. Человеческое понимание. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 304 с.
- Vedeneev, Yu.A. (2014), *Yuridicheskaya kartina mira: mezhdru dolzhnym i sushchim* [Legal picture of the world: between the proper and the existent]. *Lex Russica*. Т. ХСVI (6), 641–654. (in Russian).
Веденеев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex Russica*. 2014. Т. ХСVI. № 6. С. 641–654.

Сведения об авторах:

Иванский Валерий Прокопьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-1785-8965

Контактная информация:

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

Ковалев Сергей Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0003-2075-9658

Контактная информация:

e-mail: sikovalev@yandex.ru

Для цитирования:

Иванский В.П., Ковалев С.И. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (часть II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 184–199. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199.

Дата поступления в редакцию: 19 февраля 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

THE ROLE OF RATIONALITY PHILOSOPHY IN LEGAL STUDIES (PART II)²

Valeriy P. Ivanskiy, Sergey I. Kovalev

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The relevance of the article, which consists of two parts, is that the various theories of rationality presented only in philosophical works are considered. Meanwhile, it should be noted that in recent decades in scientific works on jurisprudence there is a clear trend of borrowing such terms from philosophy as “classical”, “non-classical” or “post-non-classical” science in the description of a concept of law. Nevertheless, in legal studies there is still no concept of rationality, the criteria for its classification, allowing to describe the diversity of manifestations of legal reality.

The purpose of the study is: 1) to find new non-classical foundations for the development of legal knowledge; 2) to substantiate the point of view that the category of “scientific rationality” and its typology used in philosophy, it is necessary to introduce into scientific use of legal science, which will push the boundaries of knowledge of legal reality; 3) to describe the features of understanding of the term “scientific rationality” in law in the context of its classification into the following two groups: classical and neoclassical (post-classical), as well as non-classical and post-classical.

In the process of studying the philosophy of rationality in legal studies used a diverse set of *methodological tools*: 1) General philosophical methods (dialectical and idealistic); 2) General scientific methods — analysis and synthesis, deduction and induction, analogy, comparison; 3) and private (special) — logical, comparative-legal, formal-legal, normative-dogmatic; 4) method of interpretation, including the method of problem-theoretical reconstruction.

The main results of achieving the goal of the study were proposals on: 1) introduction of the concept of “types and models of legal rationality” into the scientific circulation of jurisprudence; 2) classification of legal rationality into classical and non — classical types and corresponding models-neoclassical (post-classical) and post-non-classical. It should be noted that the post-classical and post-non-classical styles of legal thinking are evolved versions, respectively, of the classical and non-classical types of legal rationality. The basis for the classification of types of scientific rationality in legal science was the anthropological factor-consciousness homo juridicus and methodological tools with which legal consciousness is known.

The novelty of the study is that the above classification of epistemological paradigms allows us to look at the law as a multilevel reality, which is simultaneously inherent in the two mechanisms of its

---

² RUDN Jurnal of Law, 23 (1).

Constitution — external and internal. Moreover, the presented criteria-based classification of legal rationality is the basis for the development of legal knowledge.

Key words: legal consciousness, legal understanding, philosophy of rationality, legal reality, subject of law, law-making, methodology, classical, nonclassical and post-non-classical paradigms, crisis

Information about the authors:

Valeriy P. Ivanskiy — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Department of Administrative and Financial Law, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0002-1785-8965

Contact information:

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

Sergey Iv. Kovalev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor the Department of Civil Law and Procedure, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0003-2075-9658

Contact information:

e-mail: sikovalev@yandex.ru

For citation:

Ivanskiy, V.P., Kovalev, S.I. (2019), The role of rationality philosophy in legal studies (Part II). *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 184–199. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199.

Article received February 19, 2019

Article accepted May 30, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ЕДИНСТВО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ

Ю.А. Гаврилова

Волгоградский государственный университет

Институт права

400062, Волгоград, Россия, пр. Университетский, д. 100

Проблема юридической интерпретации в российском правоведении характеризуется чрезвычайно широкой палитрой мнений: от формально-догматических до постмодернистских. Каждый ученый пытается видеть в интерпретации что-то «свое». Ряд ученых полагает возможным дискутировать о терминологии вопроса, в частности, о разграничении «интерпретации» и «толкования». Другие считают целью изучения интерпретации нахождение оптимальных путей понимания изданных в государстве законов. Для третьих интерпретация интересна тем, что лежит в основе усмотрения должностных лиц в ходе практической деятельности по решению правовых споров, при этом встают вопросы пределов интерпретации. Для четвертых интерпретация имеет статус мировоззренческого инструментария решения социальных проблем, например, в конституционном судопроизводстве. Современное доктринальное состояние проблемы интерпретации отстает от потребностей законодательства и практики правового регулирования. Поэтому внесенные изменения в паспорт научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, выделившие юридическую интерпретацию как самостоятельный метод исследования права, требуют должного научного внимания.

Цель статьи — дать авторское обобщенное представление о месте и значении юридической интерпретации в современном российском праве на материале имеющейся научной литературы. Методы исследования: формально-юридический, анализа и синтеза, моделирования, экстраполяции.

Результаты исследования. Вековые споры по поводу юридической интерпретации среди ученых и юристов-практиков, философов, политиков объясняются полисемичностью термина «интерпретация», которая позволяет его рассматривать, по версии автора статьи, в двух принципиальных значениях: узком и широком. В узком языковом значении интерпретация — это совокупность лингвистических приемов анализа правовых текстов. В широком дискурсивном понимании интерпретация — это восприятие, перевод (расшифровка) и извлечение смысла любых правовых феноменов. Отдельно выделены методологические и деятельностные аспекты этой проблемы, акцентирующие внимание соответственно на современных подходах к интерпретации явлений всей юридической жизни общества как составной части юридического дискурса и традиционных подходах к интерпретации как специальной деятельности, направленной на понимание смысла текстуально закрепленных правовых норм с помощью особых технико-юридических средств. Сделан вывод, что обобщающее рассмотрение юридической интерпретации в современном российском праве необходимо в единстве методологического и деятельностного аспектов.

Ключевые слова: юридическая интерпретация, методология исследования права, деятельностный подход, правовой текст, юридический язык, коммуникация; речь, юридический дискурс, смысл права

I. ВВЕДЕНИЕ

Для правоведения юридическая интерпретация представляет повышенный интерес и является актуальным объектом исследования. Без юридической интерпретации невозможен процесс правового воспитания и получения юридического образования. Интерпретационная деятельность становится обязательным условием формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих специалистов-юристов. Распространение феномена глобализации в правовом пространстве современного мира создает научный потенциал изучения феномена интерпретации на уровне юридической компаративистики, например, при оценке эффективности осуществления правосудия в различных государствах.

Принято считать, что юридическая интерпретация, в отечественном праве также — «толкование», служит элементом догматического (формально-юридического) метода познания права (Syrykh, 2014:328). В соответствии с изменениями, внесенными в паспорт научной специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, юридическая интерпретация впервые выделена отдельно и провозглашена самостоятельным методом исследования государственно-правовых явлений. В системе исследовательских средств современной социогуманитаристики интерпретация — это явление, которое интегрировано в структуру любой юридической деятельности, представляет собой внутренний неотъемлемый компонент юридического дискурса. Этим и определяется новое методологическое значение юридической интерпретации, в отличие от традиционного деятельностного подхода, когда она рассматривается как самостоятельная разновидность юридической деятельности, направленная на познание и объяснение смысла правовых текстов. Однако строго разделять, где имеет место традиция, а где новация, в сфере юридической интерпретации вряд ли уместно, поскольку в повседневной жизни они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Поэтому в настоящей статье мы исходим из положения, что необходимо единство методологического и деятельностного аспектов в понимании этого древнейшего юридического ремесла.

Думается, что с глобальной точки зрения можно выделить две современные концепции юридической интерпретации: *языковую и дискурсивную*. Причем наличие в составе второй концепции отдельных компонентов иной методологии: герменевтической, феноменологической и т.п. не изменяет сущность дискурсивного подхода. Объектом языковой юридической интерпретации является *смысл правового текста*, т.е. информационное содержание, определяемое диапазоном значений, входящих в него слов и предложений, его внутрисистемным контекстом, а также местом и ролью в правовой системе общества. В первую очередь здесь подразумеваются *официальные правовые тексты*, то центральное место и значение, которое они имеют в общей системе легальных источников права (Конституция государства). Вместе с тем важное воспита-

тельное и правоориентирующее значение имеют *неофициальные правовые тексты* (комментарии к законам, учебники по праву и т.д.).

Напротив, объектом дискурсивной юридической интерпретации выступает либо *смысл права в целом*, либо *смысл того явления правовой действительности, которое интерпретируется как имеющее нетекстуальную форму*: правосознание, правовое поведение, субъективные права и юридические обязанности т.п. В то же время все эти явления по отношению к правовому тексту могут: 1) непосредственно предшествовать ему (судебный процесс предшествует составлению текста и вынесению приговора); 2) параллельно следовать подготовке правового текста (описание и оценка доказательств в совещательной комнате на основе внутреннего убеждения судьи при изложении решения в письменной форме); 3) возникать после оформления правового текста (распоряжение судьи об исполнении приговора). В связи с этим косвенным, опосредованным объектом дискурсивной юридической интерпретации может также являться *смысл правового текста*. Отсюда правовой текст — это связующее звено для двух этих концепций, хотя он и не выступает для них общим объектом познания.

II. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СМЫСЛ ПРАВОВОГО ТЕКСТА

В лингвистической науке идут давние споры о соотношении языка, текста и дискурса. Признается, в частности, что текст и дискурс не тождественны между собой. Дискурс — это более широкое по объему понятие, включающее в себя текст и его экстралингвистическое окружение: социальную атмосферу, идеологию, личные установки и т.д. (Fairclough, 2003:18–38). Дискурс имеет более специализированный характер. Он охватывает определенный круг членов профессионального или экспертного сообщества, которые мыслят одними и теми же концептами, говорят на одном и том же языке, в отличие от общих языковых правил, самостоятельно разрабатывают правила формирования и использования профессионального терминологии и концептуально-понятийного аппарата. В этой коммуникативной среде проявляются особенности и пределы частнонаучного, монодисциплинарного мировоззрения, поэтому различаются экономический, политический, религиозный, медицинский и др. разновидности дискурса, среди которых, конечно же, юридический дискурс. Но дискурс — далеко не совершенное понятие, а известной противоречивостью отличаются два хрестоматийных его определения: «дискурс — это речь, погруженная в жизнь» (Agutyunova, 1990:136) и «дискурс — это текст, помещенный в определенный контекст» (Van Dijk Teun, 1977:3, 228–231). Как видно, в первом случае сущность дискурса сводится к речи, а в другом — к тексту.

Имеют ли текст и дискурс общие черты, возможно ли между ними сходство? В общей теории языкознания утверждается, что тексты статичны, могут создаваться в процессе дискурса (промежуточные тексты) и как результат язы-

ковой деятельности (итоговый текст). Созданный же текст выступает непосредственной основой для нового дискурса и т.п. Их единый анализ в праве должен идти не столько по линии «статика — динамика», сколько в плане соотношения «абстрактное — конкретное». Это более всего соответствует атрибутам права как универсального инструмента социального управления: быть одновременно общим регулятором для всех и индивидуально-определенным регулятором для участников данной жизненной ситуации (Vlasenko, 2014:63).

Поэтому, думается, что для правопведения вышеуказанные споры не являются столь принципиальными, поскольку здесь понятия текста и дискурса могут использоваться как взаимозаменяемые. Текст — это, прежде всего, абстрактная языковая категория, построенная по формальным законам лексики, морфологии и синтаксиса, которые приняты в данном лингвокультурном сообществе. И языковая интерпретация нацелена на выявление «*абстрактного*» *смысла правового текста*. В тех же случаях, когда текст помещается в определенную ситуацию использования, некоторый контекст словоупотребления, он трансформируется в дискурс. И, следовательно, понятие дискурса в праве производно от юридического текста, а дискурсивная интерпретация опосредованно связана с постижением «*конкретно-ситуативного*» *смысла правового текста*. В итоге юридический язык, правовой текст и юридический дискурс не поглощают друг друга как род и вид, а соотносятся между собой как взаимно пересекающиеся множества.

Единственной работой в советский период, посвященной проблеме правового текста, была изданная в 1983 г. монография И.Н. Грязина. Для своего времени данная работа была серьезным методологическим «прорывом», в котором автор сумел предвосхитить многие современные проблемы юридической интерпретации: знаковая природа права и его связь с культурой, толкование права в контексте всей познавательной деятельности, учет социально-культурной детерминации этих процессов и пр. Тем не менее, на наш взгляд, автор не смог последовательно через всю работу провести идею отличия текста права от смысла права. В большинстве познавательных ситуаций человек не «воспринимает правовые тексты», а интерпретирует смыслы правовых явлений, где текст является одной из форм выражения этих смыслов, но не единственной формой (Gryazin, 1983:156).

Между тем в современной юридической науке правовой текст — это понятие по-прежнему сложное и неоднозначное, ибо единого и устоявшегося определения текста нет даже в «родном» пространстве лингвистической науки (Halperin, 2006:8–26). Согласно одной из возможных трактовок правовой текст означает целостную совокупность последовательно взаимосвязанных между собой вербально-знаковых единиц, выражающих законодательную или иную авторскую мысль по определенным тематическим вопросам государственно-правовой действительности и характеризующихся смысловой завершенностью (законченностью).

Правовой текст имеет интегративную языковую и коммуникативную природу. С точки зрения языка текст, как способ фиксации наших знаний о предмете мысли, состоит преимущественно из отдельных предложений, составляющих в совокупности законченную мысль. Но такой правовой текст, созданный в результате индивидуального авторского творчества, — это и монологическая письменная речь автора, непосредственно не направленная на конкретного собеседника, а рассчитанная на потенциально неограниченный круг читателей (слушателей), поэтому имеющая коммуникативный эффект: научный комментарий к закону. С точки зрения дискурса текст в качестве способа выражения мысли состоит из отдельных высказываний на языке данного социума (правозащитная речь) и с самого начала представляет собой определенное письменное или устное сообщение для других лиц: произнесение, говорение, рассуждение и пр. Следовательно, правовой текст — это не только языковая когнитивная структура, но и сложная коммуникативная единица, несущая определенный смысл, обращенная к адресатам действия этого текста, в том числе к широкой массовой аудитории (медiateкст).

С учетом общей классификации правовых текстов (официальные и неофициальные) выделим следующие основные их разновидности: *нормативные, тексты в сфере правоприменения, доктринальные и художественные тексты*. Все они требуют отдельного и тщательного рассмотрения. Главной чертой нормативного правового текста является деонтологическая основа его составления и формулирования в виде нормативно-правовых модусов: «разрешено», «запрещено», «допускается», «обязан», «предписано» и т.д. (Chernobel, 2011:123).

Особенность текстов в сфере правоприменения в том, что они охватывают не только тексты правоприменительных актов. Можно назвать также: 1) тексты участников правоприменительного процесса: жалобы, ходатайства, заявления; 2) тексты организационно-управленческих актов по вопросам надлежащего понимания и правильного применения закона: обзоры, письма, методические материалы и пр.; 3) тексты средств массовой информации: газетные, журнальные публикации, обзоры и релизы прессы, материалы электронных ресурсов на правовую тематику и др. Правоприменительная деятельность порождает тексты, в большей мере связанные с дискурсом, анализом конкретных правовых ситуаций.

Доктринальные правовые тексты выражают особенности научного стиля речи и сочетаются с элементами официально-делового стиля в сфере правовых отношений. В доктринальных текстах приоритет отдается процедуре объяснения фактов, явлений и событий, перед описанием в других правовых текстах. По сравнению с нормативным текстом научный правовой текст обладает более ярким терминологическим богатством, стремится в предельной понятийной форме осмыслить изучаемые объекты государственно-правовой реальности, отличается распространением сложных предложений, притом что требования к логической связности, убедительности и нормированности речи сближают

доктринальный текст с нормативным. По сравнению с текстами в сфере правоприменения, цель которых состоит в решении определенной практической задачи, доктринальные тексты нацелены на формулирование объективного теоретического знания о правовых явлениях путем эмпирического подтверждения полученных результатов. Для доктринальных текстов наблюдается средняя степень персонализации адресатов. Она иногда больше, чем в нормативных текстах, но сравнительно меньше, чем в текстах сферы правоприменения (вплоть до полной индивидуализации адресата в последних).

В художественных правовых текстах создаются, хранятся и воспроизводятся в культуре литературные произведения юридической тематики. Их отличие от всех предыдущих текстов в их явной эмоционально-оценочной и эстетической направленности, экстраполяции внутреннего мира автора и целенаправленном воздействии на чувства, эмоции, воображение читателя этих произведений. Отмечается иной элементный состав: тема, идея, сюжет, персонажи и т.д. Более того, по сравнению с нормативным текстом, действующим в отношении определенного круга лиц и по одному вопросу (теме), например, персонажи и темы художественного текста многообразны.

Более глубокое проникновение в смысл правового текста возможно при соотнесении языковой юридической интерпретации с определенными уровнями построения этого текста: 1) лексическим; 2) грамматическим; 3) композиционным.

Лексический уровень организации правового текста представлен словами, понятиями, терминами, с помощью которых обозначаются или называются фрагменты социальной действительности, например, в законотворчестве образующие предмет правового регулирования. Правовой текст на лексическом уровне оперирует *лексическими, или предметными значениями* слов, т.е. исторически сложившимися в социальной среде «выжимками» языкового опыта. Значение слова репрезентирует понятие о предмете мысли, но может представлять его в правовом тексте по-разному: все множество объектов действительности или неполное их множество, достаточный объем признаков явления или отдельные свойства и характеристики предмета, содержащиеся в понятии и вербализованные в тексте. Идеальное соотношение лексического значения и понятия констатируется в термине. Юридические термины могут образовываться и включаться в правовой текст путем юридизации общеупотребительных слов, переноса специальных терминов других наук в право, создания их юридической наукой и практикой: терминологизация, транстерминологизация, конструирование (Turanin, 2018).

В лексике существует понятие многозначности слова. Однако данная проблема, к сожалению, нередко подменяется тезисом о *многозначности* юридических текстов вообще. Утверждается исходная семантическая неопределенность текста права (Neustroyev, 2018:113, 114). В.А. Суслов прямо говорит о двусмысленности любого правового текста и невозможности в связи с этим

обеспечить единообразие правоприменения (Suslov, 2014:56). Данные авторские суждения представляются ошибочными. Во-первых, не ясно, о какой многозначности идет речь: о многозначности языковых средств и конструкций, с помощью которых оформляется мысль автора правового текста, либо о расплывчатости и неопределенности семантики текста. Язык права действительно несовершенен, может не охватить всю мысль полностью, однозначно и непротиворечивым образом. Тогда нужно работать над улучшением качества правового текста. В другой ситуации — наличия пробелов в законе и т.п., — это содержательный изъян текста, но не многозначность выражения мысли.

Во-вторых, требуется по меньшей мере разграничивать официальные и неофициальные правовые тексты, ведь вопрос о многозначности смысла справедлив лишь для последних видов текста. Как правильно подчеркивает Н.Д. Голев, в диссертациях, учебниках, монографиях и научных статьях по праву излагаются субъективные взгляды исследователей на решение правовых проблем общества, поэтому неофициальные правовые тексты отличаются естественной свободой и широкой вариативностью толкования. Что же касается официальных правовых текстов, то их цель — ориентировать субъектов права на единообразное понимание и обязательность исполнения предписанной в тексте законодательной воли. Поэтому официальные законодательные тексты по определению, по смыслу однозначны, в то время как словесные дефекты устраняются в процессе языковой интерпретации права (Golev, 2015:140, 141).

Грамматический уровень организации правового текста описывает порядок словообразования (морфологию) и правила их соединения, связи в словосочетаниях, предложениях и другие языковые единицы (синтаксис). В зарубежной литературе этот уровень анализа текста называется синтактикой (Morris, 1983:48–54). Мы говорим на данном уровне о *грамматических*, т.е. *структурных и функциональных значениях* слов. В синтаксисе слова представлены как части речи, выполняющие определенные функции в предложениях; способы связи между словами в предложении подробно изучены в отечественной лингвистике, например, в сложноподчиненном предложении: согласование, примыкание и управление. В отличие от лексики, грамматика правового текста показывает, не как каждое отдельное слово называет регулируемый аспект действительности, а как данную информацию несет общая смысловая структура предложения. Грамматика — это более сложный уровень текстообразования. Практическое значение правовой грамматики очевидно, поскольку, как правило, она обеспечивает наглядную ясность и понятность авторской мысли, сформулированной в правовом тексте, и культуру правильно организованной письменной юридической речи.

Композиционный уровень организации правового текста — это обобщенный и целостный образ этого текста, который формируется в результате его структурного упорядочивания и внешнего графического оформления. Как любое языковое и речевое произведение, правовой текст имеет типовую организо-

ванную структуру: введение (вступление), основная часть и заключение (вывод). По степени формализации содержания имеются отличия научного, художественного и нормативного правового текста. Максимальная четкость, стройность, логичность изложения материала характерны для нормативного и научного правового текста, а для нормативного текста играют роль также особые графические символы (они встречаются не в каждом научном тексте). Например, в законе нормативный материал распределен по разделам, главам или параграфам, статьям, а в составе статей основной графической единицей является пункт, подпункт или часть статьи, в некоторых случаях — приложения к закону. Композиция нормативного правового текста позволяет придать ему смысловую завершенность (Vlasenko, 2011:87, 88).

III. ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПРАВОВОЙ ТЕКСТ И СМЫСЛ ПРАВОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

Языковая интерпретация правовых текстов всегда дополняется дискурсивной интерпретацией смысла феноменов права. Юридический дискурс появляется в процессе организации и осуществления правовых коммуникаций в социальной среде, в частности, общения, совместного решения общих дел. Отмечается, что «обобщение практики использования языка в социальном взаимодействии... разговорного стиля и письменных текстов может называться дискурс-анализом. Он может помочь в создании вторичной языковой среды между обучающими и обучаемыми во владении языком и достижении коммуникативных целей в разных контекстах» (Demo, 2001).

Юридический дискурс больше изучается в дисциплинах, не связанных с юриспруденцией, прежде всего в языкознании. Сравнительно реже можно встретить анализ дискурса в специальной юридической литературе, так как в российском праве это понятие является новым. Главное в юридическом дискурсе — это речевая коммуникативная практика в определенном обществе по вопросам функционирования государства и права. К языковым приемам исследования правового текста дискурс подключает формальную логику, стилистику, риторику и юридическую аргументацию.

В хорошей монографии Н.Г. Храмцовой дается следующее определение юридического дискурса, которое можно использовать в настоящей статье: «деятельностный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, предполагающий использование основных форм мышления в письменной и устной форме и зависящий от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения» (Khramtsova, 2012:74).

Основные черты юридического дискурса, раскрывающие его сущностные свойства, трактуются в литературе неоднозначно. К их числу исследователи относят: «интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональ-

ность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость» (Kolesnikova, 2006); «институциональность, перформативность, интертекстуальность» (Krapivkina, Nepomilov, 2014); «интертекстуальность, прецедентность» (Vorisoa, 2016). Большинство авторов признают институциональный характер юридического дискурса, который складывается в особой сфере общественной жизни — правовой, — и характеризуется собственной целью, функциями и средствами реализации языкового материала.

Среди небольшого числа юридических источников по данному вопросу нет ясности, как соотносится данное новое понятие с распространенным в российской теории права понятием юридической деятельности. По-видимому, они рассматриваются как взаимозаменяемые с точки зрения плюрализма взглядов на правопонимание, а также с учетом изменившихся представлений законодателя о методологических функциях юридической интерпретации: традиционный подход — это юридическая деятельность, модернизированный подход — это юридический дискурс, к тому же значение интерпретации в каждом подходе различное (узкое или широкое).

Практический интерес вызывает тема структурирования или схематического описания юридического дискурса. Например, в языкознании очень часто ссылаются на предложенный В.И. Карасиком схематический порядок рассмотрения дискурса: «участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы» (Karasik, 2000:11). Не все названные элементы могут использоваться в праве непосредственно. Так, в учении об отечественной законодательной технике часто оперируют понятием стиля, а не жанра; вопросы употребления просторечной и клишированной речи в правовых текстах ставятся и рассматриваются в рамках проблемы юридического языка, а не дискурса.

Отдельные авторы применяют в своих работах и понятие структуры дискурса. Вместе с тем в плане выделения общей структуры целесообразно назвать три основных структурных элемента юридического дискурса, составляющие модель его научно-практического описания и объяснения. При этом сформулированные разными авторами элементы структуры юридического дискурса, отличающиеся от этой модели, имеют право на существование, но, по нашему мнению, будут сводиться к какому-либо одному из таких базовых элементов, как: 1) нормативный; 2) ситуационный; 3) интерпретационный.

Нормативный компонент юридического дискурса представляет собой абстрактную схему социального взаимодействия, определенную правовыми рамками (в языкознании — типовой сценарий коммуникативного события). Функционально данная схема проявляется в различных формах. В правотворчестве, главным образом, — это модель нормативного урегулирования общественных отношений, созданная с целью их внешней упорядоченной регламентации, правовой охраны и контроля со стороны субъектов публичной власти.

В правоприменении и юридической практике вообще — это фактически сложившийся «изнутри» порядок отношений, признанных в обществе, на предмет соответствия которому оцениваются разнообразные поступки субъектов права (микронорма практики). В доктринальном дискурсе — это общепринятость, широкое распространение, практически ориентированная конвенциональность. В правовом воспитании мы можем утверждать о существовании внутренней «личностной» нормы, связанной с критической оценкой самого себя и имеющихся знаний об окружающей действительности и стремлением изменить этот юридический мир. Нормативность юридического дискурса означает соблюдение определенных правил и образцов поведения.

Ситуационный компонент юридического дискурса характеризует «живое» состоявшееся в юридической практике коммуникативное событие (последовательность взаимосвязанных событий). Этот компонент не может быть строго отделен от нормативного аспекта дискурса, а возникает, как правило, на основе нормативного компонента. Он воплощается в фактических обстоятельствах (фабуле) дела, функционировании правового явления в месте «пересечения» конкретных потребностей или интересов, индивидуальном обучении праву, решении какого-либо юридического казуса. Однако ситуационный компонент может регулироваться не только идеальными нормативными структурами законодательства, но и нормами сложившейся практики: правовыми прецедентами, разъяснениями, государственно-правовыми обычаями и др. Иногда в рамках ситуационного компонента юридического дискурса проектируется нормативный образ новой познавательной и коммуникативной ситуации. Способом поведения интерпретатора в условиях нетипичного правоприменения (при пробелах в праве, устранении коллизий и дефектов правового регулирования) выступает *персональный (неинституционализированный) дискурс*. Он высказывается по такому вопросу, на который нормативный институциональный юридический дискурс ответа не дает.

Интерпретационный компонент юридического дискурса является объединяющим моментом между нормативным и ситуационным компонентами. В одном аспекте он выражен в познании и понимании нормативной составляющей дискурса, в другом представлен как пояснение, рассказ, трактовка случившегося события с позиции его участников или очевидцев конкретной правовой ситуации («судебный нарратив»). Поэтому перечень форм дискурсивной юридической интерпретации весьма широк: 1) интерпретация элементов правосознания; 2) интерпретация фактических обстоятельств дела и доказательств в процессе; 3) интерпретация нормативных и иных правовых текстов как создание «вторичных» текстов; 4) интерпретация поступков и действий и т.п. Например, М.И. Пантыкина считает, что «именно интенции индивидуальных правосознаний определяют сюжет и сценарий дискурса, позиции его участников» (Pantykina, 2017:47).

Широкое значение интерпретации в юридическом дискурсе проявляется в том, что ее нельзя рассматривать за рамками процесса построения текста. Как правильно пишет И.А. Мельчук, это единый двунаправленный процесс по модели «Смысл ↔ Текст», в котором построение текста — это текстуальное оформление созданного смысла, а интерпретация — это обратный переход от анализа текста к постижению его смысла. И тот, и другой этап сопровождается развитием глубинных и поверхностных морфологических и синтаксических структур, зависит от исходного контекста, но и способен модифицировать контексты в процессе смены дискурсов (Mel'čuk, 1997:7–38).

Со всеми вышеперечисленными компонентами юридического дискурса связана проблема *контекстуальности* юридической интерпретации, которая достаточно подробно анализируется в философской и правовой герменевтике. Подчеркивается, что человек — неотъемлемая часть правовой реальности, занимающий в ней позицию активного субъекта познания, поэтому в каком контексте правовой реальности действует данный субъект, это отражается в процессе и результате юридической интерпретации, игнорировать контекст интерпретации не представляется возможным. Думается, что юриспруденция работает в основном с тремя видами контекстов: 1) социальным, или историко-культурным; 2) внутрисистемным; 3) ситуационным.

Социальный, или историко-культурный контекст юридического дискурса выражается как внешняя социальная среда, в которой этот дискурс рождается и функционирует. Общим контекстом любой юридической интерпретации является культура данного общества в определенный исторический период. Особенно это заметно в процессе получения юридического образования в инокультурной среде. Лицо, изучающее иностранный язык, должно научиться не только разбираться с синтаксическими структурами предложений второго языка, знать грамматику и пополнять словарный запас, но и понимать логику того культурного контекста, в котором происходит обучение. «...То, что мы замечаем в окружающем мире и то, как мы это воспринимаем, кажется совершенно разным в разных культурах, в зависимости от приписанных им значений, и зависит от перцептивной системы отсчета наблюдателя» (Kaplan, 1966). В отечественном праве называются четыре фактора, входящие в понятие социально-исторического контекста права: «историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение» (Chestnov, 2014:72).

Внутрисистемный контекст юридического дискурса означает в широком смысле правовую систему государства, прежде всего систему действующего законодательства, в составе которого тексты нормативных актов обладают интертекстуальностью, т.е. способностью ссылаться друг на друга. Это означает обязательный учет иерархических и горизонтальных структурных связей между нормативными правовыми текстами по юридической силе актов, взаимное соотнесение сферы действия каждого акта, сравнительный анализ их

внешней формы, наименования и т.д. В процессе юридической интерпретации эти связи норм осмысляются с помощью отсылочного и бланкетного способов. Также внутрисистемный контекст проявляется в правоприменении через практику рассмотрения и разрешения данной категории дел, в доктрине — через анализ точек зрения ученых и степени разработанности конкретной научной проблемы и пр.

Ситуационный контекст юридического дискурса устанавливается путем описания и анализа единичной познавательной-коммуникативной ситуации, ее подробной характеристики: место, время, обстановка, средства и орудия, способы совершения преступления, автобиография создателя художественного правового текста, сбор и изучение эмпирических данных для научных исследований. Вместе с тем от ситуационного контекста необходимо отличать правовые ценности, идеи, взгляды, мнения и убеждения, жизненный опыт людей, составляющие понятие фоновых, «предпосылочных» знаний. Они выступают в качестве условий возникновения и развития юридических коммуникаций, в отличие от сопровождающих их контекстов, и в специальной литературе именуются *предсуппозициями*. Они также могут подлежать интерпретации, так как изменяются вслед за эволюцией социального контекста, и оба этих процесса взаимодействуют.

В силу коммуникативной и речевой природы юридический дискурс характеризуется *прагматическим компонентом*, т.е. субъективным отношением коммуникантов друг к другу и предмету сообщения: теме, событию или тексту (Parret, 1983:89 — 126). В теории речевых актов принято различать языковое значение высказывания (локуцию); цель или коммуникативное намерение отправителя сообщения (иллокуцию) и результат воздействия на адресата сообщения (перлокуцию) (Austin, 1962:100–113). Все три элемента содержатся в каждом речевом поступке и связаны с применением логических аргументов, экспрессивных средств выразительности мысли, репрезентативностью и информативностью обращения. Роль этого компонента велика в ораторском искусстве юриста: чтение лекций для массовой аудитории, произнесение речи в суде присяжных и т.д. Но именно с прагматикой юридического дискурса связан сложный вопрос о *субъективности* юридической интерпретации.

На наш взгляд, соотношение объективного и субъективного в интерпретации всегда соотносится с тематикой смысла, в нашем случае — дискурсивного смысла. В соответствии с современными постмодернистскими представлениями смысл подлежит постоянной деконструкции: сборке, разложению и конфигурированию, смысл — величина переменная. Однако мало кто акцентирует внимание на том, что данная трактовка смысла является общенаучной или философской, что допускает различные версии смысла для частных наук, в особенности для предметной области правоведения. Отказ от выделения постоянных констант в смысле права, например, ценностей, идей и норм права, может привести к разрушению целостности этого явления и блокировке его важней-

ших институциональных социальных функций: регулирование, контроль, защита. Поэтому в праве необходимо понятие «объективного».

Другое дело: что понимать в современной юриспруденции под «объективным»? Мы полагаем, что «объективное» в юридической интерпретации — это и 1) интерсубъективное: то, о чем субъекты юридического дискурса договорились (ибо интерсубъективное — это лишь другая терминология) и 2) то, о чем они не успели договориться, а также в силу эволюционного характера правового развития общества не могли договориться в момент интерпретации. Система реально сложившегося и функционирующего юридического дискурса опосредуется как нормативно заданным порядком деятельности людей в обществе, так и механизмами ситуационной адаптации к изменениям социального бытия. В силу этого «объективное» в интерпретации может включать в себя и контекст коммуникативного события, и пресуппозиции, и культурные традиции юридического прошлого и т.д.

В современном российском праве субъективность дискурсивной юридической интерпретации может быть ограничена следующими принципиальными путями: 1) законодательным установлением пределов должностного усмотрения при решении юридических дел; 2) своевременным и полным обобщением практики применения разных ситуаций; 3) повышением уровня правосознания, формированием знаний, умений и навыков эффективной интерпретации в ходе правовоспитательной и образовательной деятельности.

Тем не менее, субъективность юридической интерпретации неизбежна. Достаточно емко высказался по этому вопросу Э. Бетти, итальянский юрист и философ XX в. Он обратил внимание на антиномичность процесса любой интерпретации и писал: «С одной стороны, от интерпретатора требуется объективность, ведь повторное конструирование смысла смылосодержащих форм должно как можно точнее соответствовать их содержанию: поэтому данное требование — это требование добросовестного подчинения [интерпретатора смыслу]. С другой же стороны, это требование объективности может быть выполнено только благодаря субъективности интерпретатора, благодаря его способности осознавать обусловленность адекватного предмету понимания» (Betty, 2011:26).

Юридический дискурс может быть созидательным, когда он способствует социальной стабильности и прогрессу общества на основе конструктивного диалога людей, и разрушительным, когда он ведет к властному доминированию одних социальных групп и идеологическому манипулированию сознанием других (Hunston, 2005). В современном мире масс-медиа коммуникаций это явление крайне распространенное, и с ним трудно бороться. Но интересы сохранения общества как системы и его устойчивого развития влекут необходимость развития института гражданского диалога и общественных инициатив, которые представляются перспективными для российского общества. Важную роль в этом процессе призвана сыграть наука, которая помимо концептуализации

экономического и социального прогресса должна более глубоко понимать негативные тенденции развития, приводящие к росту различий между социальными классами, поддержанию реакционных элементов общества (Bernal, 1954). Социальный статус правовой науки быть выразителем общих интересов общества, ее движение в сторону общества возможно лишь на основе конструктивного юридического дискурса.

В связи с вышесказанным юридический дискурс отличается *диалогичностью* или в широком смысле *полилогичностью* интерпретации. Наряду с языковым информационным содержанием результатов интерпретации дополнительно нужно выделять ментально-психологическое содержание, которое объединяет участников определенной правовой коммуникации и формирует единое смысловое пространство, в котором они стремятся к пониманию друг друга. Однако для взаимного понимания недостаточно найти общие точки соприкосновения, а следует думать и говорить на понятном для «другого» языке, познать «чужое» как свое: понимать значит переводить (Ricoeur, 2004:50–51).

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в современном российском праве наблюдаются две основные концепции юридической интерпретации: языковая и дискурсивная. Они объединяются на основе понятия правового текста. В то же время между ними имеются весьма заметные различия. Дискурсивная концепция позволяет более широко взглянуть на доктринальные проблемы юридической интерпретации, не ограничиваясь только познанием с помощью языковых средств текстов права. В этой соотнесенности с любыми правовыми явлениями и направленности на освоение их многообразного смысла состоит качественное своеобразие юридической интерпретации как самостоятельного метода исследования права.

Но следует помнить, что для целей решения конкретных прикладных задач в законодательстве и правореализационной сфере языковая концепция интерпретации выглядит незаменимой. Она фиксирует исторически адекватный общий образ юридического дискурса в правовом тексте и символизирует традиционный подход, когда языковые приемы входят в специальный технико-юридический арсенал интерпретационной деятельности. Думается, что именно в единстве методологического и деятельностного аспектов должна изучаться юридическая интерпретация в современном российском праве как сложный и невероятно актуальный для юриста объект познания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (1990), Diskurs [Discourse] In: *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet encyclopedia, pp. 136–137. (in Russian).

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 136–137.
- Austin, J.L. (1962), *How to do things with words*. Oxford, At The Clarendon Press. pp. 100–113. (in English).
- Bernal, J. (1954) *Science in History*. London, Watts & Co. Vol. 1, pp. 7–19. (in English).
- Betty, E. (2011), *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o duhe [Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit]*. Moscow, «Canon + «ROOI «Rehabilitation», p. 26. (in Russian).
- Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 26.
- Borisova, L.A. (2016), *Juridicheskij diskurs: osnovnye harakteristiki [Legal Discourse: Main Characteristics]*. Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda [Language, Communication, and Social Environment]. (14), pp. 133–151. (in Russian).
- Борисова Л.А.* Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. 2016. № 14. С. 133–151.
- Chernobel, G.T. (2011), *Tekhnika zakrepleniya normativno-pravovyh modusov [Technique of securing regulatory modes]* In: Vlasenko, N.A. (ed.) *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika [Normative law technique]*. Moscow, Yustitsinform, pp. 123–131. (in Russian).
- Чернобель Г.Т.* Техника закрепления нормативно-правовых модусов // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 123–131.
- Chestnov, I.L. (2014), *Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postklassicheskoy teorii prava [Critical Discourse Analysis as a Method of the Post-Classical Theory of Law]*. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Jurisprudence]. 13 (1), pp. 67–74. (in Russian).
- Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (13). С. 67–74.
- Demo, Douglas A. (2001), *Discourse Analysis for Language Teachers*. Washington, Center for Applied Linguistics. Available from: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.537.728&rep=rep1&type=pdf> [Accessed 30th April 2019].
- Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York, Routledge, pp. 18–38. (in English).
- Golev, N.D. (2015) *Yuridicheskaya terminologiya v kontekste doktrinal'nogo tolkovaniya [Legal terminology in the context of doctrinal interpretation]*. Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. (4), pp. 138–148. Available from: doi: 10.17223/18137083/53/15. (in Russian).
- Голев Н.Д.* Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.
- Gryazin, I.N. (1983), *Tekst prava (opyt metodologicheskogo analiza konkuriruyushchih teorij) [Text of the law (the experience of the methodological analysis of competing theories)]*. Tallinn, Eesti Raamat Publishing House, p. 156. (in Russian).
- Грязин И.Н.* Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин: «Ээсти Раамат», 1983. С. 156.
- Halperin, I.R. (2006), *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]*. 4nd ed., stereotypical. Moscow, KomKniga, pp. 8–26. (in Russian).
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 8–26.

- Hunston, S. (2005), Conflict and consensus: Construing opposition in Applied Linguistics In: Tognini-Bonelli, E., del Lungo Caniciotti, G. (ed.) *Strategies in academic Discourse. Studies in Corpus Linguistics*, 19. Amsterdam, John Benjamins Publishing, pp. 1–15. (in English).
- Kaplan, R.B. (1966), 'Cultural thought patterns in intercultural education' in *Language Learning*. Vol. 16 (1–2), pp. 1–20. (in English).
- Karasik, V.I. (2000), О типах дискурса [On types of discourse]. In: Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. (ed.) *Yazykovaya lichnost': insti- tucional'nyj i personal'nyj diskurs. Sbornik nauchnyh trudov* [Language personality: institutional and personal discourse. Collection of scientific papers]. Volgograd, Peremena, pp. 5–20. (in Russian).
Karasik V.I. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Khrantsova, N.G. (2012), *Diskurs-pravovoj analiz: ot teorii k praktike primeneniya*. Monografiya [Discourse-legal analysis: from theory to practice of application. Monograph]. Kurgan, Publishing house of Kurgan State University, p. 74. (in Russian).
Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2012. С. 74.
- Kolesnikova, L.V. (2006), *Semioticheskie parametry juridicheskogo diskursa* [The Semiotic Parameters of Legal Discourse] In: Ryadchikova, E.N. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennoogo yazykoznanija i literaturovedeniya: Materialy 5-j mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh, Krasnodar, 28 aprelya 2006 g.* [Actual Problems of Modern Linguistics and Literary Studies: Materials of the 5th International conference of young scientists, 28 April 2006, Krasnodar, Russia]. Krasnodar, KubSU, pp. 175–178. (in Russian).
Колесникова Л.В. Семиотические параметры юридического дискурса // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: Материалы 5-й международной конференции молодых ученых, Краснодар, 28 апреля 2006 г. / отв. ред. Е.Н. Рядчикова. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006. С. 175–178.
- Krapivkina, O.A., Nepomilov, L.A. (2014), *Juridicheskij diskurs: ponjatie, funkcii, svojstva*. [Legal Discourse: Concept, Functions, Properties]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian Scientific Research]. 37 (9), pp. 102–105. (in Russian).
Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 (37). С. 102–105.
- Mel'čuk, I.A. (1997), *Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale*. Paris, Collège de France. (in French).
- Morris, Ch. (1983), *Osnovaniya teorii znakov* [The Foundations of the Theory of Signs]. Translated from English by Murat, V.P. In: Stepanov, Yu. S. (ed.) *Semiotika: sbornik perevodov* [Semiotics: a collection of translations]. Moscow, Rainbow, pp. 37–89. (in Russian).
Моррис Ч. Основания теории знаков / пер. с англ. В.П. Мурат // Семиотика: сборник переводов / под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга. 1983. С. 37–89.
- Neustroyev, K.S. (2018), *Fenomen semanticheskoy neopredelennosti v juridicheskom tekste: kontekst, pragmatika, interpretaciya* [The phenomenon of semantic uncertainty in a legal text: contexts, pragmatics, interpretation]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Journal of Humanities]. Vol. 7. 22 (1), pp. 113–116. (in Russian).
Неустроев К.С. Феномен семантической неопределенности в юридическом тексте: контекст, прагматика, интерпретация // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 113–116.

- Pantkyina, M.I. (2017), Diskurs-analiz v issledovanii individual'nogo pravosoznaniya [Discourse analysis in the study of individual sense of justice]. Pravovedenie [Jurisprudence]. 330 (1), pp. 28–51. (in Russian)
Пантыкина М.И. Дискурс-анализ в исследовании индивидуального правосознания // Правоведение. 2017. № 1 (330). С. 28–51.
- Parret, H. (1983), Semiotics and pragmatics. An evaluative comparison of conceptual frameworks. Amsterdam, John Benjamins publishing. (in English).
- Ricoeur, P. (2004), Sur la traduction. grandes difficultes et petits bonheurs de la traduction. Paris, Bayard. (in French).
- Suslov, V.A. (2014), Teoreticheskie aspekty realizacii principa edinoobraziya v sfere pravoprime-neniya [Theoretical aspects of the implementation of the principle of uniformity in the field of law enforcement]. Pravovedenie [Jurisprudence]. 312 (1), pp. 55–65. (in Russian).
Суслов В.А. Теоретические аспекты реализации принципа единообразия в сфере правоприменения // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 55–65.
- Syrykh, V.M. (2014), Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik [History and methodology of legal science: a textbook]. Moscow, Norma: INFRA-M. (in Russian)
Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
- Turanin, V.Yu. (2018), Fenomen yuridicheskoy terminologii [The phenomenon of legal terminology]. Moscow, Yurlitinform. (in Russian).
Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии. М.: Юрлитинформ, 2018.
- Van Dijk Teun, A. (1977) Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London and New York, Longman. (in English).
- Vlasenko, N.A. (2014), Konkretizaciya v prave: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Concretization in law: methodological basis of research]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 211 (7), pp. 60–75. Available from: doi: 10.12737/4825 (in Russian).
Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 60–75.
- Vlasenko, N.A. (2011), Tekhnika podgotovki teksta normativnogo pravovogo akta [Technique of preparation of the text of a normative legal act] In: Vlasenko, N.A. (ed.) Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika [Normative law technique]. Moscow, Yustitsinform, pp. 85–89. (in Russian).
Власенко Н.А. Техника подготовки текста нормативного правового акта // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. С. 85–89.

Сведения об авторе:

Гаврилова Юлия Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Институт права Волгоградского государственного университета

ORCID ID: 0000-0002-8055-4710

Контактная информация:

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 200–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218.

Дата поступления в редакцию: 05 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

LEGAL INTERPRETATION IN RUSSIAN LAW: THE UNITY OF THE METHODOLOGICAL AND ACTIVITY APPROACHES

Yulia A. Gavrilova

Volgograd State University
Law Institute

100, Universitetsky ave., Volgograd, Russia, 400062

The problem of legal interpretation in Russian jurisprudence is characterized by an extremely wide range of opinions: from formally dogmatic to postmodern. Every scientist tries to see in the interpretation something «his own». A number of scientists believe that it is possible to discuss the terminology of the question, in particular, the distinction between «interpretation» and «explain». Others consider that the purpose of studying the interpretation is to find the best ways to understand the laws published in the state. For the third, the interpretation is interesting in that it lies at the basis of the discretion of officials in the course of practical work on resolving legal disputes, and this raises questions of the limits of interpretation. For the fourth, the interpretation has the status of an ideological toolkit for solving social problems, for example, in constitutional judicial proceedings. The current doctrinal state of the interpretation problem lags behind the needs of legislation and legal regulation practice. Therefore, the changes in the passport of a scientific specialty 12.00.01 — the theory and history of law and the state; the history of the doctrine of law and the state, which singled out the legal interpretation as an independent method of the study of law, requires due scientific attention.

The purpose of the article is to give the author's a generalized idea of the place and meaning of legal interpretation in modern Russian law on the material of available scientific literature. Research methods: formal legal, analysis and synthesis, modeling, extrapolation.

The results of the study. The age-old disputes over legal interpretation among scholars and practitioners lawyers, philosophers, politicians are explained by the polysemy of the term «interpretation», which allows considering it, according to the author's article, in two fundamental meanings: narrow and broad. In a narrow linguistic sense, interpretation is a combination of linguistic methods for analyzing legal texts. In a broadly discursive sense, interpretation is perception, translation (decoding) and extracting the meaning of any legal phenomena. Separately highlighted are the methodological and activity aspects of this problem, focusing respectively on modern approaches to interpreting the phenomena of the entire legal life of society, as an integral part of legal discourse, and traditional approaches to interpretation as special activities aimed at understanding the meaning of textually fixed legal norms using special technical-legal means. It is concluded that the generalized consideration of legal interpretation in modern Russian law is necessary in the unity of the methodological and activity aspects.

Key words: legal interpretation, law research methodology, activity approach, legal text, legal language, communication, speech, legal discourse, sense of law

Information about the author:

Yulia A. Gavrilova — Candidate of Legal Science, Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of Law and the State, Law Institute, Volgograd State University

ORCID ID: 0000-0002-8055-4710

Contact information:

e-mail: gavrilova_ua@volsu.ru

For citation:

Gavrilova, Yu.A. (2019), Legal interpretation in russian law: the unity of the methodological and activity approaches. RUDN Journal of Law. 23 (2), pp. 200–218. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-200-218.

Article received May 05, 2019

Article accepted May 30, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫКИИ В XVII — НАЧАЛЕ XX вв. С ПОЗИЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Е.А. Команджаев

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000, г. Элиста, Республика Калмыкия, ул. Пушкина, д. 11

Чтобы более отчетливо представить процессы, происходящие в российском обществе, для более ясной оценки положения национальных республик в составе Российской Федерации, необходимо обратиться к историко-правовому развитию отдельных народов в составе России. Изменения в системе государственного управления России, появление новых социально-экономических, политических, духовно-культурных проблем обуславливают потребность в выработке новых форм сотрудничества регионов и федерального центра. Поиски лучшей модели государственного управления регионами обращают наше внимание на историко-правовое развитие институтов публичного управления в Калмыкии в XVII–XIX вв.

В связи с этим мы можем обратиться к опыту развития институтов публичной власти и управления калмыцким обществом. С момента образования Калмыцкого ханства в составе России центральное правительство практически не вмешивалось во внутренние дела ханства. Однако со временем российская администрация стала регулировать процесс выбора главы ханства и решать спорные вопросы между представителями калмыцкой знати. Позже в калмыцких улусах появились чиновники российской администрации, подчинявшиеся центральным и местным органам управления. В итоге к середине XIX в. сформировалась система приставства, а затем система попечительства калмыцким народом, которая практически ликвидировало национальное управление, передав функции осуществления публичной власти российским властям.

При этом российское правительство приняло несколько нормативных правовых актов, направленных на совершенствование публичного управления калмыцким обществом. Кроме того, чиновниками министерств и администрацией астраханской губернии разрабатывался целый ряд проектов по реформированию системы управления, системы налогообложения и судоустройства в калмыцкой степи, которые так и не были приняты в силу различных причин, но которые были жизненно необходимы для совершенствования управления калмыцким обществом. Ряд проектов были разработаны в связи с реформами в России в 60–70-е годы XIX в., и поэтому требовались изменения по управлению калмыцким народом.

Проведению реформ кроме всего прочего мешала личная зависимость калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов, которая была отменена только в 1892 г. Данная реформа освободила нойонов от обязанностей по управлению улусами, а зайсангов — от управления аймаками. Кроме того было переустроено налогообложение калмыцкого народа, которое продолжилось и в начале XX в. Подчинив Калмыкию Министерству внутренних дел в 1902 г. правительство провело реорганизацию административно-территориального устройства, но дальней-

шие преобразования в калмыцком обществе были приостановлены мировой войной и революционными событиями 1917 г.

Ключевые слова: институты публичной власти, калмыцкое общество, калмыцкое ханство, система управления, реформы управления, система попечительства

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова в рамках научного проекта № 1101 «Особенности управления национальными территориями в дореволюционной России».

I. ВВЕДЕНИЕ

Вопросы эволюции институтов публичной власти в Калмыкии в указанный период представляются достаточно актуальными по нескольким причинам. Во-первых, в современный период происходят поиски оптимальных критериев регионального и национального развития, поиски наилучшего сочетания интересов субъектов Федерации и государства в целом. Кроме того, в настоящее время происходит постоянное совершенствование государственного аппарата. При этом обращение к историко-правовому развитию кочевых народов и к опыту предшествующих поколений, предпринятое в статьях Л. Крейдера и К. Лесороголя, позволяет нам представить взгляды зарубежных авторов на существо трансформации институтов номадных обществ (Krader, 1978:93; Lesorogol, 2003:531–541). В статье К.Е. Сигалова обращается внимание на необходимость изучения опыта совместной мирной жизни «народов с различными религиями, находившихся на разном уровне идейно-интеллектуального развития, просто обладавших различным менталитетом» (Sigalov, 2018:55).

Во-вторых, история развития институтов публичной власти в калмыцком обществе является малоизученной проблемой. Ученые предшествующих периодов (по преимуществу специалисты в области истории) обращали внимание на данную проблему фрагментарно при анализе иных вопросов исторического прошлого Калмыкии. Только в последние годы появился ряд научных работ по истории государственно-правового развития Калмыкии.

В-третьих, вопросы эволюции институтов публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв. рассматривались авторами с позиции формационного подхода. В связи с этим цивилизационно-культурный подход позволяет шире взглянуть на государственно-правовое развитие калмыцкого народа в составе Российского государства. По справедливому мнению М.В. Немытиной, «каждая цивилизация имеет свой вектор развития, эволюционирует в рамках своей цивилизационно-культурной программы» (Nemytina, 2017:31).

Россия на протяжении столетий увеличивала свою территорию, присоединяла новые земли и народы. В итоге многие окраинные районы страны имели не только экономические и политические отличия, но и этнические, культурные, религиозные особенности. В процессе интеграции калмыцкого общества в общероссийскую цивилизацию менялись взаимоотношения российского правительства с национальными территориями, разрабатывались новые проекты реформ управления регионами, происходила постепенная унификация си-

стемы государственного управления и включение национальных окраин в единое административное и правовое пространство. Изучение опыта государственно-правового развития Калмыкии на протяжении почти трех столетий имеет важное научное значение для определения основных направлений и перспектив развития федеративных отношений в Российской Федерации, взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти.

В истории развития институтов публичной власти в Калмыкии в указанный период можно выделить четыре периода:

1) период образования и существования Калмыцкого ханства (конец XVII в. — 1771 г.);

2) период ликвидации Калмыцкого ханства и поиска моделей управления калмыцким народом (1771–1825 гг.);

3) период установления системы попечительства (1825 г. — 2 половина XIX в.);

4) период реформирования управления калмыцкой степью (конец XIX — начало XX вв.).

Историю калмыцкого народа до начала XX в. можно разделить на два периода: 1) ойратский (джунгарский) период; период, когда предки калмыков — ойраты, или западные монголы, кочевали в степях Западной Монголии (Джунгарии); 2) калмыцкий период, начиная с начала XVII в. В этот период военные неудачи, постоянные междоусобицы, дефицит пастбищных территорий побудили владельцев нескольких ойратских группировок откочевать с подвластными людьми в степи Западной Сибири. В последующее время эта часть ойратов начала заселять почти пустующие степи междуречья Эмбы, Яика (Урала) и Волги, а позднее заняла все Нижнее Поволжье, где к концу XVII в. сформировалась калмыцкая народность со своей государственностью.

Полномасштабное изучение калмыцкой степи началось со второй половины XVIII века. В это время российское правительство планировало переустройство управления калмыцким народом, поэтому требовались полные и достоверные сведения об истории, культуре, быте калмыков, их правовом устройстве. Большое количество фактического материала было собрано о калмыках исследовательскими академическими экспедициями в калмыцкую степь. Научные экспедиции (П.И. Рычков, Н.П. Рычков, П.С. Паллас, И.Г. Георги), а также наблюдения и описания современников (Н.В. Баснин, Ф.А. Бюлер, П. Смирнов, Н.Я. Бичурин, В.М. Бакунин, К.И. Костенков, Н. Страхов) заложили основы научных знаний о калмыках.

До 1917 г. изучением эволюции институтов публичной власти, а также законодательных актов, действовавших у калмыков, занимались ученые-правоведы и историки Н.В. Баснин, К.Ф. Голстунский, Ф.И. Леонтович, Я.И. Гурлянд, Ф.А. Бюлер, А.А. Лебединский, М.И. Гольман, И.И. Лепехин, Н. Нефедьев, М. Новолетов, П. Небольсин, Н.Н. Пальмов, П.С. Паллас, И.В. Бентковский, Н.А. Попов, И.Г. Георги, А.М. Позднеев. В досоветский период труды ученых в основном носили

описательный характер. Лишь в конце XIX в. появились работы с анализом историко-правового развития калмыцкого народа.

В советское время изучение институтов публичной власти в Калмыкии характеризуется оценкой развития государственности у калмыков, взаимоотношений Калмыцкого ханства и российского правительства, становления системы попечительства в Калмыкии. Однако, эти вопросы рассматривались с позиций марксистского подхода. С конца 70-х годов XX столетия появляются специальные работы, посвященные анализу институтов публичной власти и законодательства калмыков (статьи юристов В.С. Сергеева, С.М. Сагаева, историков К.Н. Максимова, М.М. Батмаева, М.Л. Кичикова, А.В. Цюрюмова, В.Ш. Бембева, Л.С. Бурчиновой, А.Г. Митирова, К.О. Эрдниева, А.А. Чужгинова, В.И. Колесника). В советский период авторы оценивали создание автономной области калмыков в 1920 г. как возрождение государственности.

В современный период, особенно в 90-е годы XX в., возрос интерес к изучению истории и культуры калмыцкого народа. Истории государственного управления посвящены труды профессора К.Н. Максимова, а также издана монография В.С. Сергеева и Б.В. Сергеева о гражданском и уголовном праве калмыков.

В начале века были изданы статьи и подготовлены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Е.А. Команджаев, И.Ч. Аксенов, И.К. Очир-Гаряева). Изучение эволюции управления калмыцким обществом и законодательных актов, действовавших у калмыков, продолжается и сейчас. Ряд вопросов рассматривались косвенно либо фрагментарно, отсутствует комплексное исследование, посвященное становлению и развитию институтов публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв.

При изучении данной проблемы источниковой базой послужили статьи монголо-ойратских законов 1640 г., а также дополнения к ним и постановления калмыцких ханов. Важное значение имеют нормативные правовые акты Российской империи, посвященные организации системы управления калмыцким народом (Правила для управления калмыцкого народа 1825 г., Положения об управлении калмыцким народом 1835 и 1847 гг.), а также материалы официального делопроизводства.

Большой объем информации получен из неопубликованных (архивных) документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве. Содержание дел в российских центральных архивах часто перекликается с рядом фондов Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), так как с документов, отправляемых в центр, власти на местах оставляли копии.

II. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КАЛМЫЦКОМ ХАНСТВЕ

В истории России одним из примеров мирного сосуществования различных народов можно назвать формирование и развитие Калмыцкого ханства в составе Российского государства. Предками калмыков являются ойраты (западные монголы), монголоязычный народ, родственный монголам по происхождению, языку, образу жизни и культуре. В начале XVII в. ойратские племена дербетов и торгутов начали откочевывать из Западной Монголии на северо-запад, где были малонаселенные степные пространства Южной Сибири по среднему течению Иртыша и Ишима. Это были сибирские владения Российского государства. На протяжении 1606–1608 гг. проходили переговоры ойратских тайшей (главных князей) и нойонов (князей) с российскими воеводами городов Тары и Томска. В 1608 г. делегация от ойратских нойонов и тайшей была принята царем Василием Шуйским. В 1609 г. правительством России были официально признаны договорные отношения с ойратскими племенами торгутов, дербетов и хошоутов, которые начали постепенно перекочевывать в пределы Российского государства. Ойраты присягали в верности, должны были платить дань скотом, оборонять сибирские крепости совместно с российскими войсками. Собственно и калмыцкий этнос начал формироваться в пределах России (от тюркского «калмак» — отделившийся).

В 30-е гг. XVII в. калмыки продвинулись в междуречье Эмбы и Яика, а затем в 40-е гг. — в междуречье Яика и Волги и начали кочевать в Прикаспии, потеснив ногайцев. При этом часть улусов начала кочевать по правому берегу Волги. В 50-е гг. XVII столетия сложилась благоприятная политическая обстановка для калмыков. Россия находилась в преддверии войн и в окружении враждебных государств (Польша, Османская империя и Крымское ханство, Швеция). Калмыки оказались реальной военной силой в занимаемом регионе. В 1655 и 1657 гг. калмыцкие князья подписали шерти (присяги), которые завершили процесс добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России (Maksimov, Ochirova, 2009:266). Калмыцкие тайши и нойоны присягали в верности, обязывались посылать войска на помощь российской армии, за что им назначалось жалованье, определялась территория кочевий для калмыков и право беспошлинно торговать в российских городах.

Перекочивая в пределы России, калмыки оказались в совершенно ином цивилизационном пространстве. И хотя ряд дореволюционных и советских авторов указывали на некоторую «отсталость» пришлых кочевников по сравнению с российскими губерниями, такая однозначная оценка представляется неверной. Народы и политические образования, входившие в состав России, привносили собственные традиции, в том числе юридические. Становление России происходило в условиях интеграции в российское социокультурное пространство «некоренных этносов», обладавших иными моральными, национальными, религиоз-

ными и прочими ценностями и особенностями. По утверждению Н.Н. Ефремовой, «можно сказать, что ментальность новых россиян в большей или меньшей степени отличалась иными духовными и материальными условиями быта, мировоззрением, что во многом детерминировало самобытность их политической организации, правосознания и потенцию к интеграции в единую социальную и публично-правовую общность» (Efremova, 2014:254). На наш взгляд, следует согласиться с вышеупомянутым мнением М.В. Немытиной о том, что «...нельзя считать, что одна цивилизация опережала или опережает в своем развитии другие или, напротив, отставала или отстает от них на своем пути». У каждой цивилизации «свой вектор развития» (Nemytina, 2017:31). Калмыкию также можно рассматривать как определенное самобытное социокультурное пространство в составе Российского государства.

Калмыцкое общество стало приобретать черты государственности приблизительно в конце 50-х–60-е гг. XVII в., когда определилась территория кочевий, стали отчетливо вырисовываться черты монархической власти, начала складываться система управления, вводились принесенные Монголо-ойратские законы 1640 г. (Kichikov, 1994:65). М. Батмаев относит появление калмыцкой государственности к концу XVII — началу XVIII вв., когда сформировалась система управления Калмыцким ханством (Batmaev, 1993:98–99).

Образование Калмыцкого ханства в составе России объясняется некоторыми объективными причинами. Калмыки, поселившись в степях Нижнего Поволжья, не были «дикой ордой», они пришли в пределы России, имея свою культуру, письменность и религию, а также законодательные и государственные традиции. Калмыцкие ханы первоначально сохраняли определенную независимость во внутренних делах, и российское правительство поддерживало усилия ханов по централизации власти в пределах калмыцких улусов.

Взаимоотношения Калмыцкого ханства с Российским правительством не были безоблачными. Обязательства, данные калмыцкими тайшами и нойонами, зачастую нарушались, случались вооруженные столкновения калмыков с соседями (казаками и башкирами). Правительство России стремилось ограничить внешнеполитическую деятельность ханов. Однако пограничное положение Калмыцкого ханства (охрана южных границ) и военная служба калмыков (направление войск для помощи российской армии, самостоятельные походы либо совместно с казаками на Крым и Кубань) позволяли калмыцкому хану быть более-менее независимым от центральных властей. Кочевой менталитет также позволял представителям калмыцкой знати относиться к указаниям российского правительства выборочно, так как при неблагоприятной ситуации они могли откочевать в другие земли.

1669–1724 гг. — это годы правления хана Аюки, который был талантливым и дальновидным политиком. Поэтому с 80-х годов XVII в. калмыцкая знать старалась не конфликтовать с российскими властями, выполнять все свои обязательства по военной службе и охране южных границ, за что российское пра-

вительство выплачивало щедрое вознаграждение. Кроме того, правительство гарантировало возврат беглых калмыков-простолюдинов, свободную торговлю и безопасность при кочевке вблизи русских городов.

После смерти Аюки российское правительство начало проводить политику по постепенному ограничению автономии Калмыцкого ханства. Тем более внешнеполитическая обстановка для России улучшилась. При калмыцком хане назначался российский чиновник с отрядом из казаков и драгун, которые располагались в ближайшем от хана городе. Впоследствии при хане был создан специальный контрольно-управленческий орган — «Калмыцкие дела», который просуществовал до ликвидации ханства в 1771 г. С этого времени российское правительство принимало участие во всех важных мероприятиях в ханстве, в том числе в выборе хана, в урегулировании споров между знатью. Затем правительство стало назначать наместника ханства и хана из наиболее лояльных претендентов на ханский титул.

Оформление ханской власти и системы управления у калмыков заняло всю вторую половину XVII в. В пределы России пришло три крупных ойратских объединения — торгуты, дербеты и хошуты. Тайши и нойоны каждой группировки не склонны были признавать верховенство одного. В борьбе за лидерство успех зависел от трех факторов: знатности тайши или нойона, многочисленности его подвластных и личных достоинств. Первыми в приволжских степях оказались торгуты, они же были самыми многочисленными. Это и сказалось на том, что династия калмыцких ханов произошла из представителей этой племенной группы.

Главой Калмыцкого ханства были ханы, а позже наместники ханства. Наименование «наместник ханства» появилось в 1724 г., когда российское правительство стало вмешиваться в выбор ханов. Хотя, провозглашая одного из нойонов наместником ханства, российские власти, видя его благонадежность, через некоторое время объявляли его ханом. По всей видимости, для российского правительства наместник ханства представлялся государственным чиновником, временно возглавлявшим ханство.

Ханская власть была своеобразным передаточным звеном между российским правительством и нойонами. Все распоряжения от правительства вначале поступали хану, а он доводил их содержание до нойонов — владельцев улусов для принятия необходимых мер. Хан также распределял пастбищные территории между улусами. Кроме того, хан организовывал сбор войск и выступал в роли командующего. В компетенцию хана входило улаживание споров между нойонами и утверждение наиболее важных решений суда Зарго (Batmaev, 1993:243).

Калмыцкое ханство можно назвать типичной кочевой монархией, где верховная власть хана ограничивалась правами других нойонов, а также зависела от личности вождя, его способностей и военных успехов. Кроме того, деятельность хана контролировалась российскими властями. О независимости

калмыцких нойонов от хана точно сказал зайсанг Яман астраханскому губернатору А.П. Волынскому, когда после смерти хана Аюки в 1724 г. правительство подыскивало кандидата на ханский престол: «Кому ни быть ханом — все равно, и только что прибавок ему будет один титул и место первое, а пожиток ево с одних только с его собственных улусов, а протчие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоватца не повинен и слушать ево в том никто не будет»¹.

Для управления своими собственными улусами, а также всем ханством при хане находился штат различных чиновников, которые можно разделить на придворных и общекалмыцких.

О придворных должностях мы можем судить по описанию В.М. Бакунина, который упоминал ряд должностей и переводил их смысл на русский язык. Упоминались такие должности, как тайный советник, камергер, телохранитель. Судьи в суд Зарго также назначались ханом и составляли круг его ближайших советников (Bakunin, 1995:46). Некоторые авторы полагают, что хан мог иметь при себе совещательный орган — совет из малых князей (Maksimov, 2000:25). Подтверждается это научной литературой, где упоминают должности табунаггов, ямату нойод, ямату тушимед, а российские архивные документы называют их думчими тайшами².

Управление Калмыцким ханством состояло из следующих должностей: дарги, демчеи, бичачи, элчи, бодокчеи. Некоторые должностные лица — дарги, демчеи, бичачи, элчи — были как в ханском управлении, так и в улусах у каждого нойона.

Дарга представлял собой одну из высших должностей. Он являлся управляющим хана, в том числе всем его хозяйством. В его полномочия входили следующие обязанности: распределение налогов и податей, учет доходов и расходов, выполнение личных поручений ханов и нойонов (Golstunsky, 1880:109). Демчи — помощник дарги — из общей раскладки податей и повинностей распределял части по улусам, контролировал сбор налогов, а также управлял определенным количеством кибиток, выступал своеобразным старостой (Golstunsky, 1880: 48).

Обязанности бичачи — писца — достаточно просты: ведение переписки, запись ханских указов, переписывание документов. Элчи — посол, посланец. Элчи неоднократно упоминался в Монголо-ойратских законах 1640 г. Функции его были весьма важны в условиях кочевого общества, где связь между частями ханства могла осуществляться только через посланцев.

Одним из главных учреждений Калмыцкого ханства был суд Зарго — особый судебно-совещательный орган. Зарго состоял из 8 членов, назначенных

---

¹ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК), ф. 36, д. 15, л. 105.

² Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Элиста, 1968. С.132.

ханом из числа ближайших нойонов и зайсангов и одного-двух представителей духовенства.

Зарго заседало в отдельной кибитке и находилось при ставке хана. Члены Зарго именовались саит, что можно перевести как министры, и делились на советников (тусурукчи) и судей (заргучи). При Зарго находились приставы (яргучи), писцы и посланники (Вакунин, 1995:146). В Зарго составлялись ханские указы, письма российским властям, осуществлялся суд по гражданским и уголовным делам. Учреждения, подобные Зарго, существовали в каждом улусе. Все решения Зарго принимал большинством голосов, но окончательное решение зависело от хана.

Используя свои сословные привилегии, калмыцкие ханы, нойоны и зайсанги осуществляли судебную власть в своих улусах. Духовенство осуществляло суд по брачно-семейным и религиозным делам.

В 1762 г. правительство России провело реформирование Зарго. Функции Зарго остались без изменений, изменился порядок формирования этого органа. В Зарго стали назначать зайсангов из всех улусов, пропорционально численности населения, при этом члены Зарго утверждались российскими властями. Чтобы члены Зарго были независимы от своих нойонов, им назначалось жалованье по 100 руб. в год. Такая реформа Зарго ослабила ханскую власть (Palmov, 1992:85).

С конца XVII в. у калмыков появилась должность бодокчя (своеобразного посредника) для урегулирования споров калмыков с соседним русским населением. В российских городах и крупных селах, располагавшихся вблизи калмыцких кочевий, также появились должности приставов для разрешения споров с калмыками.

Нойоны-владельцы обладали всей полнотой власти в своих улусах. Н. Пальмов сравнивает их положение с положением русских воевод и крупных помещиков (Palmov, 1992:58). Улусы в административном плане делились на аймаки, которые принадлежали зайсангам. Улусное и аймачное управление почти повторяло систему должностей хана. В управление аймаком, кроме того, входили старосты 10 кибиток (арбан-аха), старосты 20 кибиток (шуленга), староста 40 кибиток (демчи). При этом шуленга был заместителем демчи. В аймаках также были сборщики налогов (албачи) (Maksimov, 2000:26).

Низшей административно-территориальной единицей был хотон, во главе которого стоял хотонный староста, избираемый из числа членов хотона (Buhler, 1846:86).

Со стороны российского правительства калмыцкими делами первоначально занимались различные приказы, пока калмыцкие дела не были сосредоточены в Посольском приказе, который в 1718 г. был преобразован в Коллегию иностранных дел.

На месте калмыцкими делами с 1719 г. руководил астраханский губернатор, которому Коллегия иностранных дел все чаще поручала вести дела, связан-

ные с руководством калмыцким обществом. В 1715 г. в калмыцкие кочевья назначен полномочный представитель, который подчинялся Посольскому приказу, а затем Коллегии иностранных дел. Одновременно он подчинялся астраханскому губернатору. В задачи представителя входил надзор за деятельностью калмыцкого хана. С этого времени стал складываться особый управленческий орган — Калмыцкие дела, просуществовавший до 1771 г. Особый чиновник (Состоящий при калмыцких делах) находился первоначально при ставке хана, затем в ближайших от калмыцких кочевий городах (в г. Саратове (1717–1727 гг.), г. Царицыне (1727–1742 гг.) и Енотаевской крепости (1742–1771 гг.)). С 1722 г. он начал разбирать конфликты русского и калмыцкого населения (Ватмаев, 1993:307).

Особенностью российской судебной-правовой системы было сохранение традиционных моделей юстиции у титульных и нетитульных народов Российской империи (Efremova, 2014:255). Унификация общеимперского государственного механизма и судебной системы часто не затрагивала национальные окраины, в том числе не затронули они и Калмыкию.

Войдя в состав России, калмыки долгое время сохраняли собственное административно-территориальное деление. Калмыцкое ханство состояло из улусов, наследственных владений нойонов. В.М. Бакунин писал: «Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а улус на русском языке, как в начале сего описания означено, значит народ), и каждый улус имеет особое свое название и нойона» (Bakunin, 1995:76).

В Монголо-ойратских законах 1640 г., а также в описаниях современников упоминаются отоки. Ф.А. Бюлер считал, что в XVII–XVIII вв. улусы делились на отоки и аймаки. Отоки представляли собой большие по размерам аймаки. Это была значительная часть улуса, которой заведовало несколько зайсангов (Buhler, 1846:21). Б.Я. Владимирцов по поводу отоков писал: «Можно думать, с большой долей вероятности, что отоки рассматриваемого периода являются ничем иным, как бывшими “тысячами” эпохи мировой империи монголов» (Vladimirtsov, 1934:134). Можно сделать вывод о том, что оток — это определенное количество кибиток, имеющее свое название, восходящее к родовым названиям.

Следующей административной и хозяйственной единицей Калмыцкого ханства был аймак, который являлся частью улуса и принадлежал зайсангу. Низшей административно-территориальной единицей являлся хотон. Хотон состоял из группы родственников, кочевавших совместно. Таким образом, административно-территориальное устройство Калмыцкого ханства представляло собой следующее: большие племенные объединения (торгуты, дербетты, хошуты) — улусы (отоки) — аймаки — хотоны (Bembeyev, 1984: 69).

III. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКИМ ОБЩЕСТВОМ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Ограничение власти ханов и наступление на привилегии калмыцкой знати побудило последних откочевать обратно в Джунгарию. В январе 1771 г. большинство калмыцких улусов начали откочевывать из пределов России. Всего с ханом Убаши ушло более 30 000 кибиток. В России остались все дербетские улусы, часть торгутских улусов, кочевавшие на правобережье Волги. С Яика удалось вернуть Эркетеневский и Багацохуровский улусы. Всего в России осталось более 11 000 кибиток, не считая калмыков, проживавших оседло и без учета калмыков, примкнувшим к донскому, терскому и ставропольскому казачеству (Maksimov, Ochirova, 2009:431).

Основная территория калмыцкой степи находилась в пределах Астраханской губернии. Поэтому после упразднения ханства калмыцкие улусы были подчинены астраханскому губернатору и как отдельные владения, возглавляемые своими нойонами, приравнены к уездам (Maksimov, 2000:50). 1 марта 1771 г. астраханским губернатором было издано распоряжение, по которому «Калмыцкие дела» были ликвидированы и создавался новый орган — Калмыцкая экспедиция при астраханской губернской канцелярии. С этого времени астраханский губернатор стал играть главную роль в управлении калмыками.

19 октября 1771 г. вышел указ Екатерины II, по которому звание ханов и наместников ханства упразднялось. Все нойоны — владельцы улусов подчинялись астраханскому губернатору и должны были управлять своими подвластными людьми самостоятельно. При правителях улусов назначались российские приставы. Суд Зарго функционировал как «общенародное калмыцкое правление» и состоял из трех зайсангов, избираемых от торгутов, дербетов и хошуттов. Члены Зарго работали на постоянной основе и их решение было совещательным для губернатора (Batmaev, 1993:366). А в 1786 г. калмыцкий суд Зарго был ликвидирован. Решением астраханского губернатора П.С. Потемкина Калмыцкая экспедиция была преобразована в самостоятельное учреждение при губернской канцелярии — Калмыцкую войсковую канцелярию (Palmov, 1992:91–93), преобразованную в 1797 г. в Калмыцкое правление.

14 октября 1800 г. указом императора Павла I малодербетовский нойон Чучей Тундутов объявлен наместником калмыцкого ханства и при нем восстановлен суд Зарго. В суд Зарго входило восемь человек: 6 зайсангов и 2 представителя духовенства. Председательствовали в Зарго наместник ханства и российский пристав. Зарго должен был осуществлять функции общекалмыцкого правления и подчинялся Коллегии иностранных дел (Vichurin, 1991:116). 26 октября 1801 г. император Александр I подтвердил права, данные калмыкам.

При этом в калмыцкой степи одну из главных ролей стал играть главный пристав, который осуществлял надзор за деятельностью наместника ханства и других калмыцких нойонов. Главный пристав считался руководителем кал-

мыцких дел и посредником с российскими властями. Наместник ханства Чучей Тундутов не мог самостоятельно принять ни одного важного решения. В каждый улус назначался частный пристав.

Так, императором Павлом I был открыт новый период в истории развития институтов публичной власти в Калмыкии. Восстановление Калмыцкого ханства было проведено в соответствии с основными принципами управления губерниями по «Губернскому учреждению» 1775 г., но при этом учитывалась некоторая национальная специфика. Управление калмыцким ханством стало напоминать губернское управление: император назначал главу региона, при наместнике ханства создавался все сословный орган — Зарго. Таким образом, Калмыкию в данный период трудно назвать собственно ханством. Калмыкия была по статусу похожа на губернию со своей национальной спецификой. В 1802 г. калмыцкие дела переданы в Министерство внутренних дел.

После смерти Чучея Тундутова в 1803 г. российское правительство ликвидировало звание наместника ханства. Главный пристав и Зарго стали подчиняться астраханскому губернатору.

В последующем Зарго был лишен административных функций. Его преобразовали в чисто судебный орган с ограниченными полномочиями. В его функции входило рассмотрение гражданских дел (с ценой иска от 5 до 25 руб.). Более крупные гражданские дела, а также все уголовные дела рассматривались в верхних земских судах, в астраханских судебных палатах в соответствии с российским законодательством.

Таким образом, российское правительство в начале XIX в. стало назначать особых должностных лиц — приставов, чем начало создавать новую систему управления калмыцким обществом.

10 марта 1825 г. были утверждены «Правила для управления калмыцкого народа». Калмыкия получила статус области в составе Астраханской губернии. Высшим уровнем управления калмыцким народом выступало Министерство внутренних дел, на которое возлагались обязанности по «назиданию вообще за благосостоянием калмыцкого народа», «охранению права его и пользы», а также общее управление калмыцким народом, разрешение споров между владельцами улусов, между калмыками и соседним населением³.

Высшим должностным лицом в управлении калмыцким обществом был Главный пристав, который назначался Министерством внутренних дел. Главный пристав, кроме того, был подотчетен астраханскому губернатору.

При астраханском губернаторе создавалась Комиссия калмыцких дел, в компетенцию которой входили функции по надзору за улусными и аймачными управлениями, за сбором налогов и выполнением повинностей, рассмотрение гражданских дел на сумму свыше 400 руб. Кроме астраханского губернато-

---

³ Полное собрание законов Российской империи. 2 собрание. Т. 40, № 30290. С. 155, 156.

ра в Комиссию калмыцких дел входили вице-губернатор, главный пристав калмыцкого народа, астраханский прокурор и два депутата от выборных депутата от калмыцкого народа (один избирался от представителей знати, второй — от духовенства).

Суд Зарго был апелляционной инстанцией по отношению к улусным судам. Зарго рассматривал гражданские споры с ценой иска от 200 до 400 руб. При этом судопроизводство осуществлялось по «калмыцким законам и обычаям».

Улусное управление было низшим звеном в управлении калмыцкой степью. В его состав входили: частный пристав, владелец улуса либо правитель улуса. Частный пристав должен был обеспечивать порядок в улусах, контролировать нойонов и зайсангов, надзирать за полной уплатой налогов и несением повинностей, а также пресекать преступления и рассматривать споры с ценой иска до 200 руб. Частный пристав не вмешивался в повседневные дела улуса, которым руководил нойон по своему усмотрению.

Духовенство должно было осуществлять судебные функции по семейным делам, а также по вопросам, связанным с религией и нравственностью⁴.

Таким образом, в соответствии с Правилами 1825 г. институты публичной власти Калмыкии подверглись переустройству. В результате Калмыкия вошла в единую систему административного управления страны на правах особой области Астраханской губернии.

IV. УСТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В КАЛМЫКИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Со второй трети XIX в. управление калмыцким народом постепенно изменяется и совершенствуется путем принятия новых актов — Положений об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 годов.

24 ноября 1834 г. было принято Положение об управлении калмыцким народом, которое вступило в силу с 1 января 1835 г., вводившее областное и местное управление. При канцелярии астраханского губернатора образовывался отдел для управления калмыцким народом. При этом все управление калмыцким обществом сосредоточилось у астраханского губернатора, который выступал как представитель Министерства внутренних дел.

Для управления калмыцким народом при астраханском губернаторе действовали: Главный попечитель калмыцкого народа, Совет управления калмыцким народом, суд Зарго, Ламайское духовное правление. В каждом улусе создавалось улусное управление: в пяти улусах (Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский, Харахусовский) во главе стояли нойоны-

---

⁴ Полное собрание законов Российской империи. 2 собрание. Т. 40. № 30290. С. 161.

владельцы, а в двух казенных улусах (Багацохуровский, Эркетеневский) — правители, назначаемые астраханским губернатором⁵.

Астраханский губернатор осуществлял общее руководство Калмыкией. Он контролировал должностных лиц и делопроизводство, утверждал решения Зарго и надзирал за правильностью его решений.

Комиссия калмыцких дел, созданная в 1825 г., была впоследствии заменена Советом Калмыцкого управления (1836–1848 гг.) Его сменило Отделение ордынских народов Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1866 гг.), которое впоследствии также было реорганизовано в Управление калмыцким народом Астраханского управления государственным имуществом (с 1867 г.) (Vichurin, 1991:117–118).

Вместо Главного пристава и частных приставов появились должности Главного попечителя и попечителей в улусах. Главный попечитель и глава духовенства Калмыкии назначались императором по предложению Министерства внутренних дел. Председатель суда Зарго также назначался императором по представлению Министерства юстиции. При всех назначениях принималось во внимание мнение астраханского губернатора.

Главный попечитель калмыцкого народа непосредственно подчинялся астраханскому губернатору. Главный попечитель осуществлял надзорные функции (за управлением и судами), контролировал сбор налогов и работу улусных учреждений. Штат Главного попечителя состоял из 10 человек, и еще 22 чиновника находились в улусах. Российские чиновники выполняли функции полиции, занимались сбором налогов, контролировали работу учреждений (Maksimov, 2000:59).

Главный попечитель возглавлял Совет калмыцкого управления, в который входили два его заместителя, ассессор, избираемый от нойонов на 3 года, два заседателя, которые избирались из зайсангов на три года. Совет был исполнительным органом, который осуществлял надзор за управлением в улусах и рассмотрением дел улусными судами, ведал экономическими вопросами и сбором налогов. Денежные средства от казенных улусов, а также штрафы и пени поступали в Совет и шли на содержание калмыцкого управления и на общественно полезные нужды. Совет был подотчетен астраханскому губернатору⁶.

Положение 1834 г. закрепляло полномочия улусных владельцев, аймачных зайсангов и хотонных старшин. Должностным лицам вменялось в обязанность заботиться о своих подвластных, контролировать их передвижения и выезды за пределы калмыцкой степи⁷. Нойоны-владельцы обязаны были заботиться о благосостоянии своих подвластных, в необходимых случаях оказывать им

---

⁵ Полное собрание законов Российской империи, 2 собрание. Т. 10. Прибавл. к. Т. 9 № 7560а. С. 19.

⁶ Полное собрание законов Российской империи, 2 собрание. Т. 10. Прибавл. к. Т. 9 № 7560а. С. 19, 24–25.

⁷ Полное собрание законов Российской империи, 2 собрание. Т. 10. Прибавл. к. т. 9 № 7560а. С. 29–30.

помощь, контролировать аймачных зайсангов. Нойоны были вправе разбирать мелкие споры между подвластными на основании калмыцких законов.

В состав улусного управления входили улусный попечитель, его помощник, нойон — владелец улуса либо правитель казенного улуса, и два заседателя, избираемых от зайсангов. Улусный попечитель обладал полицейскими и административными функциями, контролировал сбор налогов и несение повинностей.

Судебная система в калмыцкой степи возглавлялась судом Зарго. В каждом улусе действовали улусные зарго. Суд Зарго состоял из пяти членов. Председатель Зарго назначался императором по представлению министра юстиции. В состав Зарго входили также два советника из числа российских чиновников, которые назначались Министерством юстиции по представлению астраханского губернатора, и два ассессора, избираемых из числа нойонов сроком на три года. При рассмотрении уголовных дел суд Зарго руководствовался российским законодательством, а при рассмотрении гражданских дел — калмыцким законодательством. Улусные суды рассматривали мелкие уголовные дела (кражи до 20 руб.) и гражданские дела.

Ламайское духовное правление осуществляло управление духовенством. В него входили председательствующий Лама и четыре члена правления, избираемых на три года. Духовное правление назначало духовных лиц, могло рассматривать споры с участием священнослужителей, а также брачно-семейные дела.

Положение 1834 г. четко закрепило социальную структуру калмыцкого общества: нойоны и зайсанги, имевшие чины восьмого и выше классов по гражданской службе, либо офицерские чины, либо награжденные орденами, были приравнены к российским потомственным дворянам. Нойоны и зайсанги, имевшие гражданские чины ниже 8 класса, приравнивались по статусу к личным дворянам. Зайсанги, владевшие аймаками, получили звания потомственных граждан, а не имеющие аймаков приравнивались к личным почетным гражданам⁸.

Кроме того, Положение 1834 г. определило размеры налогов и повинностей с населения.

В 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ. В соответствии с «Положением об управлении государственными имуществами в губерниях», утвержденным 30 апреля 1838 г., обязанности Главного попечителя калмыцкого народа были возложены на управляющего Астраханской палатой государственных имуществ. Так, с 1838 г. Калмыкия фактически переходила в ведение Министерства государственных имуществ.

---

⁸ Полное собрание законов Российской империи, 2 собрание, Т. 10. Прибавл. к. Т. 9 № 7560а. С. 29–30.

Система «попечительства» калмыцким народом полностью оформилась принятием нового Положения об управлении калмыцким народом 1847 г.

Управление калмыцким народом было официально передано в Министерство государственных имуществ. По-прежнему общее руководство калмыцким народом осуществлял астраханский губернатор. Управление калмыцким народом возлагалось на управляющего астраханской палатой государственных имуществ, который одновременно получал должность главного попечителя калмыцкого народа. Совет калмыцкого управления был ликвидирован. При астраханской палате государственных имуществ было создано Отделение ордынских народов, которое состояло из советника, чиновника по особым поручениям, двух столоначальников, работников канцелярии. В состав Совета также входил депутат от калмыцкого народа, который избирался нойонами — владельцами улусов и аймачными зайсангами на 3 года и утверждался министром государственных имуществ.

Полномочия главного попечителя по новому Положению расширились. Главный попечитель был вправе отстранять нойонов от управления улусами, назначать правителей казенных улусов, созывать улусные сходы. На главного попечителя возлагались обязанности по обеспечению общественного порядка, распределению земель для кочевий, контроль за сбором налогов⁹.

Отделение ордынских народов, состоявшее из трех столов, отвечало за делопроизводство, кадровые назначения, вело учет населения и земель, занималось вопросами экономии, здравоохранения и образования, занималось вопросами охраны правопорядка, следствием и судебными делами, контролировало расходованием средств. Отделение ордынских народов в 1867 г. было реорганизовано в Управление калмыцким народом.

Общекалмыцкий суд Зарго по новому Положению был ликвидирован. Все подведомственные ему дела были переданы астраханской губернской палате уголовного и гражданского суда, в которую назначался один представитель от калмыцкого народа.

Улусное управление осуществляло руководство одним или двумя улусами. Поэтому при наличии 7 улусов улусных управлений было 5. Улусное управление состояло из попечителя, нойона-владельца, сборщиков налогов, переводчиков и делопроизводителей.

Астраханская палата государственных имуществ назначала улусного попечителя, который выполнял управленческие и полицейские функции, контролировал сбор налогов и выполнение повинностей. Все решения улусного управления подписывались попечителем и нойоном-владельцем.

По Положению 1847 г. улусные суды зарго приравнивались по статусу с волостными расправами. В их компетенцию входило рассмотрение уголовных

---

⁹ ПСЗ Российской империи. 2 собрание. Т. 22, № 21144. С. 358.

и гражданских дел, дел об опеке. Улусный суд зарго состоял из председателя (нойон-владелец), двух членов (улусный попечитель и его помощник), двух заседателей, избираемых улусным сходом из числа безаймачных зайсангов на три года, а если таких не было, то из числа простолюдинов. Суд осуществлял свою деятельность под контролем попечителя и астраханской палаты уголовного и гражданского суда. При этом улусные зарго ежемесячно отчитывались перед астраханской палатой государственных имуществ. Зарго рассматривал имущественные споры с ценой иска до 30 руб.

В административно-территориальном плане улусы делились на аймаки, которые по Положению 1847 г. официально признавались частями улусов. Аймак состоял из нескольких родов (отоков) и делился на хотоны (10–15 кибиток близких родственников, кочевавших совместно). Аймаки управлялись родовыми зайсангами, а в неродовых аймаках избирался старшина из безаймачных зайсангов. Хотоны по-прежнему возглавлялись старостами, избираемыми на аймачных сходах из калмыков-простолюдинов и утверждаемыми в должности астраханской палатой государственных имуществ.

Положение 1847 г. ввело для аймаков и хотонов общественное управление, основывавшееся на принципах выборности должностных лиц, коллективного решения вопросов общественно-хозяйственной жизни и раскладки податей и повинностей. Управление было построено по образцу общественного управления государственными крестьянами.

По Положению 1847 г. в улусах и аймаках появились улусные и аймачные сходы, по компетенции и составу напоминавшие волостные и сельские сходы. Улусные и аймачные сходы занимались в основном общественными и хозяйственными вопросами¹⁰.

Положение 1847 г. ограничивало власть нойонов и зайсангов над подвластными калмыками-простолюдинами. При этом всем калмыкам отведены земли в общинное пользование, им разрешалось переходить в казачье сословие, свободно торговать скотом и продуктами животноводства. Нойоны и зайсанги не имели права продавать, дарить и закладывать своих подвластных¹¹.

Кроме управленческих функций Положение 1847 г. описывало размеры налогов и повинностей¹², предусматривало мероприятия по развитию оседлого образа жизни, торговли и земледелия, мероприятия по обеспечению продовольствием, медицинской помощи населению и развития образованности.

С принятием Положения 1847 г. был сделан очередной шаг к превращению Калмыкии в составную часть Астраханской губернии. В целом Положение 1847 г. было направлено на усовершенствование быта и улучшение условий

---

¹⁰ ПСЗ РИ. 2 собрание. Т. 22. № 21144. С.352–353.

¹¹ ПСЗ РИ. 2 собрание. Т. 22. № 21144. С. 349–350.

¹² ПСЗ РИ. 2 собрание. Т. 22. № 21144. С. 354.

жизни калмыцкого народа, установление правового положения сословий, на ускорение интеграции калмыцкого народа в российское общество.

Система управления калмыцкими улусами, закреплённая в Положении 1847 г., просуществовала практически неизменной до революционных событий февраля 1917 г.

V. РЕФОРМА 1892 г. В КАЛМЫКИИ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Реформы Александра II частично затронули Калмыцкую степь. Поэтому установленная в 1847 г. система управления калмыцким народом оставалась без изменений. В связи с тем, что в России прошел ряд реформ и фактически калмыки сблизилась в правовом отношении с населением губернии, возникла необходимость реформ в Калмыкии, особенно в сфере судопроизводства (Maksimov, 2002:202).

Разработка проектов по изменению системы управления калмыцким народом велась как в центральных российских министерствах, так и на месте — астраханской администрацией. Каждый представленный проект содержал в себе предложения по изменению системы управления, налогообложения и осуществления судебной власти. Вопрос о необходимости реформирования управления калмыцким народом был поднят в 1860 г. В Министерство государственных имуществ были представлены проекты астраханского губернатора Б.В. Струве и Главного попечителя калмыцкого народа В.Н. Струкова (Maksimov, Ochirova, 2009:23). В 1863 г. Главным попечителем калмыцкого народа К.И. Костенковым был предложен проект реформирования судебной системы в Калмыкии. Проект был представлен на рассмотрение министру государственных имуществ, директору полиции и астраханскому прокурору. Свои предложения К.И. Костенков вновь озвучил в проекте в 1866 г.

13 января 1867 г. Министерством государственных имуществ была создана Комиссия для рассмотрения подготовленных проектов¹³, а в 1873 г. была создана новая комиссия для подготовки нового Положения по управлению калмыцким народом. Однако все проекты так и не были приняты в силу различных причин. Одной из основных причин была недоработанность проектов и возможная их неэффективность.

16 марта 1892 г. императором было утверждено постановление «Об отмене обязательных отношений между отдельными сословиями калмыцкого народа». По данному постановлению калмыки-простолюдины получали личные права свободных сельских обывателей и были освобождены от обязательных платежей (албана) в пользу нойонов-владельцев и зайсангов. Нойоны получили единовременные выплаты, пропорционально количеству принадлежавших им

---

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 2396. Л. 126.

кибиток, а зайсанги — единовременные выплаты, установленные правительством. Нойоны — владельцы улусов и аймачные зайсанги освобождались от обязанностей по управлению своими улусами и аймаками. Эти обязанности возлагались на улусных попечителей до проведения преобразований в управлении калмыками. Все выплаты (албан), которые ранее получали нойоны и зайсанги, теперь должны были поступать в Министерство государственных имуществ на содержание калмыцкого управления.

Во исполнение закона 1892 г. Главный попечитель калмыцкого народа направил соответствующее предписание в калмыцкую степь (от 27 мая 1892 г. за № 2718). Обязанности по управлению улусом и председательствованию в улусных судах были возложены на улусных попечителей, их помощников и заведующих отдельными частями улусов. Управление аймаками поручались аймачным старшинам, для избрания которых предписывалось созвать аймачные сходы. Списки избранных кандидатов доставлялись в Управление калмыцким народом для утверждения губернатором.

В июне–сентябре 1892 г. были проведены аймачные сходы в калмыцкой степи. На этих сходах были избраны аймачные старшины и по два кандидата для замены в управлении бывших родовых зайсангов. С согласия астраханского губернатора Главный попечитель калмыцкого народа в июле–октябре 1892 г. утвердил в должности более 140 аймачных старшин.

Для аймачных старшин и хотонных старост была издана «Инструкция», по которой на старост возлагались обязанности по выполнению распоряжений улусных попечителей, докладывать ему обо всех происшествиях в улусе, принимать меры к недопущению эпидемий, выдавать удостоверения калмыкам, выезжающим на заработки из улусов, обеспечивать выполнение денежных и натуральных повинностей, содействовать различным должностным лицам. Кроме того, аймачные старшины должны были исполнять некоторые полицейские функции: охранять «благочиние и безопасность лиц и имуществ от преступных действий...»; задерживать бродяг и беглых; не допускать продажи калмыкам алкоголя и т.п. Аймачным старшинам в управлении помогали хотонные старосты.

Таким образом, с середины XIX в. в Калмыкии установилась попечительская система управления. Национальные органы управления были полностью заменены российскими органами власти. Реформа 1892 г. продолжила политику ограничения властных полномочий калмыцкой знати.

В 1897 г. обязанности Главного попечителя калмыцкого народа были возложены на астраханского губернатора. При астраханском губернском правлении было создано Главное управление калмыцким народом, которое представляло собой особую канцелярию губернатора по калмыцким делам, возглавлявшуюся заведующим калмыцким народом. Улусные попечители теперь были подчинены Главному управлению калмыцким народом (Maksimov, 2002:222).

Законом от 23 марта 1902 г. управление калмыками передано из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение Министерства внутренних дел. При этом встал вопрос о реформе административно-территориального устройства. Проект такой реформы был подготовлен к 1910 г., но также не был принят. Предполагалось унифицировать административно-территориальное устройство калмыцкой степи с общероссийским устройством.

Правительство ограничилось укрупнением аймаков и хотонов, проведенным в 1909–1910 гг. Аймаки и хотоны приравнены к волостям и селам. Как отмечал К.Н. Максимов, в основу административной реформы 1910 г., «кроме всего прочего, были положены принципы столыпинской аграрной реформы — окончательный подрыв вековых устоев феодальных отношений, разрушение сельской общины и круговой поруки, курс на развитие экономических отношений (рынка)» (Максимов, 2002:222–223).

По закону 16 марта 1892 г. судебная система в калмыцкой степи не претерпела каких-либо значительных изменений и считалась временной («впредь до преобразования...»)¹⁴.

Еще до реформы 1892 г. была образована полицейская служба в Калмыкии. 19 декабря 1886 г. было принято «Временное положение о полицейской страже в Калмыцкой степи», согласно которому вместо казачьих команд в Калмыкии была введена вольнонаемная полиция¹⁵.

В начале XX в. Российское правительство провело реформирование налогообложения калмыков. 10 июня 1900 г. был принят закон «О замене у калмыков Астраханской губернии кибиточной подати сбором с принадлежащего им скота». Покибиточный сбор отменялся. По данному закону вводился новый налог в расчете с одной головы скота: с верблюда — 75 коп., с лошади и крупного рогатого скота — 40 коп., с мелкого скота — 5 коп., который должны были платить все скотовладельцы «без различия сословий»¹⁶. Перепись скота и исчисление сумм налога проводилось раз в два года.

В целом, итогом проведения реформы 1892 г. было усиление попечительской системы управления и ограничение прав калмыцкого привилегированного сословия. В начале XX в. конкретизированы основные принципы административного управления калмыками, дополнены полномочия отдельных должностных лиц. Однако решение некоторых вопросов правительство отложило и так и не успело провести из-за начавшейся Первой мировой войны и революционных событий 1917 г.

---

¹⁴ ПСЗ-III. Т. XII, № 8429.

¹⁵ ПСЗ-III. Т. IV, № 4110.

¹⁶ ПСЗ-III. Т. XX, № 18791.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование калмыцкого ханства стало закономерным процессом развития социально-экономических и политических отношений в калмыцком обществе. При этом данный процесс имел свои особенности, обусловленные вхождением в состав Российского государства. Первоначально российское правительство не вмешивалось во внутренние дела ханства, но с усилением абсолютизма в России началось наступление на права и привилегии ханов (наместников ханства) и калмыцкой знати. Со второй половины XVIII в. калмыки постепенно стали вливаться в общероссийскую систему государственного управления.

После упразднения Калмыцкого ханства оставшиеся на Волге улусы были подчинены астраханскому губернатору и управлялись своими нойонами как самостоятельные отдельные владения. Небольшой период восстановления Калмыцкого ханства (1800–1803 гг.) не оказал заметного влияния на управление калмыцким народом.

Несколькими нормативными правовыми актами российское правительство ввело институт приставства, а затем институт попечительства, постепенно передав управление калмыцким народом в ведение астраханского губернатора. Мероприятия правительства охватывали не только сферу управления, но и обеспечения продовольствием, организацию здравоохранения и образования. На протяжении XIX века, а особенно во второй его половине, в годы стихийных бедствий, эпидемий государство приходило на помощь калмыкам. Оказывалась материальная поддержка пострадавшим, выделялись средства на продовольствие, давались временные освобождения от податей и повинностей. Важную роль в преодолении последствий стихийных бедствий играл фонд общественного калмыцкого капитала, учрежденный в 30-е годы XIX века. На уменьшение смертности среди калмыцкого населения заметное влияние оказали меры медико-санитарного характера, включавшие оспопрививание, открытие в 1892 году больницы и 4 приемных покоев в Калмыцкой степи, создание в улусах фельдшерской службы.

За рассмотренный трехсотлетний период пребывания калмыков в составе России они постепенно были интегрированы в российское общество. Национальные особенности в управлении постепенно стирались. Институты публичной власти в калмыцком обществе из чисто национальных постепенно эволюционировали и, в конце концов, были заменены на общероссийские.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Bakunin, V.M. (1995), *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgut'skogo, I postupkov ikh khanov I vladel'tsev* [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them Torgout, and the actions of their khans and owners]. 2nd edition. Elista. (in Russian).

- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е издание. Элиста, 1995.
- Batmaev, M.M. (1993), *Kalmyki v XVII–XVIII veke. Sobytiya, ludi, byt.* [Kalmyks in the XVII–XVIII centuries. Events, people, life. In 2 books]. Elista. (in Russian).
- Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста, 1993.
- Bembeyev, V.Sh. (1984), *O rodoplemennyskh delenykh I osobennostykh ulusno-aimachnoy administrativnoy sistemy kalmykov (XVII–XIX)* [About the tribal divisions and features of the umus-aymachny administrative system of the Kalmyks (XVII–XIX centuries)]. *Problemy aetnogeneza kalmykov.* [Problems of the ethnogenesis of the Kalmyks]. Elista. (in Russian).
- Бембеев В.Ш.* О родоплеменных делениях и особенностях улусно-аймачной административной системы калмыков (XVII–XIX вв.) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.
- Bichurin, N. (1991), *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastozshchego vremeni* [Historical review of Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. Elista. (in Russian).
- Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.
- Buhler, F.A. (1846), *kochuyushchie I osedlo zhivushchie v Astrakhanskoj gubernii inorodtsy. Ikh istoriy I nastoyzshchij byt* [Nomadic and settled aliens living in the Astrakhan province. Their history and real life]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. Т. 47–49, (8). (in Russian).
- Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47–49. № 8.
- Vladimirtsov, B.Ya. (1934), *Obschestvennyi stroi mongolov. Mongol'skiy kochevoi feodalizm* [The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad. (in Russian).
- Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Golstunsky, K.F. (1880), *Mongolo-oiratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-khun-taiydzhi I zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi* [Mongol-Oirat laws of 1640, Additional decrees of Galdan-Hun-Taijji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. Sankt-Petersburg. (in Russian).
- Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., Дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб, 1880.
- Efremova, N.N. (2014), *Mestnaya justitsiya v pravovykh traditsiyakh imperskoj Rossii* [Local justice in the legal traditions of imperial Russia]. *Pravovye traditsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Legal Traditions. Liquid readings. Proceedings of the international scientific conference]. Moskow. (in Russian).
- Ефремова Н.Н.* Местная юстиция в правовых традициях имперской России // «Правовые традиции». Жидковские чтения. Материалы международной научной конференции. М., 2014.
- Lesorogol, S.K. (2003), *Transforming institutions among pastoralists: inequality and land privatization* // *American Anthropologist.* (105). 3. (in English).
- Kichikov, M.L. (1994), *Obrazovanie Kalmytskogo khanstva* [Origination of Kalmyk Khanate]. 2nd edition. Elista. (in Russian).

- Кичиков М.Л.* Образование Калмыцкого ханства. 2-е издание. Элиста, 1994.
- Krader, L. (1978), *The Origin of the State among the Nomads of Asia // The Early State*. (32). (in English).
- Maksimov, K.N. (2000), *Istoriya natsional'noyi gosudarstvennosti kalmykov (nachalo XVII–XX veka)* [The history of the national statehood of the Kalmyks (beginning of the XVII–XX centuries)]. Moskow. (in Russian).
- Максимов К.Н.* История национальной государственности калмыков (начало XVII–XX вв.) М, 2000.
- Maksimov, K.N. (2002), *Kalmykiya v natsional'noyi politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVIII–XX)* [Kalmykia in the national policy, the system of government and administration of Russia (XVIII century — XX century)]. Moskow. (in Russian).
- Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVIII в. — XX в.). М., 2002.
- Maksimov, K.N. Ochirova, N.G. and others (ed.). (2009), *Istoriya Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: GU "Ed. house "Gerel", pp. 840. (in Russian).
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2 / редкол. К.Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Элиста: ГУ «Изд. дом «Герел», 2009. 840 с.
- Nemytina, M.V. (2017), *Tsivizatsionno-kul'turnyi podkhod v pravovedenii* [Civilization-cultural approach in legal studies] *Vestnik universiteta O.E. Kutafina (MGUA)* [Bulletin of the University. O.E. Kutafina (MSLA)]. (4). (28–40). (in Russian).
- Немытина М.В.* Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4. С. 31.
- Ocherki istorii Kalmytskoyi ASSR. (1968), [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Elista. (in Russian).
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Элиста, 1968.
- Palmov, N.N. (1992), *Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii* [Essay on the history of the Kalmyk people during their stay in Russia]. 2nd edition. Elista. (in Russian).
- Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е издание. Элиста. 1992.
- Sigalov, K.E. (2018), *Prostranstvennye i temporal'nye osnovaniya osvoeniya pravovoyi tsivilizatsii: pokorenie ili absorbtsiya* [Spatial and temporal basis of the development of legal civilization: the conquest or absorption]. *Vestnik RUDN. Seriya: Juridicheskie nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence]. Vol. 22. № 1. (42–65). (in Russian).
- Сигалов К.Е.* Пространственные и темпоральные основания освоения правовой цивилизации: покорение или абсорбция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.

Сведения об авторе:

Команджаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», докторант кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-4542-8786

Контактная информация:
e-mail: komandzhaev@mail.ru

Для цитирования:

Команджаев Е.А. Институты публичной власти в Калмыкии в XVII — начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2019. Т. 23 № 2. С. 219–243. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243.

Дата поступления в редакцию: 07 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

**INSTITUTES OF PUBLIC AUTHORITY IN KALMYKIA
IN THE 17TH — EARLY 20TH CENTURIES FROM THE PERSPECTIVE
OF CIVILIZATION AND CULTURAL APPROACH**

Evgeniy A. Komandzhaev

Kalmyk State University B.B. Gorodovikova
11, Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 3580008

In order to more clearly present the processes, which taking place in Russian society, for a clearer assessment of the situation of national republics within the Russian Federation, it is necessary to turn to the historical and legal development of separate nations within Russia. Changes in the system of government of Russia, the emergence of new socio-economic, political, spiritual and cultural problems necessitate the development of new forms of cooperation between the regions and the federal center. The search for a better model of state administration of the regions pay our attention to the historical and legal development of public administration institutions in Kalmykia in the 17th–19th centuries.

In this regard, we can turn to the experience of the development of Kalmyk society within Russia, namely the development of institutions of public authority and management of Kalmyk society. Since the formation of the Kalmyk Khanate within Russia, the central government practically did not interfere in the internal affairs of the Khanate. Gradually, the Russian government began to intervene in the choice of the head of the Khanate, in the settlement of disputes between the nobility. Further, Russian government officials appear in the Kalmyk steppe, submitting to central and local government bodies. As a result by the middle of the XIX century, a system of bailiffs was formed, and then the system of guardianship by the Kalmyk people, which practically eliminated national governance, transferring the functions of exercising public authority to the Russian authorities.

At the same time, the Russian government adopted several regulatory legal acts aimed at improving public administration of the Kalmyk society. In addition, ministry officials and the administration of the Astrakhan province developed a number of projects to reform the management system, taxation and judicial system in the Kalmyk steppe, which were never accepted for various reasons, but which were important for improving the management of the Kalmyk society. A number of projects were developed in connection with reforms in Russia in the 60s–70s of the 19th century and therefore, changes were needed to manage the Kalmyk people.

The implementation of reforms, among other things, interfered with the dependence of common Kalmyks on noyons and zaisangs, which was abolished only in 1892. This reform freed noyons from managing ulus, and zaisang from managing aimags. In addition, taxation of the Kalmyk people was reorganized, which continued into the beginning of the 20th century. Subordinating Kalmykia to the Ministry

of the Interior in 1902, the government reorganized the administrative-territorial structure, but further transformations in Kalmyk society were suspended by the world war and the revolutionary events of 1917.

Key words: public authorities, Kalmyk society, Kalmyk khanate, management system, management reforms, guardianship system

Information about the author:

Evgeniy A. Komandzhaev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova, doctoral candidate of the Department of History of Law and State, Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russian

ORCID ID: 0000-0002-4542-8786

Contact information:

e-mail: komandzhaev@mail.ru

For citation:

Komandzhaev, E.A. (2019), Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th — early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 219–243. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243.

Article received May 07, 2019

Article accepted May 30, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-244-263

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В АРКТИКЕ

Л.В. Бертовский, Л.Р. Клебанов

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Статья рассматривает актуальные проблемы уголовно-правового и криминалистического характера, с которым сталкиваются правоохранительные органы в Арктике. Успешное освоение арктического региона невозможно без эффективного противодействия преступности, на состояние которой влияют особые климатические, географические, этнические, социальные, правовые и иные факторы. Эти обстоятельства существенно затрудняют борьбу с преступностью в Арктике, учитывая малонаселенность этого региона, удаленность многих населенных пунктов от органов власти, злоупотребление алкоголем коренными жителями Арктики, негативное воздействие сурового арктического климата на психическое здоровье лиц, проживающих и работающих в этом регионе. Арктика, являясь одним из наиболее богатых ресурсных регионов в мире, становится ареной соперничества арктических государств. В этих условиях поддержание правопорядка в российской арктической юрисдикции представляется принципиально важной задачей.

В статье рассматривается правовой режим Арктики, дается характеристика природно-экономическому положению региона. Авторы приводят структуру преступности, которая фиксируется на данной территории и анализируют составы преступлений, совершаемых в Арктике. Особое внимание уделяется анализу экологических преступлений, совершаемых в Арктике, учитывая богатство животного мира и окружающей среды в регионе. В статье подробно исследуются проблемы криминалистического обеспечения правоохранительных органов в Арктике и, в частности, вопросы криминалистических методик расследования преступлений, использования новинок криминалистической техники, взаимодействия сотрудников органов дознания и предварительного следствия при производстве следственных действий, с учетом удаленности арктических архипелагов от материков.

Статья основывается на широком фактическом, научно-теоретическом и нормативном материале о преступности в различных арктических юрисдикциях (США, Канады, скандинавских стран). В ней впервые представлено изучение комплексных проблем противодействия преступности в Арктике. В ходе статьи авторы делают вывод о том, что преступность в Арктике представляет собой особый вид преступности — преступности «мерзлоты». Этот вид преступности, обусловленный особыми географическими и климатическими факторами, требует дальнейшего изучения с тем, чтобы успешно бороться с преступлениями в данном регионе.

Ключевые слова: Арктика, правоохранительные органы, уголовное право, криминалистика, преступность, экологические преступления

I. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к Арктике, который наблюдается в последнее время, обусловлен, прежде всего, природными ресурсами, которыми богат этот регион. Так, по оценкам специалистов, под льдами Арктики залегают около 83 млрд баррелей нефти (13% от мировых неразведанных запасов), 48,3 трлн кубометров природного газа (30% мировых неразведанных запасов), 44 млрд баррелей газоконденсата (20% мировых неразведанных запасов). При этом 84% ресурсов находятся на шельфе Северного Ледовитого океана и лишь 16% на сухопутной территории арктических государств в пределах Северного полярного круга¹. На территории Арктики, несмотря на суровые климатические условия, существует разнообразная флора и фауна, включая редких и даже исчезающих ее представителей. Сегодня Арктика является пристанищем для белых медведей, морских котиков, северных оленей. В Арктике говорят на 40 автохтонных языках, при этом носителями некоторых из них являются всего один или два человека².

II. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА АРКТИКИ

Исторически сложилось так, что Арктика разделена на пять секторов между Россией, США, Канадой, Данией (Гренландией) и Норвегией, что юридически было оформлено международным соглашением еще в 20–30-х годах двадцатого столетия. Одним из первых отечественных документов, определяющих статус земель и островов в советской Арктике, было постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», которое закрепило секторальное деление Арктики. Водная граница прошла тогда от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива.

Принадлежность России этих территорий официально не оспаривается ни одной из арктических стран. Однако все вышеназванные документы касались исключительно островов в Северном Ледовитом океане. Это объясняется тем, что до недавнего времени не было особого интереса к водным пространствам Арктики как в силу достаточности континентальных ресурсов, так и в силу научно-технического уровня развития, не позволяющего осваивать ресурсы и транспортные магистрали Арктики, поэтому границы полярных владений не вносили ограничений в свободу международного судоходства за пределами территориальных вод СССР.

---

¹ См.: Международно-правовой статус Арктики: досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/895685> (дата обращения: 25.03.2019).

² См.: Crimes against Future Generations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldfuturecouncil.org/crimes-against-future-generations/#toggle-id-1> (дата обращения: 25.02.2019).

В настоящее время правовой режим Арктики базируется на нормах международного права и национального законодательства арктических государств (Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии, Швеции), хотя международного договора, определяющего правовой статус Арктики, как отмечалось, в настоящее время не существует (Valeev, 2010). Тем не менее, нормативно-правовая база (только на международном уровне) весьма обширна и насчитывает десятки различных документов (Dubovik, 2018:217–221).

Противоречивость «арктической» правовой базы по отношению к разграничению соответствующих территорий заключается в том, что, с одной стороны, Конвенция 1982 года морскому праву формально не отменяет секторального принципа определения статуса территорий в Арктике, но с другой — она предусматривает 200-мильную линию континентального шельфа. В результате между государствами, претендующими на ресурсы Арктики, стоит непростая задача определения внешних границ континентального шельфа в Северном ледовитом океане и размежевания морских пространств государств в районах их соприкосновения. То, что в настоящее время происходит в верхах всего мира, можно сравнить с «золотой лихорадкой» на Клондайке, когда каждая из противоборствующих сторон стремится застолбить свои участки (Larchenko 2011, 11:3).

В настоящее время, согласно Указам Президента РФ № 296 от 02.05.2014 и № 287 от 27.06.2017, к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ) относятся: 1. Территория Мурманской области; 2. Территория Ненецкого автономного округа; 3. Территория Чукотского автономного округа; 4. Территория Ямало-Ненецкого автономного округа; 4.1. Территории муниципальных образований «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» (Республика Карелия); 5. Территория муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми); 6. Территории Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия)); 7. Территории городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край); 8. Территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область); 9. Земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск образуют Архангельско-Северодвинскую городскую агломерацию — «Большой Архангельск», в ко-

тором проживает более 576 тысяч человек, или почти пятая часть от всего населения Российской Арктики.

III. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Арктическая зона Российской Федерации своими природно-экономическими, демографическими и иными условиями значительно отличается от других регионов Российской Федерации, имея свои отличительные черты: экстремальные природно-климатические условия, включая постоянный ледовый покров или дрейфующие льды в арктических морях; очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения (1–2 чел. на 10 км²); удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России; низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий. уязвимость природы от техногенных чрезвычайных ситуаций (ЧС) и производственной деятельности человека.

В среднем на территории АЗРФ происходит в год до 100 чрезвычайных ситуаций техногенного и природно-техногенного характера. В целом отмечается устойчивый рост количества ЧС техногенного характера, среди которых в разные годы доминировали: транспортные аварии — 25–32%; взрывы и пожары технологического оборудования — 18–39%; обрушения и пожары жилых и административных зданий — 21–39%; аварии с выбросом токсичных веществ — 8–12%; аварии на коммунальных сетях и системах жизнеобеспечения — 7–15%; аварии на трубопроводах — 4–8%³.

К факторам, отрицательно влияющим на организм жителей Арктики, относятся недостаточная солнечная радиация, холод, необычный фотопериодизм (недостаток или избыток света), усиленный ветровой режим, повышенная влажность воздуха в теплый и переходный периоды года, пониженная влажность воздуха в атмосфере и в помещениях в морозные дни, неустойчивая и повышенная геомагнитная напряженность, повышенные радиация и электромагнитный фон, не всегда доброкачественная питьевая вода, почти всегда нездоровая пища, социальная напряженность, тяжелая экологическая обстановка в некоторых населенных пунктах, вредные или опасные условия труда на ряде производств, напряженные графики работы при некоторых видах труда (вахтовый

---

³ Арктика без опасности. Система дистанционного обучения для подготовки спасателей к действиям в условиях Арктической зоны. (2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://arctica.igps.ru> (дата обращения: 11.02.2019).

труд), недостаточная инфраструктура в местах проживания, невысокий уровень медицинского обслуживания или его недоступность, ограниченность перемещения и общения людей, монотонность обстановки, широкое распространение вредных привычек и др.

Специалисты обозначают ряд факторов, негативно влияющих на состояние окружающей среды в Арктике, в настоящее время: это, в частности, неопределенный правовой статус Арктики, усиление антропогенного воздействия на природную среду, интенсивный браконьерский промысел и несовершенство законодательства (Maltsev, Nadtochy 2015, 17:150). Еще более подробно угрозы и риски устойчивому развитию Арктической зоны Российской Федерации изложены в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года⁴.

IV. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИКИ, И ОСОБЕННОСТИ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Совершенно очевидно, что успешное освоение Арктического региона, основанное на соблюдении баланса экономических интересов с одной стороны и сохранности экосистемы Арктики и ее автохтонного населения с другой стороны требуют надежной защиты благ личности, общества и государства всеми необходимыми средствами, включая средства уголовной юстиции. Следовательно, одной из первоочередных задач становится борьба с преступностью в этом регионе, что, в свою очередь, требует уголовно-правового анализа соответствующих преступлений и криминалистического обеспечения их расследования с учетом климатических, географических, логистических и иных особенностей Арктики.

Указанные выше отличительные климатические, географические, правовые АЗРФ, психологические свойства жителей и иные особенности находятся в корреляционной связи с видами преступлений, исследуемых в уголовно-процессуальном режиме на территории рассматриваемых административных единиц. Можно утверждать, что мы сталкиваемся с особой категорией преступных деяний — «преступлениями мерзлоты», «преступлениями на морозных континентах» (“fridged crimes”, “crimes on the frozen continent”)⁵. Как справедливо отмечает Н.С. Куделькин, «арктическая зона РФ может выступать в каче-

---

⁴ См.: Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 25.02.2019).

⁵ См.: Crime in Cold Places: A Geographic Review [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dartmouth.edu/~gjdemko/cold.htm> (дата обращения: 02.03.2019); Caroline Haskins An Attempted Murder at a Research Station Shows How Crimes Are Prosecuted in Antarctica [Электронный ресурс]. URL: https://motherboard.vice.com/en_us/article/xw9bg3/an-attempted-murder-at-a-research-station-shows-how-crimes-are-prosecuted-in-antarctica (дата обращения: 21.02.2019).

стве места совершения противоправных деяний, а ее природные компоненты — в качестве предмета преступных посягательств» (Kudelkin 2018, 9:92).

Если приводить данные российской уголовной статистики, то вызывают интерес данные о деятельности военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по гарнизону Северодвинск (с основным местом дислокации в г. Северодвинске Архангельской области). Он расположен на побережье Белого моря и осуществляет функции уголовного преследования, в том числе на Новой Земле и на Земле Франца Иосифа — архипелагах, находящихся в Северном Ледовитом океане. Так, в 2017 году отделом возбуждено и расследовано 2 уголовных дела (по составам: ч. 1 ст. 112 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ), совершенных на территории архипелага Новая Земля, которые направлены в суд в порядке ст. 446.2 УПК РФ (для назначения судебного штрафа). В 2018 году отделом возбуждено и расследовано уже 6 уголовных дел (по составам: ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 3 ст. 327 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ — 2 преступления), совершенных на территории архипелага Новая Земля, из которых направлено в суд с обвинительным заключением — 1, направлено в суд в порядке ст. 446.2 УПК РФ (для назначения судебного штрафа) — 4, прекращено — 1. В настоящее время отделом расследуется 1 уголовное дело о преступлении, совершенном на архипелаге⁶.

Если говорить о преступлениях, наиболее часто совершаемых в этом регионе и не всегда отражаемых в официальных статистических учетах, то анализ различных эмпирических источников, в т.ч., и зарубежных, позволяет выделить следующие деяния.

Экологические преступления. Эти деяния, по понятным причинам, составляют наиболее опасную группу преступлений, учитывая тот вред, который они могут причинить. По мнению такой организации, как World Future Council (Совет по мировому будущему), одним из «преступлений против будущих поколений» называет проведение буровых работ в Арктике для добычи нефти и газа⁷ (правда, не очень понятно, считаются ли «преступными» всякие работы или только те, что нарушают закон — Л.Б., Л.К.). Подобного рода работы чреваты загрязнением воды, почвы, воздуха, что, в свою очередь, приведет к полной или частичной гибели растительного и животного мира. Среди таких экологических преступлений мы можем выделить, прежде всего, деяния, предусмотренные статьями 250–252, 254 УК РФ (Kudelkin, 2018:91–97).

Угроза загрязнения вод или морской среды во время добычи нефти и газа более чем реальна, и мировая экосистема уже неоднократно переживала подобные события. Среди десяти самых масштабных случаев разлива нефти —

---

⁶ См.: Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 29.03.2019).

⁷ См.: Crimes against Future Generations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldfuturecouncil.org/crimes-against-future-generations/#toggle-id-1> (Accessed: 25 February 2019).

разлив нефти в Мексиканском заливе, когда на нефтяной платформе «Deerwater Horizon», принадлежавшей компании BP, произошел мощный взрыв, унесший жизни 11 человек. В океан вытекло почти 5 млн баррелей нефти, а окружающей среде, животному и растительному миру был причинен существенный вред⁸.

В Арктике часты случаи незаконного отстрела диких животных, включая тех, что внесены в Красную книгу. Так, на острове Вайгач были обнаружены останки двух белых медведей, застреленных в грудь и в голову браконьерами, которые преследовали зверей на снегоходах⁹. Несколько лет назад двое браконьеров были задержаны и заключены под стражу (опять же на острове Вайгач) за отстрел белого медведя, шкуру которого они обменяли на бензин. Эксперты из организации WWF утверждают, что ежегодно на острове убивают от 10 до 15 белых медведей. Их шкуры затем продают в Москву и Санкт-Петербург через Нарьян-Мар и Воркуту. Окончательная цена шкуры животного составляет 1,5–2 млн рублей¹⁰. В 2017 году на острове Вилькицкого в Карском море экспедиция Русского географического общества и инспекторы заповедника обнаружили шкуру белого медведя, который, судя по всему, был убит совсем недавно. По версии следствия, медведя застрелили представители коренных малочисленных народов из корыстных побуждений, правда, сам подозреваемый отрицал свою вину в корыстной добыче и утверждал, что вынужден был застрелить зверя, обороняясь от него¹¹. В этой связи возникает вопрос и о таком обстоятельстве, как крайняя необходимость, когда человеку, чтобы спастись от «краснокнижного» хищника, приходится убивать его.

Следует иметь в виду, что одной из особенностей жизни и быта на данных архипелагах является непосредственная близость к животному миру. В отсутствие специальных заградительных систем частыми «гостями» жилых поселков являются песцы, лемминги, северные олени и, конечно, крупнейшие сухопутные хищники планеты белые медведи, находящиеся под охраной государства.

Кроме того, отдельное указание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 напоминает судам о том, что при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 258.1 УК РФ, следует иметь в виду, что добыча и оборот водных биологических ресурсов (их частей и производ-

---

⁸ См.: 10 largest oil spills in history [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/australiaandthepacific/newzealand/8812598/10-largest-oil-spills-in-history.html> (дата обращения: 05.03.2019).

⁹ См.: Two polar bears found shot by poachers in remote Vaigach island in Arctic [Электронный ресурс]. URL: <https://siberiantimes.com/ecology/casestudy/features/two-polar-bears-found-shot-by-poachers-in-remote-vaigach-island-in-arctic/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁰ См.: Polar bear slaughtered for 50 litres of gasoline [Электронный ресурс]. URL: <https://siberiantimes.com/ecology/casestudy/news/n0687-polar-bear-slaughtered-for-50-litres-of-gasoline/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹¹ Подозреваемые в убийстве белого медведя в ЯНАО начали давать показания (2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2017-05-17/podozrevaemye_v_ubiystvye_belogo_medvedya_v_yanao_nachali_davat_pokazaniya (дата обращения: 07.03.2019).

ных), принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, *допускаются* (выделено нами — Л.Б., Л.К.) только в исключительных случаях, предусмотренных нормами экологического законодательства (например, в целях сохранения водных биологических ресурсов, осуществления мониторинга состояния их популяции, осуществления их искусственного воспроизводства или акклиматизации, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации), на основании разрешений (распорядительных лицензий), полученных в установленном порядке, и с соблюдением предусмотренных в них условий¹². Аналогичное указание дает Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21 о том, что при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных пунктом «в» части первой статьи 258 УК РФ и статьей 258.1 УК РФ, судам необходимо иметь в виду, что охота в отношении диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, оборот таких животных (включая их части и производные), *допускаются* (выделено нами — Л.Б., Л.К.) только в исключительных случаях, предусмотренных нормами экологического законодательства (например, в целях сохранения объектов животного мира, осуществления мониторинга состояния их популяции, регулирования их численности, охраны здоровья населения, устранения угрозы для жизни человека, предохранения от массовых заболеваний сельскохозяйственных и других домашних животных, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации), на основании разрешений (распорядительных лицензий), полученных в установленном порядке, и с соблюдением предусмотренных в них условий¹³.

Вышеуказанные преступления теперь подпадают под действие статьи 258.1 УК РФ. В рамках данной статьи УК РФ устанавливается ответственность за перечисленные в диспозиции действия и в отношении частей и дериватов добываемых животных и водных биологических ресурсов. К частям животных, относятся, среди прочего, и их шкуры¹⁴.

---

¹² См.: Пункт 10.3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 N 26 «О некоторых вопросах применения судами об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // БВС РФ. N 1. 2011.

¹³ См.: Пункт 13.1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // БВС РФ. 2012. № 12.

¹⁴ См.: Пункт 13.3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и

Иные экологические преступления, которые посягают на сохранность природных компонентов Арктики, могут квалифицироваться по статьям 256, 258 УК РФ. Например, 23 октября 2015 года государственными инспекторами в области охраны окружающей среды в акватории Мечигменской губы (национальный парк «Берингия») были обнаружены трупы тихоокеанских моржей. У девяти туш были отрезаны головы. Судя по всему, смерть животных наступила от огнестрельных ранений¹⁵.

Преступления против жизни и здоровья. Около 37% женщин, живущих в американских и канадских арктических юрисдикциях, сталкивались с т.н. домашним насилием. В силу удаленности некоторых «глухих» поселений на этих территориях от цивилизации правоохранительные службы могут добираться туда от нескольких часов до нескольких дней, что усиливает чувство безнаказанности преступников. Мать 13-летней Макензи Ховард, которую нашли забитой до смерти у входа в церковь в деревне Каке (одна из самых отдаленных деревень на Аляске), сказала: «Люди и в самом деле не боятся закона здесь». Огромна на этих территориях процент т.н. «пьяной» преступности — Канадская королевская конная полиция утверждает, что алкоголь становится причиной преступлений в 95 процентах случаев насилия в семье¹⁶.

Сотрудникам правоохранительных органов и суда при расследовании уголовных дел и при рассмотрении их в судах необходимо будет учитывать эмоциональное и психофизиологическое состояния лиц, совершивших преступления в условиях столь сурового климата. Например, связь зимних депрессий с различными аномалиями личности явилась в свое время темой специального исследования ученых Норвегии. В ряду конституциональных свойств, присутствующих пациентам с сезонной депрессией, выделяется особый аффективный темперамент, обуславливающий уязвимость не только к воздействию средовых, соматогенных, медикаментозных факторов, но и к смене времени года и географической широты местопребывания¹⁷. Давно замечено, что депрессии чаще формируются на территориях, где выявляется дефицит солнечного света в зимние месяцы. Особенно значимой эта причина признается в генезе коллективных депрессий, связанных с климатом и тяжелыми условиями полярной ночи, так называемых арктической депрессии и эпидемии самоубийств у эскимосов. Уро-

---

природопользования» // БВС РФ. 2012. № 12.

¹⁵ См.: Официальный сайт «Национальный парк Берингия». На территории парка найдены обезглавленные туши тихоокеанских моржей [Электронный ресурс]. URL: http://www.park-beringia.ru/beringia/news/257/?sphrase_id=71 (дата обращения: 06.03.2019)

¹⁶ См.: Melanie McGraith “Why the US and Canadian Arctic is one of the worlds' most dangerous places to be a woman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-2737814/Why-US-Canadian-Arctic-one-worlds-dangerous-places-woman.html> (дата обращения: 01.03.2019)

¹⁷ Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения Российской Арктики. ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/revich01/oon> (дата обращения: 22.02.2019)

вень самоубийств среди коренных народов Арктики самый высокий в мире, хотя, справедливости ради, следует отметить, что специалисты видят причины высокой суицидальности этих народов не только в суровой природно-климатической реальности этого региона. Например, Michael Kral среди факторов, влияющих на высокий уровень самоубийств среди коренных народов Арктики, называет, *inter alia*, колонизацию, выселение, духовное оскудение, разрыв социальных связей (Kral, 2016, 61:688–695). Такие негативные факторы, по понятным причинам, могут влиять на различные этнические и национальные группы по всему миру (например, экспансия белых колонистов на исконные территории североамериканских индейцев влекла, на первых порах, аналогичное разрушительное воздействие), и, тем не менее, экстремальные климатические условия Арктики существенно усугубляют негативное воздействие социальных факторов на обитателей этого региона, и не только из числа коренных народов.

Так, после совершенного 9 октября 2018 года преступления на исследовательской российской станции в Антарктике, когда один из «полярников», находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, нанес несколько ножевых ранений другому, обозреватель газеты *Motherboard* отметила, что антарктические станции притягивают к себе причудливых восторженных людей, однако, находясь в самой сложной точке мира, их ранимая психика толкает их на разные опасные поступки¹⁸. По понятным причинам, сложные климатические и погодные условия в Арктике, влияющие на психосоматическое состояние лица, совершившего преступление, могут учитываться в качестве смягчающих обстоятельств.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Американские и канадские исследователи утверждают, что та часть Арктики, которая находится под юрисдикцией США и Канады, является наиболее криминогенным районом по части так называемых половых преступлений, совершаемых в отношении женщин. Число преступлений, связанных с сексуальным насилием, в этом штате США в 12 раз превышает число этих же преступлений, совершенных в США, в целом. Число изнасилований — в четыре раза. По понятным причинам и эта статистика не отражает реальной картины преступности: например, правительство Канады признает, что от всего числа случаев домашнего насилия, совершенных в отношении женщин на территории арктической провинции Nunavut, регистрируется не более 29 процентов. В таких условиях усугубляется проблема множественности преступлений, совершаемых одним и тем же преступником. Так, 19-летняя жительница деревни Emmotak подверглась изнасилованию со стороны лица, который ранее уже со-

---

¹⁸ См.: Caroline Haskins “An Attempted Murder at a Research Station Shows How Crimes Are Prosecuted in Antarctica” [Электронный ресурс]. URL: https://motherboard.vice.com/en_us/article/xw9bg3/an-attempted-murder-at-a-research-station-shows-how-crimes-are-prosecuted-in-antarctica (дата обращения: 21.02.2019)

вершал насильственные половые сношения с пятью другими потерпевшими, однако ни одна из этих пяти женщин не сообщила в полицию о случившемся. К сожалению, такому несообщению способствуют некоторые местные обычаи — о сексуальном насилии здесь предпочитают не говорить¹⁹.

Торговля людьми. В условиях безденежья, отсутствия работы и каких-либо перспектив появляется спрос на «живой товар». Известны случаи, когда молодых девушек из арктических канадских провинций с целью сексуальной эксплуатации вывозят на юг, причем продают их иногда даже собственные родители за сумму, не превышающую 20 тысяч канадских долларов²⁰. Этот же вид преступного бизнеса в Арктике, контролируемый организованной преступностью, называют и датские специалисты. Несмотря на то, что специальное подразделение по борьбе с торговлей людьми действует в Евро-Арктическом регионе в рамках Евро-Арктического сотрудничества (в это подразделение входят представители Швеции, Норвегии, Финляндии и России) с 2005 года, очень малое количество дел об этих преступлениях были переданы в суды²¹.

Указанные уголовно-правовые, природно-экономические, демографические и иные особенности влекут за собой необходимость их учета при определении уголовно-процессуальных нормативов, а также при криминалистическом обеспечении предварительного расследования преступлений, совершаемых на территории АЗРФ.

В первую очередь это касается необходимости проведения исследований и подготовке методик расследования преступлений, совершенных в АЗРФ. Следует отметить, что на сегодняшний день субъекты поисково-познавательной деятельности в большинстве случаев обладают достаточным объемом методического обеспечения для организации расследования преступлений. Однако методики расследования преступлений, совершенных в условиях средней полосы Российской Федерации, не всегда адекватно работают в условиях Арктики.

По мнению профессора Р.С. Белкина, «криминалистическая методика должна быть рассчитана на ее *адаптацию применительно к конкретным условиям расследования*. Это требует при ее разработке учета типичных следственных ситуаций, формулирования типичных версий, определения круга типичных доказательств и ориентиров для установления виновного» (Belkin, 1987:105–107).

По мнению Н.А. Селиванова, «методика расследования — это обусловленная предметом доказывания, система взаимосвязанных и взаимообуслов-

---

¹⁹ См.: Melanie McGrath “Why the US and Canadian Arctic is one of the worlds' most dangerous places to be a woman” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-2737814/Why-US-Canadian-Arctic-one-worlds-dangerous-places-woman.html> (дата обращения: 01.03.2019).

²⁰ См.: Melanie McGrath “Why the US and Canadian Arctic is one of the worlds' most dangerous places to be a woman” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-2737814/Why-US-Canadian-Arctic-one-worlds-dangerous-places-woman.html> (дата обращения: 01.03.2019).

²¹ См.: Organized Crime in the Arctic [Электронный ресурс]. URL: <https://arcticportal.org/yar-features/138-organized-crime-in-the-arctic> (дата обращения: 25.02.2019).

ленных следственных действий, осуществляемых в наилучшей последовательности, для установления всех необходимых обстоятельств дела и доказывания, на основе планирования и следственных версий, с учетом типичных способов совершения преступлений данного вида и характерных для их расследования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств» (Selivanov, 1976, 5:61).

Таким образом, в приведенном определении также подчеркивается тесная связь методики расследования с особенностями совершения преступлений. На это обстоятельство указывают И.Ф. Крылов (Krylov, 1976:436), В.А. Образцов (Obraztsov 1979, 31:112) и другие.

Такой подход к определению методики расследования представляется вполне оправданным.

Следственная практика свидетельствует, что следы преступления, механизм их образования, на основе которых разрабатывается система научных положений и методических рекомендаций расследования, непосредственно связаны с особенностью способов совершения, личностью виновного, мотивами преступлений и другими обстоятельствами совершения уголовно-наказуемого деяния.

Проблема классификации преступлений в криминалистике издавна привлекала внимание ученых. Однако наиболее активно и целенаправленно ее разработка началась в конце 60-х — начале 70-х годов XX столетия. Именно тогда и были заложены основы теории криминалистической классификации преступлений и их использование при конструировании методик расследования. Значительный вклад в эту область научного знания внесли И.Ф. Герасимов (Gerasimov, 1975:7), Р.С. Белкин (Belkin, 1977:233), А.Н. Колесниченко (Kolesnichenko, 1973:8, 1976:14), А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков (Vasiliev, Jablokov, 1971:425), В.А. Образцов (Obraztsov, 1980:90–98) и ряд других видных ученых. Ими, их учениками и последователями были предложены различные варианты указанных классификаций, осуществленные как по криминалистически значимым признакам самих преступлений, так и по другим, существенным для научно-исследовательской и следственной практики основаниям (Bertovsky, Samelyk 2018:63).

В теории криминалистики разработана концепция типологии методик расследования, к числу которых относятся не только методики расследования отдельных видов и разновидностей преступления (частные методики), но и методики решения типичных следственных задач, а также методики расследования определенных групп криминалистически сходных видов преступлений (общие методики) (Obraztsov, 1992, 31:11–12).

«Проблема разработки и развития общих методик расследования, — подчеркивают упомянутые специалисты, — важность их в теоретическом и практическом плане подчеркивают в своих работах известные ученые-криминалисты В.С. Бурданова, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, И.Ф. Герасимов,

Г.А. Густов, И.Ф. Крылов, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков, В.Б. Ястребов и другие» (Korshunova, Stepanova, 2004:13).

Все эти работы связаны с изучением тех или иных групп сходных видов преступлений. Понятием «группа криминалистически сходных видов преступлений» охватываются различные по объему и содержанию подмножества преступлений. В их круг входят определенные криминалистически сходные уголовно-правовые рода преступлений (например, «воинские преступления»), отдельные группы криминалистически сходных видов преступлений, выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовых родов, а также криминалистической классификации всей совокупности преступлений.

Одна из основных задач изучения и классификации данных объектов — разработка общих положений (принципов) выявления, раскрытия и расследования различных по уголовно-правовой квалификации преступлений, входящих в соответствующую группу (Obraztsov, 1988:166–176).

Как и любое иное множество, группы криминалистически сходных видов преступлений могут быть классифицированы по различным основаниям. Так, по мнению В.И. Рохлина, в основу классификации могут быть положены мотивы преступлений (корыстные и иные), формы вины (умышленные и неосторожные) (Rohlin, 1992:26).

Однако совершенно очевидно, что расследование преступлений, совершенных в АЗРФ, имеет свои, только им присущие, схожие криминалистические черты, определяемые вышеуказанными природно-экономическими, демографическими и иными особенностями Арктики.

К таким особенностям следует отнести запоздалые сообщения о совершенном, совершаемом или подготавливаемом преступлении, отсутствие очевидцев совершенного преступления, наличие дружеских и родственных связей между подозреваемым, потерпевшим и свидетелями, сложности в обеспечении следственных действий соответствующей криминалистической техникой, проблемы ее применения в условиях низких температур, отсутствие достаточного количества экспертных учреждений и специалистов и др.

Поэтому правомерно поставить вопрос о создании методик расследования преступлений, в основу криминалистической классификации которых положить климатические факторы, оказывающие влияние как на совершение, так и на расследование преступлений, относящихся к различным уголовно-правовым родам и видам.

Не менее важным для расследования преступлений в АЗРФ является оснащение следственных подразделений современными передвижными криминалистическими лабораториями, размещенными на различных платформах, в т.ч. и на вездеходах и вертолетах, судах ледокольного флота, а также разработка криминалистической техники, предназначенной для работы в условиях низких температур, с увеличенным временем работы на автономном питании,

с возможностью обмена данными с базовыми станциями, используя спутниковую связь.

Кроме того, одной из проблем, возникающих перед субъектами поисково-познавательной деятельности, расследующих преступления в условиях АЗРФ, является отсутствие стабильно работающей системы позиционирования. С учетом больших расстояний между населенными пунктами и отсутствием очевидных ориентиров это, в ряде случаев, становится серьезным препятствием в организации расследования, обнаружении лиц, совершивших преступление, проведении следственных действий и пр.

Во всех этих случаях важна точная навигация в Арктике, и это особенно важно при авариях и техногенных катастрофах, которые могут случиться и из-за сложности спасательных операций в случае чрезвычайных ситуаций.

Меры для повышения точности GPS в Арктике предпринимаются. Так, к 2025 году планируется запустить пять космических аппаратов в рамках реализации программы «Арктика» для дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). В 2019 году будет запущен первый аппарат, а через два года — второй. Еще по одному аппарату запустят в 2023, 2024 и 2025 годах. «Арктика» — это спутниковая система на высокоэллиптических орбитах, предназначенная в том числе для информационного обеспечения мониторинга климата и окружающей среды в Арктической зоне. Два спутника должны будут обеспечить мониторинг поверхности Земли, морей Северного Ледовитого океана, постоянную связь и другие телекоммуникационные услуги.

В практике правоохранительных органов есть успешные случаи использования спутниковых систем в целях раскрытия и расследования преступлений. Поэтому уже сейчас можно было бы разработать техническое задание и оснастить планируемые к запуску спутники аппаратурой, способной решать криминалистические задачи.

Разумеется, что в арктической зоне возникают трудности при соблюдении процессуальной процедуры тех или иных следственных действий. Например, основной проблемой, с которой приходится сталкиваться следователям упомянутого выше военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по гарнизону Северодвинск, является отсутствие на архипелаге Новая Земля адвокатов. В этой связи непосредственная работа с подозреваемыми (обвиняемыми) производится следователями, как правило, по месту дислокации отдела в г. Северодвинске либо путем обеспечения прибытия на архипелаг адвоката, что зачастую является проблематичным ввиду режимности территории и немалой стоимости авиаперелета. Все необходимые экспертизы и исследования по уголовным делам и доследственным проверкам выполняются также на «большой земле» ввиду отсутствия соответствующих экспертных подразделений и необходимых специалистов на месте. При этом, как известно, общая площадь архипелага Новая Земля составляет 83 000 кв. км, население — чуть более 3,5 тыс. человек, а удаленность от материка около 1400 км. Основ-

ным населенным пунктом на архипелаге и местом дислокации Центрального ядерного полигона Российской Федерации является пос. Белушья Губа. Там же в одном из зданий находится следственный кабинет военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по гарнизону Северодвинск. В связи с суровым арктическим климатом, наличием шквальных ветров и большим количеством осадков сообщение с архипелагом осуществляется самолетами военно-транспортной (ИЛ-76 и АН-26) и гражданской авиации (ИЛ-18) в зависимости от погодных условий. При этом длительность перелета составляет не менее 2,5 часов. Следователям отдела приходится, в необходимых случаях, прибывать на архипелаг для выполнения тех или иных следственных и процессуальных действий по находящимся в производстве уголовным делам. Ввиду отсутствия на Новой Земле соответствующих специалистов, экспертов, сотрудников криминалистических подразделений следователи отдела, командированные на архипелаг, обладают высоким уровнем профессиональной подготовки и постоянно совершенствуют свои теоретические знания и практические навыки в целях успешного выполнения поставленных задач в условиях отдаленной местности. При этом в 2017–2019 годах в командировки на архипелаг Новая Земля следователи отдела убывали лишь дважды. В остальных случаях необходимые следственные действия на архипелаге выполнялись органами дознания по поручениям следователей²².

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие АЗРФ требуют разнонаправленных²³ усилий социального, политического, экономического, правового характера. Учитывая климатическо-географические, ресурсные, национально-демографические и иные особенности региона, особую роль в поступательном развитии российской Арктики имеет противодействие преступности на арктических территориях.

На примере Арктической зоны Российской Федерации мы сталкиваемся с таким совершенно особым общественно опасным явлением, как преступность в «морозных регионах», «преступность мерзлоты» («frozen crimes»). Этот особый вид преступности должен, с одной стороны, стимулировать соответствующие научные исследования в сфере различных правовых, технических, психологических и иных наук, так называемого «криминального» блока, а с другой, адаптировать имеющиеся методики и средства борьбы с преступностью, которыми владеют сотрудники правоохранительных органов, специально под данный вид преступности. Только в этом случае можно рассчитывать на результативное противодействие преступности в данном регионе, что включает в себя

---

²² См.: Следственный комитет РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения 29.03.2019).

выявление, раскрытие, расследование и профилактику преступлений, совершенных в Арктической зоне Российской Федерации. Как уже отмечалось выше, география преступности влияет и на структуру преступности, ее интенсивность, латентность, а также на способы противодействия ей средствами уголовной юстиции. Авторы видят серьезный научно-практический потенциал в дальнейшем комплексном изучении преступности на этих территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Belkin, R.S. (1987), *Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy*. *Obshay i chastnay teorii* [Criminalistics: problems, trends, prospects]. Moscow. Jurid.lit. Publ. (in Russian).
Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987.
- Belkin, R.S. (1977), *Curs sovsotskoi kriminalistiki* [Course of soviet criminalistics] V.1. Academy of USSR Ministry of foreign affairs Publ. Moscow. (in Russian).
Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 1. М.: Академия МВД СССР, 1987.
- Bertovsky, L.V., Sameluk, M.A. (2018), *Metodika rassledovaniya prestuplenii kak nauchno-kvalifikatsionnaya rabota* [Method of crime investigation as researching qualified work]. *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and private law]. Issue III (XXXIX). Moscow. Moscow social-pedagogic University Publ., p. 163. (in Russian).
Бертовский Л.В., Самелюк М.А. Методика расследования преступлений как научно-квалификационная работа // Публичное и частное право. Выпуск III (XXXIX). Издательство Московского социально-педагогического университета. Москва. 2018. С. 163.
- Gerasimov, I.F. (1975), *Voprosy kriminalisticheskoi klassifikatsii v metodike rassledovaniya prestuplenii* [Issues of criminalistics classification in methods of crime investigation] *Materialy vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, p. 7. (in Russian).
Герасимов И.Ф. Вопросы криминалистической классификации в методике расследования преступлений // Материалы всесоюз. науч. конф. Москва. 1975. С. 7.
- Dubovik, O.L. (2018), *Pravovye aspekty ochrany okruzhaushei sredy v Arktike* [Legal aspects of defending the Arctic environment] *Materialy nauchno-practicheskoi konferentsii i kruglologo stola "Arktika — territoria ustoychivogo razvitiya i sotrudnichestva"* (20.11.2017) i *kruglologo stola "Pravovye problem socialno-ekonomicheskogo i innovatsionnogo razvitiya Arkticheskogo regiona Rossii* (15.11.2016). *Materials of scientific and practice conference and round table "Arctic — the territory of sustainable development and partnership"* (20.11.17) and round table "Legal problems of social and economic and innovative development of Russian Arctic region" (15.11.2016. Moscow. Norma Publ. 217–221. (in Russian).
Дубовик О.Л. Правовые аспекты охраны окружающей среды в Арктике // Материалы научно-практической конференции и круглого стола «Арктика — территория устойчивого развития и сотрудничества» (20.11.2017 г.) и круглого стола «Правовые проблемы социально-экономического и инновационного развития Арктического региона России». (15.11.2016 года) / Гл. ред. А.Н. Савенков. М. Норма. 2018. С. 217–221.
- Korshunova, O.N. & Stepanova, A.A. (ed Kolesnichenko A.N) (1973), *Teoreticheskie problemy metodiki rassledovaniya prestuplenii* [Theoretical problems of criminalistics method of crime investigation] *Voprosy kriminalisticheskoi metodologii, taktiki i metodiki rassledovaniya*. Moscow, p. 8 (in Russian).

- Коришунова О.Н., Степанова А.А.* Теоретические проблемы методики расследования преступлений // Под ред. А.Н. Колесниченко. Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: М. 1973. С. 8.
- Kolesnichenko, A.N. (1976), *Obshye polozhenia metodiki rassledovaniya otdelnykh vidov prestuplenii*. Harkov, p. 14 (in Russian).
- Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков. 1976. С. 14.
- Korshunova, O.N. & Stepanova, A.A. (ed) (2004), *Kriminalisticheskay medodika. Metodika rassledovaniya prestuplenii v sfere ekonomiki, vzyatochnichestva i komp'uternykh prestuplenii: Kurs kriminalistiki*. [Criminalistics' methodic. Methodic of investigation of economic crimes, bribery and computer crimes: Course of criminalistics] // V. 3. Saint-Petersburg. Jur.cent Press Publ. (in Russian).
- Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений: Курс криминалистики / Под. ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. Т. 3. СПб.: Юр. центр Пресс, 2004.
- Kral, M.J. (2016), *Suicide and Suicide Prevention among Inuit in Canada*. The Canadian journal of Psychiatry. Vol. 61 (11), pp. 688–695. (in English).
- Krylov, I.F. (1976), *Kriminalistika [Criminalistics]*. Leningrad. Leningrad University Publ. (in Russian).
- Крылов И.Ф.* Криминалистика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
- Kudelkin, N.S. (2018), *Ochрана morskoj sredy Arktiki: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Defensing the sea area of Arctic: criminal law and criminological aspects]* Lex Russica. (9), pp. 91–97. (in Russian).
- Куделькин Н.С.* Охрана морской среды Арктики: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Lex Russica. 2018. № 9. С. 91–97.
- Larchenko, L.V. (2011), *Sovremennaya Arktika: problemy osvoineniya i socialno-ekonomicheskogo razvitiya [Modern Arctic: the problems of reclamation and social and economic development]* Regionalnaya ekonomika: teoria i praktika. (11), pp. 2–8 (in Russian).
- Ларченко Л.В.* Современная Арктика: проблемы освоения и социально-экономического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2011 год, № 11. С. 2–8.
- Maltsev, A.A. Nadtochy, J.V. (2015), *Mezhdunarodno-pravovoi status i ekologicheskaya bezopasnost Arktiki [International law status and ecological security of Arctic]* Aziatsko-Tichookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. (17), 150–165. (in Russian).
- Мальцев А.А., Надточий Ю.В.* Международно-правовой статус и экологическая безопасность Арктики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17 (номер 1). С. 150–165.
- Obraztsov, V.A. (1988), *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya presyuplenii [Criminalistics' classification of crimes]*. Krasnoyarsk. (in Russian).
- Образцов В.А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.
- Obraztsov, V.A. (ed) (1992), *Kriminalisticheskoe obespechenie predvaritel'nogo rassledovaniya [Criminalistics' providing of investigation crimes]*. Moscow. (in Russian).
- Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / Под ред. В.А. Образцова. М., 1992.
- Obraztsov, V.A. (1979), *O predmete rassledovaniya prestuplenii [On object of crime investigation]* Voprosy bor'by s prestupnost'u. Moscow. Jurid. lit. Publ. (31), 112–114. (in Russian).
- Образцов В.А.* О предмете расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 31. М., 1979. С. 112–114.

- Obraztsov, V.A. (1980), O kriminalisticheskoi klassifirfcii prestuplenii [On criminalistics' classification of crimes]. *Voprosy bor'by s prestupnost'u*. Moscow. Jurid. lit. Publ. (33), p. 90–98. (in Russian).
Образцов В.А. О криминалистической классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. Москва. 1980. С. 90–98.
- Rohlin, V.I. (1992), Problemy sovershenstvovaniya metodik rassledovaniya prestuplenii v sfere sel'skohozyastvennoi deyatel'nosti [The problems of improving of agriculture crimes investigation methodic]. Moscow. (in Russian).
Рохлин В.И. Проблемы совершенствования методик расследования преступлений в сфере хозяйственной деятельности: Автореф. докт. юрид. наук. М., 1992.
- Selivanov, N.A. (1976), Sus'hnost metodiki rassledovaniya i ee printsipy [Substance and principles of investigation methodic] *Socialisticheskay zakonnost'*. (5), 61–64. (in Russian).
Селиванов Н.А. Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность, 1976, № 5. С. 61–64.
- Valeev, R.M. (2010), *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennay chast: uchebnik dla vuzov*. [International law. Special part: student book]. Moscow. Statute. Publ. (in Russian).
Валеев, Р.М. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2010.
- Vasiliev, A.N., Jablokov, N.P (ed) (1971), *Kriminalistika. Uchebnik* [Criminalistics. Student book]. Moscow. Moscow State University Publ. (in Russian).
Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова. Москва. Издательство МГУ. 1971.

Сведения об авторах:

Бертовский Лев Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID: 0000-0002-2835-288X; SPIN-код 7788-086

Контактная информация:

e-mail: bgl1980@yandex.ru

Клебанов Лев Романович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код 8500-609

Контактная информация:

e-mail: solomon70@bk.ru

Для цитирования:

Бертовский Л.В., Клебанов Л.Р. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в Арктике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 244–263. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-244-263.

Дата поступления в редакцию: 20 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

CRIMINAL LAW AND CRIMINALISTICS PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES ACTIVITY IN ARCTIC REGION

Lev V. Bertovsky, Lev R. Klebanov

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute
6, Mikluho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

The actual problems of criminal law and criminalistics with which law enforcement agencies in Arctic have been facing are concerned in the present article. Successful development of Arctic region demands struggling against criminality affected by special climate, geographic, ethnic, social, legal and another factors. These circumstances roughly embarrass the combating with criminality in Arctic, taking into account sparse population of the region, remote location of communities from organs of state power, ingenious people alcohol abusing, negative affecting of harsh arctic conditions on mental health of inhabiting person.

Being one of the richest recourse region all over the world, Arctic has becoming the stage of competition between arctic states. Upkeeping of order on Russian arctic territory is very important aim under these circumstances. In the article legal regiment of Arctic is concerned and characteristic of Arctic social and economy situation is given. The authors demonstrate structure of Arctic criminality and crimes committed on this territory are analyzed. Special attention is centered on analyzing of ecological crimes committed in Arctic taking into account wealthy of local fauna and environment. The problems of law enforcement criminalistics providing also are attentively analyzed, for example, issues of criminalistics methodic for crime investigation, usage of the new technic tools and devises of criminalistics, interconnection between investigators and detectives. Such interconnection is embarrassed by remote locations islands from mainland.

The article is grounded on extensive materials from empiric, scientific and law origins related to criminality existing in the different Arctic countries (USA, Canada, Russia, Scandinavian states). This article is the first one discussing various problems of combatting criminality in Arctic region. In the process of preparing the article authors have come to conclusion that Arctic crimes there committed poses special sort of criminality — “frozen” criminality. Such sort provided by special factors must be explored in the future in order to get success while combating the criminality in Arctic.

Key words: Arctic, law enforcement agencies, criminal law, criminalistics, criminality, ecology crimes

Information about the authors:

Lev V. Bertovsky — Doctor of Legal Science, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID: 0000-0002-2835-288X; SPIN 7788-086

Contact information:

e-mail: bgl1980@yandex.ru

Lev R. Klebanov — Doctor of Legal Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID: 0000-0002-1452-9568 SPIN 8500-609

Contact information:

e-mail: solomon70@bk.ru

For citation:

Bertovsky, L.V., Klebanov, L.R. (2019), Criminal law and criminalistics problems of law enforcement agencies activity in Arctic region. *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 244–263. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-244-263.

Article received May 20, 2019

Article accepted May 30, 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-264-288

INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF ECONOMIC GLOBALIZATION

Andrey A. Mamedov

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute
6, Mikluho-Maklaya, Moscow, Russia, 117198

Vera N. Batova

Penza State Technological University
1a/11, Prospect Baydukova / Gagarin Str., Penza, Russia, 440039

The article examines the international legal integration regulation of relations in the sphere of economics and finance context of globalization. The modern era — an era of globalization, which includes the highly dynamic development of integration processes in various areas of activity of the state. Globalization is an objective the emergence of supra-national / transnational elements of legal regulation. More and more questions of domestic jurisdiction transferred to the states under the international legal regulation. In the context of globalization in the development of the law is a tendency of formation of international integration law. Therefore, considering the legal regulation of relations in the sphere of economics and finance in the modern period, we can not ignore world integration processes as a result of globalization.

Key words: economy, finance, banking, international law, international rules-principles, globalization, global economic space, unification of the law, integration, agreement

Funding information. The publication has been prepared with support of the “RUDN University Program 5-100”.

I. INTRODUCTION

At the last decades of the XX century and at the beginning of the new third millennium globalization is increasingly becoming one of the main determinants of civilizational development. A new turn has begun at the history of human civilization (Klepatsky, 2002:37). It differs from previous eras primarily by a steep change at the trajectory of the development of all mankind, a rapid acceleration of the rate of change at the life of each people. Already, we can assume that the new century will be called the century of globalization or the century of global civilization, because today man began to associate himself with the whole of mankind at the face of numerous global threats, before the need to solve the most difficult tasks of survival, space

exploration, etc., where uniting the efforts and resources of the entire world community, coherence of actions and mutual understanding¹.

To solve these problems, it is necessary, from the one side, to radically change existing social systems, and to the other, to lay the foundation of a new general planetary structure of society that meets the needs of all mankind. The processes of globalization affect all spheres of human activity, and the legal systems of national states are also subject to them (Bogatyryov, 2013:128–133). It has already become evident that the law is standardized and unified within the whole planet.

When searching for solutions to the problems of globalization of law, scientists actively rely on the rich world spiritual heritage obtained from past generations of all mankind and at the same time use their own national-legal experience (Bogatyryov, 2006:51). The worldwide spiritual heritage is a knowledge of the laws of the development of nature and society (science), emotional perception of the surrounding world (culture), sets of communication' ruelles (morality), ideals and motives of activity (ideology and morality), the system of regulation of social relations (law and morality), the ways and forms of the transfer of spiritual heritage from generation to generation (education).

As for the national legal heritage, at the modern turning point, it became necessary to reassess some of its provisions that have come into conflict with the objective reality and are expressed in the change of scientific-legal paradigms, the renewal of the values contained in the law, the collapse of the former and the emergence of new ideals, the search for effective legal ways to regulate social relations, revolutionary changes at legal education. The reassessment of the national legal heritage is a painful and lengthy process. It is associated with the collapse of habitual stereotypes of thinking and behavior, the emergence of many alternative positions, the sudden revival of long forgotten and rejected views (Bogatyryov, Gorshkova, 2010:51).

At the same time, it is necessary to take into account that it is the law has its basis has all the prerequisites for globalization, since it is less than other social regulators tied to national characteristics and more quickly changed.

However, for a long time at all countries of the world, studying law, scientists focused on the national peculiarities of legal systems, which indicates nationalism at the legal sphere. Today, however, you should study the parties, unifying the legal system, their internationalizing.

The need for a reorientation of the research paradigm in the legal sphere is objectively determined by the needs of the regulation of the emerging new global social structures, within which the old legal national regulators are no longer active.

Thus, the formation of international global law and the integration of all national legal systems are objective necessity and regularity.

---

¹ Bogomolov O.T., Call to a world order // Independent newspaper, 1 January 2000.

II. THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW AT THE PERIOD OF GLOBALIZATION

The impact of globalization at international law

The modern scientific and methodological approach to the study of social phenomena, social institutions, processes and systems allows us to interpret law as a complex social phenomenon. As professor I. Farkhutdinov notes, law is primarily a dialectical unity of subjective and objective law, legal relations and legal norms. Ultimately, the entire course of human history predetermines the nature of the evolution of law².

In the conditions of the transforming world, phenomenally qualitative changes take place in the international-legal system. They are caused by the emergence of new legal subjects both at the national and international levels.

At the era of globalization, there is a revolution in the historical movement, which manifests itself in increasing the significance of the conscious development factor (scientifically known objective regularities and tendencies) over the former spontaneity of the evolution of the society, its economy, law, ideology, politics, and etc.

This process was most contoured at connection with the scientific-technical revolution (NTR), when science turned into a decisive force for the growth of productive forces and labor productivity at the creation of material benefits. At the middle of the twentieth century began to occur, especially in advanced countries, a change in the ‘axial principle’ of the history of modern progress. If earlier a such principle was a change of the form of ownership of the means of production, now such decisive factors of social progress and economy can be considered intellectual property, primarily high technology.

G.I. Tunkin stresses that “the rapid pace of the development of ties between states has now led to the fact that the international law obviously doesn't manage “to cover” adequately all new and new areas of the international relations and new international problems” (Tunkin, 1982:628).

The state as the main subject of international law and international law as a universal regulator of legal relations, primarily of an interstate character, are, as figuratively expressed by Lukashuk I.I., literally under the targeting fire of globalization, which directly affects the character and functions of the state and law as such: law of both the national and the international (Lukashuk, 2002:118). At the same time, the legal system of each state remains its most important characteristic, an integral element. At the same time the legal system of each state still remains her major characteristic, the integral element.

Professor Lukashuk I.I. became the first Russian scientist, who on a conceptual basis developed problems of influences on international law of forward globalization processes. At the same time, one of the most important problems, in his opinion,

---

² Koh, H. (1996), *Transnational Legal Process* // *Nebraska Law Review*, p. 75.

is the harmonization of the norms of international and internal law, which requires timely legal regulation and appropriate legal regulation of relations between various subjects of international law (Polenina, Gavrilov, Koldayeva, 2004:7).

Speaking about the further development of international law, I.I. Lukashuk specifically noted the need for a special branch of knowledge — international-legal prognostics. As an important prerequisite for the development of international-legal prognostics, he called the achievements of the general theory of international law.

Specifically – about the importance of prognostics at the light of further changes in the sphere of international legal personality (Lukashuk, 2005:518). At these conditions the social role of the law as spheres of freedom and at least morality, as a battery of the achievements of reason, culture and enlightenment at the age-long striving of peoples for peace, freedom, justice, equality grows, and the most important institution of modern legal systems is not only the property right, but also human (Lukashuk, 2002:60). By the way, the concept of state and law at the doctrinal plan is comparable to the concept of law at international relations (Kalamkaryan, 2002:60).

The renewed philosophy of law, in particular, attaches great importance to the interpretation of genesis and the functioning of the law of the role it played and plays in the formation of the personality, its all-round development and the realization of its capabilities (Farkhutdinov, 2010:415).

*Integration is the determining factor of the formation
of a uniform global legal order*

Powerful integration processes taking place in the second half of the 20th century in the sphere of national economies, information technologies, in the social environment, could not but affect the law as such. The emergence of the world system of economics and law calls the need for integration of state-political systems, which is complicated by structural transformations of national legal systems (Alekseev, 1999:40).

Integration processes repeatedly increase the possibilities of material production, creative work at an open society, the use of the international division of creative activity and the free exchange of achievements at the field of spiritual and material culture of the peoples of the world. They not only significantly increase rates of social progress, but also create real prerequisites for the elimination of interstate, socio-economic and political, racial, national and religious antagonisms, create the way for strengthening of the international (Lukashuk, 2002:5).

“Forming a uniform legal order, protected by a uniform statehood, — believes L.S. Yavich, — is a kind of real mean for the democratic regulation of social relations at the international level. This mean will ensure the survival and further development of human civilization” (Yavich, 2003:40).

However, the path to integration of states is complex and requires, among other things, a new political, legal and general awareness of the new reality. The question of the forms of integration of states, their unification and alliances requires

further scientific-practical development. It must be assumed that any regional, and then global processes of integration of states will not be connected with the liquidation of existing states, their absorption by a unitary state.

Most likely it will be a question of formation of confederative associations (such as of the EU) and as a result in the near future — the World Confederation of the States (WCS) on the basis of reorganization of the United Nations into a public entity or acting in concert with the UN, which will include the countries of the WCS and those states and which did not enter the WCS. Such a bold statement of the question requires a new doctrinal approach to the issue of state sovereignty and the right of each nation to an independent statehood, about the correlation of these principles (Tikhomirov, 2004).

In new conditions common interests of the states which are still main subjects of international law are put in the forefront. At the same time the priority of interests of the international community doesn't mean infringement of interests of the states. The task consists in achieving an optimum combination of interests.

Globalization of the world system of law: positions for and against

Regardless of how its opponents and supporters regard globalization, it must be recognized that it has already clearly changed the world system, generating new problems in international law, including in the sphere of international personality. Some aspects of the impact of globalization on national economies deserve special mention. First of all, we note the extremely high growth rates of foreign direct investment, far exceeding the growth rates of world trade. These investments play a key role in the transfer of technology, industrial restructuring, the formation of global enterprises, which has a direct impact on the development of international law (Farkhutdinov, 2005:463).

The creation and maintenance of the functioning of the new world order requires a higher organization of the world system, a substantial increase in the degree of its controllability. Today, this is a key global problem, and international legal regulation of other global problems depends on its solution (Lukashuk, 2002:5).

An important obstacle to the formation of a new world order is the lag in political thinking from the reality of our time, which also manifests itself in the recurrence of an outmoded legal consciousness. A characteristic feature of the modern process of forming a new world order is its multilateral nature, participation in the process of a wide range of states, in which the UN is called upon to play the central role. Within its framework, the collective efforts of the states succeeded at the turn of the 21st century to form the basis of a new world order of resolutions adopted by the General Assembly in 2000 at the historic session — the “Millennium Session”, including the Millennium Declaration of the UN.

It is very important that the basis of the new world order have to compose the goals and principles of the UN Charter that have proved to be an enduring and universal nature (Lukashuk, 2005:230). Only on this basis is it possible to establish a just

and lasting peace that exists on conditions favorable to sustainable development for respect for the rights of peoples and an individual (Farkhutdinov, 2004:28). In other words, an important role in establishing a new world order is assigned to international law and legitimacy as a whole, i.e. the task is “to increase respect for the rule of law in international as well as internal life”³. In this position, the idea of the unity of international and internal legitimacy was expressed (Lukashuk, 2002:118).

The phenomenon of the development of international law is a significant gap between two interrelated and interdependent processes: law-making and law-realization. The law-making process is progressively more progressive. At the same time, the mechanism of the implementation of norms is unforgivably slowly improved. In order to improve the effectiveness of international law, it is necessary to improve the mechanism of its operation, that is, the solution of global problems requires an increase in the level of controllability of the international system on the basis of international law. The cardinal step in its improvement was, for example, the allocation in a special category of responsibility for serious breaches of obligations arising from peremptory norms of general (Farkhutdinov, 2009:5) international law. We are talking about commitments to the international community as a whole (Lukashuk, 2004:432).

In practice, all social scientists acknowledge the objective nature of globalization, focusing on its economic component. They believe that today it is in the economy that ties between states become closer, mutual dependence is tougher, and the need for multilateral coordination is more urgent (Maksimenco, 1999:94).

The development of globalization leads to economic phenomena such as the permeability of interstate borders for the free movement of financial flows, the movement of goods, services, technology, labor, that is, to the extension of the most-favored legal regimes in these areas. States with a market economy converge on the level of prices for goods, profitability of enterprises and salaries, the trend towards international outsourcing is growing, the number and size of mergers of companies within states and at the international level is growing, accompanied by restructuring and a decrease in the number of employed labor (Egorov, 2014:1087). As a result, universalization of market relations, through the establishment of unified economic principles, customs and legal norms for subjects of international economic relations, and as a result — the strengthening of the interconnection and interdependence of national markets of states.

The proponents of globalization note a number of advantages that have taken place due to globalization. In their view, globalization weakens the prerequisites of conflicts, contributes to world peace, the establishment and strengthening of democracy, the development of a global civil society, accountability of the authorities and the supremacy of law. World trade promotes the “discovery” of national borders, the

---

³ Resolutions and Decisions adapted by the General Assembly during its fifty-fifth Session. 2001. Vol. IV, pp. 4–5.

development of production, the spread of western standards of consumption, way of life, attitude to other states. Thanks to globalization, there has been an increase in productivity in agriculture, healthcare has improved, due to technical progress, many new materials have been developed, which reduced the need for raw materials, reduced material consumption in those industries where natural raw materials could not be replaced with synthesized raw materials. At the same time, there is a rapid growth in the production of explored reserves of minerals.

Let us also point out the negative aspects of the process of economic globalization. The well-known financier J. Soros warns that the economic function of modern capitalism not only begins to dominate over other spheres of social life, but also makes the main and almost absolute value the motive of profit receiving (Soros, 1999:329). At economic relations, the speculative-usurious principle of profit is increasingly dominated instead of competitive-productive. Globalization in the economy leads to uneven development of developed and developing countries, leads to the concentration of power “in the hands of the rich North”, to the exploitation of labor by capital and the stratification of society: enriching the rich and impoverishing the poor. Informatization and automation of production lead to the approval of an economy that does not need workers. In industrial sectors, the production policy is determined by a rather narrow circle of highly professional specialists and intellectuals, which gives rise to “elitism” as the organizing principle of economic life, and, consequently, the education system.

Employers are in greater need of the most productive staff in the context of globalization, which is directly related to education. To achieve high labor productivity in any state, TNCs are interested in attracting qualified personnel and retaining the best workers.

TNCs are forced to offer a better pay system than national companies, to reach agreements with trade unions. In turn, this forces local companies to raise standards of work with personnel.

In the conditions of the information-technological revolution, only states whose citizens have a sufficiently high level of education can claim a worthy place. The increasing material stratification of society in both developed and developing countries is largely affected by the unequal access of citizens to education.

Only highly qualified citizens can maintain their social status or win in the process of globalization, with a significant number of workers are at risk of being among the unemployed (Moiseyev, 2006:234). It would be wrong to shield itself from globalization simply because it is based on western principles of building a business through ‘network structures’, management, production and distribution (Moiseyev, 2015:72), which proved their economic efficiency. It is also not productive to create a model for imitation in the form of a model of western civilization, which will objectively lead to an economic backwardness. Today, globalization already exists and states need to actively participate in it and influence international processes for a successful existence.

According to the British historian, the West was “destined ... to do something not just for themselves, but for the whole of mankind” — to erect “scaffolding in which all previously scattered societies would have built one common building” (Toynbee, 1995:168) of human civilization.

Thus, the role of law in the modern world is growing, and it represents an objective pattern of the global world order. The question arises: “to what extent does the law in general and legislation in particular undergo changes in public life — kind of automatically, following changes in the state or on own regularities; whether the system of the legislation is re-created or is it possible continuity of its principles and branches, whether the reforms are reducible to the restructuring of the regulatory-legal system or include changes in the understanding of law, in legal consciousness and motivation, in legal institutions. Each country gives the answer to this question” (Tikhomirov, 1996:435).

*Strengthening the role of international law
in the context of economic globalization*

In the context of globalization, when the interconnection and interdependence of states, their economies reaches an unprecedented level, the law fulfills the functions of ‘normative integration’. The effect of the law becomes even more universal, as the need for similar legal principles and decisions increases, which also requires the expansion of the field of coordinated legal development. “The common legal framework is largely formed and protected by international law, which acquires a new meaning” (Farkhutdinov, 2003:143).

The abovementioned problems are united by the fact that they are of a global nature and can only be solved by the joint efforts of all states. For this it is necessary, as professor I.I. Lukashuk points out, a higher level of management of social processes both at the national and global levels. Substantial improvement in the management of institutional systems in accordance with the norms of international law, as already noted, is an urgent matter. As a result, the role of such management tools, as international organizations and international law, will increase. Of particular importance is the interaction of international and internal law of states. Interaction of the international and internal law of the states is of particular importance (Lukashuk, 2005:116). In this context, it is difficult not to agree with the scientist's opinion that “globalization blurs the line between the internal and external spheres of activity, between domestic and foreign policies” (Kochetkov, 2005:211).

Similar concepts, existing in the domestic legal science, argue that in the context of globalization the concept of objective borders of international law has to be a thing of the past, as it creates rights and obligations not only for states but also directly for individuals and legal entities, has a direct effect on in the domestic sphere (Marochkin, 1997:20). “Supporters of this concept can not ignore, — I.I. Lukashuk (2001:68) notes rightly, — the obvious facts, recognizing that international law has a direct effect on the territory of states as part of the national legal system. Here it is

impossible to speak about direct action of international law, because it is carried out with the sanction of the state, as part of its legal system". That is it is about difficult process of incorporation, "inclusion" of norms of international law in the national law (Dmitriyeva, Lukashuk, 1995:7).

It should relate to the problem of incorporation, which really is extremely difficult (Lukashuk, 2001:9). Differences in legal systems, legal cultures and legal consciousness greatly complicate the problem. A specialist in this sphere, Professor at the University of Toronto K. Knop writes: "The domestic interpretation of international law is not the same everywhere. Ideally, we are dealing neither entirely international nor entirely national, but with a hybrid expressing the relations between them" (Knop, 2000:524).

A well-known expert at this sphere, Professor R. Müllerson, figuratively noted that the inclusion of international norms in the legal system of the country "does not mean that the lion becomes a cat" (Muellerson, 2000:199). Being 'included' in the legal system of the state, international norms act as part of this system and are provided by the mechanism inherent in this system. The mechanism of operation of international law is not suitable for this (Lukashuk, 1997:34).

In the organizational-legal sense, the successive transition of most countries from closed national economies to an open economy, facing the external market, causes a change in the state's economic function. According to Professor V.M. Shumilov, one can speak to some extent about the convergence of national economies on the principles of liberalism and the free movement of capital and services. The emerging global uniform economic space requires that the idea of liberalization has been issued and recorded by political and legal means. For example, this should be done within the framework of the World Trade Organization (WTO) (Shumilov, 2003:48).

The globalization of the world economy, Professor V.M. Shumilov argues further, creates prerequisites for the formation of a political-legal superstructure corresponding to a common economic space. In fact, the scientist is talking about the creation of a global social system in which "their", global problems have ripened, their interests are being formed, their institutional and regulatory mechanisms, possessing supranational properties (Shumilov, 2003:20).

Supporters of direct regulation of international relations by interstate relations sometimes refer to the concept of a uniform European legal space. However, this reference can hardly be, as I.I. Lukashuk, convincing. The European Union (EU) means a high degree of unity not only of common but also of specific norms of international law in the relations of states, a significant level of harmonization of their national legal systems and, and certainly, a thorough interaction of international and national law (Abashidze, Lukashuk, 2001:116).

By incorporating in Russian national law, they do not lose, also emphasizes O.I. Tiunov, international-legal quality, i.e. remain part of the international-legal system (Tiunov, 1999:254). Consequently, norms that are initiated by international law occupy a special position in the national legal system. International-legal norms operate within the framework of this system in close connection with national law.

III. THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Integration aspect of the development of law

The modern epoch — this is the epoch of globalization, which includes the highly dynamic development of integration processes in various areas of the state.

With the globalization of national economies to integrate into a united planetary space with a universal system of economic institutions and the interaction of markets. In our view, globalization is a process of erasing the boundaries not only economic between states, but also the national jurisdictional boundaries.

Legal aspect of globalization is manifested in our opinion, primarily in the fact that more and more questions of domestic jurisdiction transferred to the states at a supranational regulation and, as a consequence, an increase in the number of international treaties governing relations in various spheres of state activity. Formation of a global economic space — the most important aspect intensifies the process of erasing the borders of national jurisdictions.

Therefore, considering the legal regulation of relations in the economic and financial segments of the activities of states in the modern period, we can not ignore the world integration processes in the globalization process, which leads to the creation of a holistic legislation, following a single legal logic and requires consideration of both the neoliberal global trends and diverse nature of national legal systems.

Globalization objectively leads to the emergence of supranational / transnational elements of legal regulation, strengthening in law the role of the international integration aspects.

In the development of law in the context of globalization are the following main trends of its development, primarily:

- first of all — the trend towards unification of the law, which manifests itself in an effort to develop a common, comprehensive approach to law, meaning the introduction in the legal systems of the states the uniform, unified the norms of law;

- secondly — this application for legal regulation of international norms-principles with the legal ideas put in them: general legal principles (principles of equality, justice, humanity, and others.), as well as the principles enshrined at internationally — legal acts. In the context of economic globalization, namely international norms-principles play an increasingly active role in system of legal regulatory means in various segments of management of economy and finance by the state. The norms-principles, which differ from the usual norms of law by a much higher level of generalization, it is in the conditions of integration of the economies of states that they perform the regulatory functions of the legal impact on relations in various segments of the life activity of states. In the conditions of economic globalization the tendency is traced to more widespread formation and greater use of international norms-principles of law as regulators in the area of economic and financial relations. These relations, in particular, should include the relations between the state and transnational corpora-

tions, mediated through norms-principles of partnership and cooperation in solving common economic problems that play an active role in the system of legal regulatory means used at the global and regional levels;

In third — law in the context of globalization is becoming more complex system and it is impossible to provide everything in laws therefore the jurisprudence role — a judicial precedent in the solution of the questions connected with legal regulation of the economic and financial relations inevitably raises.

At the same time, it should be noted that the science of international law and treaty practice concerning the conventional norms-principles of international proceeds from this that the uniform imperative principle of conscientious observance of the international obligations acts (for international contracts, it is called as the principle of “pacta sunt servanda”).

Development of legal regulation of international trade turnover

For solution of problems, arising in connection with formation of uniform world economic and financial space, also requires creation of uniform legal space. In the conditions of the globalization of the world economy, it is globalization of legal space will contribute to leveling features of national legislation as a result of the application of uniform rules generated international integration law.

Understanding the principles of international law allows to simplify the integration process of the legal regulation of relations in the sphere of economics and finance in the context of economic globalization, including the conclusion of contracts, determination the conditions of their execution and rapid resolution of any dispute between the parties.

The complex governed also the standards regulating process of the conclusion and performance of the international commercial treaties develops within the international integration law, his institute of legal regulation of international trade, or *Lex mercatoria*.

So in the 90th of the XX century has appeared several legal documents which are accurately formulating the norms-principles of international trade recognized by the parties of international trade as the norms of law operating in this segment of world economy. It also allows to use them as the international legal acts of arbitration for permission of concrete disputes, including:

– The UNIDROIT Principles for International Commercial Contracts, 1994 (Hartkamp, 1994:16);

– The Principles of European Contract Law, as amended by 2003 (Lando, Clive, Prum, Zimmermann, 2003);

– A set of principles, rules and standards *Lex mercatoria* (CENTRAL), as amended by 2003 (Berger, 1999).

The UNIDROIT principles were prepared by International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT) and published in 1994. The document is not an international agreement, but because of the credibility of the organization that pro-

duced it, quite often used in the preparation of international contracts and the resolution of international commercial disputes. Principles of European Contract Law developed within the European Union for the purposes of European legal integration.

Principles of European Contract Law developed within the European Union for the purposes of European legal integration. A set of principles, rules and standards *Lex mercatoria* was developed in the framework of the project Centre for Transnational Law (CENTRAL).

International norms-principles regulated in the above documents are universal, thus, their application isn't influenced by features of the national law of participants of contractual relations, and that is why they are used in international arbitration in resolving foreign trade disputes (Schmitthoff, 1963). This law-making process is being developed, there is a constant revision of norms-principles because of the need to respond to the constant changes in the structure of international commercial transactions, and as a result, create more and more rational norms that correspond to the current, constantly changing conditions of international trade turnover.

The modern legal regulation of international trade has overcome the 'legal order of many national legal systems' that slowed the development of *Lex mercatoria*.

The processes of globalization had exerted a positive impact on the formation of modern legal regulation of international trade, as a result of which it acquired:

- 1) the universal character;
- 2) flexibility and the possibility of dynamic growth;
- 3) non-formalization and rapid development;
- 4) reliance on trade custom and practice.

The complex of norms that make up *Lex mercatoria* and ensuring the regulation of international trade is quite extensive and includes, in our opinion, the following: general principles of law, norms-principles documents of international organizations, broadly defined customs and usages of international trade, arbitration awards, international conventions, model laws of the international legal character, etc.

It is at *Lex mercatoria* that current trends in the development of law for regulating international economic (predominantly trade) relations were reflected, with the ever growing dynamics of world economic relations and a certain lag in the development of national legislation that ensures their regulation.

In the conditions of globalization, the creation of a united economic space exactly *Lex mercatoria* provides necessary regulation of international trade transactions, removing certain contradiction international nature of such transactions, and their regulation by national law, and allows to exclude the transaction expenses, associated with the application of national law to transnational trade relations, which may hinder the development of the global market.

International-legal regulators of international standardization

Major sectors of the world economy, following the rapid development of world trade, especially e-commerce, have become global.

As this trend affects the trade balance of countries, and therefore the living standard of living and welfare of the population of countries, the need for integrated legal regulation in the sphere of standardization, as an important component of the state's foreign economic activity in the global market, has increased dramatically.

The growing role of international standardization in the development of the national economy in these conditions has got really planetary character due to the constantly growing competition of national economies as a result of economic globalization, which requires taking into account the provisions of international standards in the promotion of national products to the world market

The last decade of the 20th century was caused by the revolutionary development of world economic relations, establishing new international norms-principles of legal regulation, unified mandatory legal regulators for the standardization of products having direct effect, and prohibiting their establishment unilaterally, restricting world trade, especially in connection with the formation of free trade zones.

Recognized on the basis of international standards of quality of national products at a competitive price has now become the purpose of the national economy.

At the basis of the practical implementation of unification legislation in the field of international standardization are international norms-principles, fixed in the Agreement on Technical Barriers to Trade (Marrakech, 15 April 1994):

- guarantee of transparency of procedure of standards' creation;
- established standards requirements should not create obstacles to the circulation of products in international trade.

Practical implementation of the unification legal norms in the sphere of international standardization is determined by the requirements of the Agreement on Technical Barriers to Trade (Article 4 “Preparation, Adoption and Application of Standards”, item 4.1) , in accordance that Members shall ensure that their central government standardizing bodies accepted and complied with the Code of Good Practice for the preparation, adoption and application of standards, given in Annex 3 to this Agreement (referred to in this Agreement as the “Code of Good Practice”).

They undertake such reasonable measures available to them to provide acceptance and observance of that the Code of Good Practice is adopted and followed by local governmental and non-governmental standardization bodies within their territories, and by the regional standardization governing bodies of which they are members they or one or more governing bodies within their territories are. In addition, members do not take measures that directly or indirectly require such governing bodies or encourage them to act in a manner incompatible with the Code of Good Practice.

The obligations of Members with respect to compliance of standardizing governing bodies with the provisions of the Code of Good Practice apply irrespective of whether or not a standardizing body has accepted the Code of Good Practice⁴. Thus:

– National authorities on standardization provide that technical regulations weren't developed, weren't accepted or weren't applied so that to create or lead to creation of excessive obstacles in international trade. For this purpose technical regulations don't make more limiting impact on trade, than it is necessary for achievement of the lawful purposes, taking into account risks which would arise when such objectives aren't achieved. Such lawful purposes are, inter alia: requirements of national security; prevention of deceptive practice; protection of health or safety of people, life or health of animals or plants, or environmental protection. National authorities on standardization provide that at assessment of similar risks such factors as, by inter alia, the available scientific and technical information, appropriate technology or intended end use of goods were considered;

– when relevant international standards exist or their completion is imminent, National standards body use them, or the relevant parts of them, as a basis for their technical regulations except when such international standards or relevant parts would be an ineffective or inappropriate means for achievement of the set lawful objects, for instance because of fundamental climatic or geographical factors or fundamental technical problems;

– when the corresponding international standard is absent, or maintenance of the developed technical regulations doesn't correspond to maintenance of the corresponding international standards and if the technical regulations can make essential impact on trade of other members, members:

1. Publish at the corresponding early stage the notice in the press of alleged introduction of concrete technical regulations to give the chance to interested parties in other national authorities of standardization to get acquainted with him;

2. Through the Secretariat notify other national authorities of standardization on the goods covered by the developed technical regulations, accompanying the notice with the short indication of the purpose and justification of the developed technical regulations. Such notices are published at the corresponding early stage when amendments and comments can be still made are taken into account;

3. On demand provide to other national authorities of standardization detailed descriptions or texts of the developed technical regulations and, whenever possible, specify sections which significantly differ from the corresponding international standards;

4. Without discrimination provide to other national authorities of standardization the reasonable period of time for preparation of remarks by them in writing, dis-

---

⁴ The Code of Good Practice. available at http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/17-tbt.pdf. (visited 6 November, 2017).

cussions of these remarks on demand and accounting of these written remarks and also results of these discussions.

Convergence of international-legal regulation of bank activity

For last decade high rates of innovations in the financial markets and internationalization of financial flows have changed shape of banking almost to unrecognizability. The traditional practice of banking based on attraction of deposits and granting the credits is only a part of activity of bank today, and often the least profitable. Modern banks were beyond traditional credit and deposit operations and have established the presence practically at all segments of a financial system. Innovative process has led to increase in a variety of financial instruments which markets constantly extend.

Today the new, based on information technology types of bank activity are the main sources to profitability of banks. Use of financial innovations: securitization of assets, broad application of ‘off-balance’ financial instruments such as options, guarantees and letters of credit, not only is a zone of the increased risk in activity of banks, but also is fraught with the complex problems concerning management of the arising risks and, as a result, the corresponding segments of the financial market, are very unstable. Consequences of financial destabilization are big and are expressed both in slowdown in economic growth, and in destruction of public trust to the financial markets.

Today owing to globalization of economy in general, including internationalization of financial flows and introduction of innovations in the financial markets, the fundamental problem in banking consists that on the one hand, adequate freedom of banks in decision-making under changes of market conditions of activity allows them to compensate jumps of an environment, but from another — concentration of bank risks as a result of bank activity leads to increase in instability of the banking sector in general and his main components — banks. The correlation between various types of risk both within separate bank, and in scales of a banking system has increased by orders and became more difficult. Legal regulation of activity of banks in the conditions of the competitive and unstable market became extremely difficult process.

It is, first of all, about the integrated standard legal massif. The states cooperate with the purpose of creation, development and use of the necessary international-legal norms-principles, governing the relations, influencing basic factors of financial stability and solvency of participants of the financial market such as: sufficient equity; existence in the property of free assets; formation of reserve funds; placement of funds of reserve funds in the ‘covering’ assets; providing a standard ratio between assets and obligations (a solvency margin); maintaining systems of the international accounting and reporting, implementation of investment activities, financial control; restriction of single risk; tariff policy.

All this throws down a challenge to traditional approaches to legal regulation of bank activity and demands sound realization of the ideas Basel process⁵ in the legal sphere – use of the unified legal regulators of bank activity: Basel international norms-principles.

To such international norms-principles are, first of all, the principles regulated in documents of an international-legal nature:

– International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework (“Basel-2”)⁶. Norms-principles of the Agreement ‘Basel-2’ grouped in three main components (pillars), interconnected, strengthen and complement each other to achieve an united goal — improving the financial stability of banks:

1. Minimum capital requirements.
2. The supervisory review process.
3. Market discipline;

– 20 other international-legal documents, issued by the Basel Committee, the norms of which regulate banking supervision, financial monitoring, management of banking risks and cross-border banking transactions⁷:

1. Part B of the Amendment to the Capital Accord to Incorporate Market Risks, January 1996, Final.
2. Core Principles for Effective Banking Supervision, September 1997, Final.
3. The Core Principles Methodology, October 1999, Final.
4. Risk Management Guidelines for Derivatives, July 1994, Final.
5. Management of Interest Rate Risk, September 1997, Final.
6. Risk Management for Electronic Banking, March 1998, Final.
7. Framework for Internal Controls, September 1998, Final.
8. Sound Practices for Banks’ Interactions with Highly Leveraged Institutions, January 1999, Final.
9. Enhancing Corporate Governance, August 1999, Final.
10. Sound Practices for Managing Liquidity, February 2000, Final.
11. Principles for the Management of Credit Risk, September 2000, Final.
12. Supervisory Guidance for Managing Settlement Risk in Foreign Exchange Transactions, September 2000, Final.
13. Principles for the Management and Supervision of Interest Rate Risk, January 2001, For Comment.
14. Risk Management Principles for Electronic Banking, May 2001, For Comment.

---

⁵ The Basel committee on bank supervision. available at <http://www.bis.org/publ/bcbs128.pdf>. (visited 6 November, 2018).

⁶ International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: A Revised Framework (‘Basel-2’). available at <http://www.bis.org/publ/bcbs128.pdf>. (visited 6 November, 2018).

⁷ The international legal documents issued by the Basel committee on bank supervision, available at: <http://www.bis.org/bcbs/publ/index.htm>. (visited 6 November, 2018).

15. Internal Audit in Banks and the Supervisor's Relationship with Auditors, August 2001, Final

16. Customer Due Diligence for Banks, October 2001, Final.

17. The Relationship between Banking Supervisors and Banks' External Auditors, January 2002, Final.

18. Supervisory Guidance for Dealing with Weak Banks, March 2002, Final.

19. Management and Supervision of Cross-border Electronic Banking Activities, October 2002, For Comment.

20. Sound Practices for the Management and Supervision of Operational Risk, February 2003, Final.

Provisions of Basel-3 offer new international legal regulators: standards of the capital, a ratio loan and equity, liquidity for strengthening of regulation, supervision and a risk management in the banking sector. Standards of the capital and new buffers of the capital will demand from banks of the bigger size of the capital and also bigger quality of this capital in comparison with the standards adopted in Basel-2. The new relation of the capital to borrowed funds enters a risk-free basis for calculation of the minimum requirements to the capital in addition to the system of calculation on the basis of risk. New coefficients of liquidity provide implementation of adequate financing in crisis situations.

Bankruptcy of a number of large international banks and banking groups has induced the Basel committee of bank supervision to establish obligatory international norms-principles concerning them in the special document carrying the name "Basel Concordat"⁸. In its basis the following norms-principles are:

– national bank authorities of the host country and country of origin on the consolidated basis have to carry out supervision of the international banks and the international banking groups;

– preliminary permission of the governing bodies of regulation and supervision to creation of the international bank organization will be settled by the bilateral memorandum signed by authorized the governing bodies of both countries;

– national authorities of regulation and supervision as host country, so countries of origin have rights of collection of information about the international banks and banking groups, which exchange between these bodies has to be carried out according to the principles of reciprocity and confidentiality;

– the right of the governing body of regulation and supervision of the host country when determining discrepancy of norms of law of the country of origin of bank the accepted international norms-principles — to forbid the international operations or to impose on them the restrictions corresponding to these norms-principles;

---

⁸ The international-legal documents regulating activity of large international banks and banking groups "Basel Concordat", available at <http://www.bis.org/press/p060406.htm>. (date of viewing 6 November 2018).

– an obligation of governing body of regulation and supervision of the country of origin of bank — to inform the governing bodies of the host country on change of the rules of law having substantial effects for the international operations of bank.

One of the most dangerous risks for participants of the global financial market is the risk of loss of reputation as reliable business partner in closely connected corporate ethics to the financial environment. There is so-called ‘crisis of confidence’. He arises because of operational failures during the carrying out financial transactions, inability to carry out profitable activity only according to the legislation and also at emergence of suspicions of communications with criminal structures or in inability of financial management to effectively counteract legalization (washing) of income gained in the criminal way and terrorism financing and also other illegal activity.

In such situation the arising risk of insufficient liquidity caused by loss of business reputation results to risk of insolvency and loss of financial stability and, eventually, to the termination of activity of the financial organization. Problems of one financial organization affect at reputation of all national financial system of the state.

The Wolfsberg’ principles⁹, which with good reason can be referred to the international norms-principles, contain the priority principles in activities of banks for prevention of use of a banking system for legalization of income, gained in the criminal way. The policy of bank has to be aimed at prevention of use of transnational operations for criminal intents.

The basis of the policy of any bank in this sphere of activity in accordance with the Wolfsberg’ principles should be the normes according to which the bank can establish relations only with those clients have to be the cornerstone of policy of any bank, concerning sources of income or financing of activity of which their legal origin can be reasonably confirmed. At the same time Wolfsberg’ norms- principles assume that concrete mechanisms of counteraction to laundering of income gained in the criminal way can be determined by a discretion of bank¹⁰.

Legal regulation on the basis of the developed international financial and legal regulators does transparent and uniform requirements imposed to legal regulation of the relations in the sphere of finance in various states at the conditions of global economic space. And the changes connected with activity of a world financial turn, globalization of the monetary relations, leading to internationalization of financial crises and the necessity caused in this regard in international-legal regulation in this sphere of activity, directly affect the law-making process connected with adoption of the international integration acts governing the relations in the sphere of finance.

---

⁹ Wolfsberg’ norms-principles, available at: http://www.wolfsberg-principles.com/pdf/wolfsberg_aml_principles2.pdf. (date of viewing 6 October 2018).

¹⁰ Wolfsberg’ Statement Guidance on a Risk Based Approach for Managing Money Laundering Risks, available at: http://www.wolfsberg-principles.com/pdf/wolfsberg_aml_principles2.pdf.

International-legal standardization of insurance activity

Insurance is one of the most important components of the economic system of the state and can not be excluded from the process of global economic integration. For example, insurance of catastrophic risks due to their scale and the impossibility of making insurance these risks sometimes even in the whole country makes an irreversible process of integration of national insurance systems. Means of such integration are primarily reinsurance means that allow insurance companies to timely cope with virtually any size and complexity of the risks.

Globalization in the insurance sphere is shown in the following:

- formation of global insurance market as a component of the global economic market;
- the concentration of insurance capital, including the merging of insurance and banking capital, leading to the formation of transnational insurance corporations whose capital is increasingly seeks beyond national jurisdiction, and the size of assets and working capital of transnational insurance corporations are comparable to the budgets of separate countries;
- growth of international portfolio investment of insurance structures;
- increase in the number of international insurance transactions and, as a consequence of this, the expansion of the spectrum (the change of traditional forms and types) provided insurance services;
- regulation of the economic relations in the sphere of insurance by the rules of law having supranational/transnational character.

The basis of integration international-legal standardization of regulatory requirements for insurance companies make up: conditions of establishment of the insurance company; procedure for the formation of insurance reserve funds; conditions of investment money means of these funds; order of accounting and reporting requirements; regulation of a margin of solvency and financial stability of insurance companies and etc. Under the standards of the integration of international-legal regulation in the insurance sphere understands uniform requirements for insurance companies about providing their solvency and financial stability, aimed at protecting the interests of policyholders.

International Association of Insurance Supervisors (IAIS) has developed standards, establishing basic quantitative and qualitative parameters of the requirements for insurance supervision to the activities of insurance companies.

By the ‘Methodology of the Basic Principles of Insurance’ standard¹¹ it is regulated: organization of insurance supervision and criteria of his implementation; conditions of licensing of insurance companies and their corporate management; adequacy of the capital and assets of insurance companies with their obligations, including derivatives and notes; conditions and principles of reinsurance and conduct trans-

---

¹¹ Methodology of the Basic Principles of Insurance available at [http:// www.iaisweb.org](http://www.iaisweb.org). (date of viewing 6 November 2018)

boundary transactions; financial reporting and auditing, including internal; financial monitoring; criteria for confidential information.

The basis “IAIS — Investments Subcommittee”¹² — the norms-principles regulating investment activities of insurance companies including: investment policy and strategy of insurance companies; management of investment risks; property responsibility of insurance companies; financial monitoring and audit of investment activities, including internal control.

Besides, it should be noted, as professional associations of participants of the financial markets develop the international norms-principles, governing the relations in the financial sector of economy in spheres of the interests and competence — such as international organizations: International Accounting Standards Committee — IASC, International Swaps and Derivatives Association — ISDA, International Securities Market Association — ISMA, Emerging Market Traders Association — EMTA, Federation of European Risk Management Associations — FERMA, Risk and Insurance Management Society — RIMS and etc.

These institutions of international-legal integrated regulation at the areas of economics and finance are implemented in a united, integrative international legislation.

Moreover, the formation of the world’s economic space, and as a result, the global market, in turn, puts forward for solutions of questions about globalization of governance in the sphere of economics and finance on the basis of the legal array of an international integrated law. Prototype of such global governance, carried out in the sphere of economics and finance, in our opinion, is currently formed at countries, that have acceded to the World Trade Organization (WTO).

IV. CONCLUSIONS

Process of globalization not only is followed by gain of a role of international law as regulator of integration processes, but also promotes high-quality change of last. Changes are shown in subject and object spheres, methods of legal regulation and the functional directivity of international law.

In the subject sphere. Expansion of structure of the international relations due to inclusion of the mixed relations (between the states and non-state entities) and the non-state relations has led to emergence of new subjects of international law: non-governmental organizations, individuals, multinational corporations, administrative-territorial educations (subjects of federations), international judicial.

Institutions though having the smaller volume of legal personality in comparison with the states (the main subjects of international law). Owing to this fact the in-

---

¹² IAIS — Investments Subcommittee. available at [http:// www.iaisweb.org](http://www.iaisweb.org). (date of viewing 6 November 2018).

international law is lost by the purely interstate character, being transformed to the international integration law.

In the object sphere. As it was already specified, an object of international law is mobile and extends as due to appearance of new areas of interstate cooperation (a cyberspace, genetic engineering), and by regulation of the questions which were earlier in exceptional competence of the state. Human rights, environment protection, economy, defense, political system concern them. Practically any question at will of the states can become a subject of joint regulation of the international and national law.

Distribution of the regulating influence of international law on a scope of national jurisdiction especially brightly is shown in a regulation of economic problems. So, for example, send questions of application of tariff and non-tariff restrictions, to intellectual property, investment measures, environmental standards to competence of the WTO. The states have transferred regulation of the questions connected with exchange rates and balances of payments to competence of the IMF.

Methods of legal regulation. Expansion of a circle of subjects of international law has led to new methods of international legal regulation. Along with a traditional method of coordination of cooperation at the horizontal level as equal subjects the method of subordination (taxonomy) operating at the vertical level (for example, between governing bodies of the EU and member-states and their physical persons and legal entities) and also at the diagonal level between public subjects of law (the state, the international intergovernmental organization) and private subjects of law (individuals, legal entities, non-governmental organizations) is widely used.

The international law has played an important role in ensuring legal equality of the states though their actual inequality especially in respect of social and economic development continues to remain and go deep into a globalization era, being a source of local armed conflicts, the reason of growth of transnational crime and activation of the international terrorism.

Thus, globalization of world economy promotes, on the one hand, creation of a common economic space, and with another - to formation of the corresponding international-legal integration superstructure. In particular, the situation connected with cross-border concentration of identical resources demands from the states of coordination of actions in international legal antimonopoly regulation of the commodity markets, as well as maintenance of fair competitive conditions for joint ventures of the different countries.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Abashidze, A.H. and Lukashuk, I.I. (2001), *Globalization, state, law, 21st century* // *State and law*, p. 113.
- Alekseev, S.S. (1999), *Civil law in present period*. Moscow: Norma, p. 40.
- Berger K.P. (1999). *The Creeping Codification of the Lex Mercatoria*, Kluwer Law International. London, Boston: The Hague, p. 376.

- Bogatryyov, V.V. (2006), Global law as natural stage of legal development// Messenger of the Ivanovo state power university, p. 51.
- Bogatryyov, V.V. (2013). Global level of legal integration // Messenger of the Vladimir plegal institute 3 (28), pp. 128–133.
- Bogatryyov, V.V., Gorshkova, N.A. (2010), The principles of the law as a basic element of the global law // Gaps in the Russian legislation 1, p. 51.
- Dmitriyeva, G.K., Lukashuk, I.I. (1995), Formation of the international standard system // Russian year-book of international law, p. 7.
- Egorov, S.A. (2014), International law, 5th ed. Publishing house: Statut, p. 1087.
- Farkhutdinov, I.Z. (2003), International law in the conditions of globalization // Law and policy, p. 141.
- Farkhutdinov, I.Z. (2004), Globalization and geo-economics: new legal paradigms of world order // Legislation and economy, p. 18.
- Farkhutdinov, I.Z. (2005), International investment law. Theory and practice of application. Moscow: Volters Kluver, p. 463.
- Farkhutdinov, I.Z. (2009), Euroasian legal space: problems and ways to overcome them // Euroasian legal journal, p. 4.
- Farkhutdinov, I.Z. (2010), International investment law and process. Moscow: Prospekt, p. 415.
- Hartkamp, A.S. (1994), The Unidroit Principles for International Commercial Contracts and the Principles of European Contract Law // European Review of Private Law, p. 16.
- Kalamkaryan, R.A. (2002), Concept of the state of law // State and Law, pp. 57, 60.
- Klepatsky, L. (2002), Globalization and national interests // International life, 34 p. 37.
- Knop, K. (2000), Here and There: International Law in Domestic Courts // New York University Journal of International Law and Politics, p. 506.
- Kochetkov, E.G. (2005), Geoeconomics. Moscow, p. 211.
- Koh, H. (1996). Transnational Legal Process // Nebraska Law Review, p. 75.
- Lando, O., Clive, E., Prum, A., Zimmermann, R. (2003), The Principles of European Contract Law. London, Boston: The Hague.
- Lukashuk, I.I. (1997), International criminal law and legal system of Russia // Journal of Russian law, p. 33.
- Lukashuk, I.I. (2000), Democracy — the principle of the international community of XXI century // State and law at the turn of the century. Materials of the All-Russian conference of international law.
- Lukashuk, I.I. (2001), Codification and progressive development of international law in the 21st century'. Russian year-book of international law, pp. 9, 68.
- Lukashuk, I.I. (2001), Globalization and state // Journal of Russian law, p. 64.
- Lukashuk, I.I. (2002), Interaction of the international and internal law in the conditions of globalization // The Journal of Russian law, pp. 115, 117.
- Lukashuk, I.I. (2002), World order of the XXI century // International public and private law, 4. pp. 4–5.
- Lukashuk, I.I. (2004), Law of the international responsibility. Moscow: Volters Kluver.
- Lukashuk, I.I. (2005), Democracy — the principle of the international community XXI of century. State and law at the turn of the century // International law. Moscow, p. 518.
- Lukashuk, I.I. (2005), Interaction of the international and internal law. Moscow.
- Lukashuk, I.I. (2005), International law, 3th ed. Moscow: Volters Kluver, p. 432.
- Maksimenko, V. (1999), Whether there is “globalization”? // Pro et Contra, p. 13.
- Marochkin, S.U. (1997), A ratio of validity of norms of the international and internal law in the legal system of the Russian Federation // Moscow journal of international law.

- Moiseyev, A.A. (2006), International financial institutions. Legal aspects of activity. Moscow, p. 234.
- Moiseyev, A.A. (2015), Phenomenon of globalization and international community // Century of globalization, p. 59.
- Muellerson, R. (2000), Ordering Anarchy. International Law in International Society. The Hague, p. 199.
- Polenina, S.V. Gavrilov, O.A. and Koldayeva, N.P. (2004), Impact of globalization on the legal system of Russia // State and Law, p. 5.
- Schmitthoff, C. (1963), The New Sources of the Law of International Trade // International Social Science Journal.
- Shumilov, V.M. (2003), 'Law of the WTO and international law // Moscow journal of international law, p. 16.
- Shumilov, V.M. (2003), Concept of global legal system // International lawyer, p. 46.
- Soros, J. (1999). Crisis of world capitalism. Open society is in danger. Moscow, p. 326.
- Tikhomirov, U.A. (1996), Course of comparative jurisprudence. Moscow: Norma.
- Tikhomirov, U.A. (2004), About modernization of the state // The Journal of Russian law, pp. 3, 7.
- Tiunov, O.I. (1999), International humanitarian law. Moscow, p. 254.
- Toynbee, A.J. (1995), A civilization before court of history. Moscow.
- Tunkin G.I. (1982), International law. Moscow, p. 628.
- Yavich, L.S. (2003), About legal philosophy for the 21st century // Jurisprudence, pp. 38, 40.

Information about the authors:

Andrey A. Mamedov — Doctor of Law, Professor, Professor of Department of administrative and financial law of Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0002-1761-5461

Contact information:

e-mail: profit33@mail.ru

Vera N. Batova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economics and management of Penza State Technological University

ORCID ID: 0000-0003-0484-0819

Contact information:

e-mail: batova.v.n@yandex.ru

For citation:

Mamedov, A.A., Batova, V.N. (2019), International law in the context of economic globalization (EAC), RUDN Journal of Law. 23 (2), pp. 264–288. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-264-288.

Article received May 20, 2019

Article accepted May 30, 2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.А. Мамедов

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В.Н. Батова

Пензенский государственный технологический университет
440039, Пенза, Россия, проспект Байдукова, ул. Гагарина, д.1а/11

Современная эпоха — это эпоха глобализации, включающая в себя высокодинамичное развитие интеграционных процессов в различных сферах деятельности государства.

В условиях глобализации национальные экономические системы активно интегрировались в единый планетарный механизм с универсальной системой экономических институтов и взаимодействия рынков.

По нашему мнению, глобализация представляет собой процесс стирания не только экономических границ, но и границ национальных юрисдикций между государствами. Правовой аспект глобализации проявляется, на наш взгляд, прежде всего в том, что все больше и больше вопросов внутренней юрисдикции передаются государствами на наднациональное регулирование. Формирование глобального экономического пространства — важнейший аспект, интенсифицирующий процесс стирания границ национальных юрисдикций.

Поэтому, рассматривая правовое регулирование отношений в экономическом и финансовом сегментах деятельности государств в современный период, нельзя не учитывать мировые интеграционные процессы в процессе глобализации, приводящего к созданию целостного законодательства, подчиняющегося единой правовой логике и требующего учета как неолиберальных мировых тенденций в праве, так и разнообразную природу национальных правовых систем. Глобализация объективно ведет появлению наднациональных/транснациональных элементов правового регулирования. усилению в праве роли именно международных интеграционных аспектов.

В развитии права в условиях глобализации можно выделить следующие основные тенденции его развития, прежде всего:

первое — тенденция к унификации права, проявляющаяся в стремлении выработки общего, всеобъемлющего подхода к праву, означающего введение в правовые системы государств единообразных, унифицированных норм;

второе — в условиях экономической глобализации прослеживается тенденция к все более широкому формированию и более активному использованию международных норм-принципов права как регуляторов в сфере экономических и финансовых отношений, играющих активную роль в системе регулятивных средств, используемых на глобальном и региональном уровнях;

третье — в условиях глобализации право становится все более сложной системой и предусмотреть все в законах невозможно, поэтому неизбежно повышается роль судебной практики — судебного прецедента в решении вопросов, связанных с правовым регулированием экономических и финансовых отношений.

При этом необходимо отметить, что наука международного права и договорная практика в отношении общепризнанных норм-принципов международного права исходят из того, что действует единый императивный принцип добросовестного соблюдения международных обяза-

тельств (применительно к международным договорам он именуется принципом *pacta sunt servanda*).

В условиях глобализации мировой экономики именно глобализация правового пространства будет способствовать нивелированию особенностей национальных законодательств вследствие применения унифицированных норм формируемого международного интеграционного права.

Понимание принципов международного интеграционного права позволяет упростить процесс правового регулирования отношений в сфере экономики и финансов в условиях экономической глобализации, включая и заключение договоров, определение условий их исполнения и быстрое решение возникающих между контрагентами споров, в том числе, в частности, и в рамках института международного интеграционного права *Lex mercatoria*.

Ключевые слова: экономика, финансы, банковская деятельность, международное право, международные нормы-принципы, глобализация, мировое экономическое пространство, унификация права, интеграция, соглашение

Информация о финансировании. Статья подготовлена при поддержке «Университетской программы РУДН 5-100».

Сведения об авторах:

Мамедов Андрей Алиевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-1761-5461

Контактная информация:

e-mail: profit33@mail.ru

Батова Вера Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Пензенского государственного технологического университета

ORCID ID: 0000-0003-0484-0819

Контактная информация:

e-mail: batova.v.n@yandex.ru

Для цитирования:

Мамедов А.А., Батова В.Н. Международное право в условиях экономической глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 264–288. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-264-288.

Дата поступления в редакцию: 20 Мая 2019

Дата принятия к печати: 30 Мая 2019

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-289-304

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В США И РОССИИ

И.Д. Новикова

Российский университет дружбы народов
Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Приняв в 1993 г. Конституцию и провозгласив себя социальным государством, Российская Федерация возложила на себя обязанность не властно воздействовать на своих граждан, а предоставлять им услуги. Вместе с тем оказание услуг стало новой, несвойственной ранее сферой деятельности государственного аппарата. Учитывая это, особую актуальность имел вопрос создания в России качественно новой системы государственного управления. С начала 2000-х гг. его решение напрямую связано с «административной реформой», в рамках которой помимо всего прочего в отечественный правовой оборот был введен термин «государственная услуга».

В настоящее время вопрос повышения эффективности оказания государственных услуг все также остро стоит на повестке дня, т.к. в сфере реализации гражданами и организациями своего права на получение государственных услуг остается нерешенным еще целый ряд проблем, основная из которых — отсутствие полноценной законодательной основы, регламентирующей институт государственных услуг.

Автор, проведя сравнительно-правовой анализ норм административного законодательства Российской Федерации с законодательством США, считающимся более прогрессивным в рассматриваемой сфере, предпринимает попытку выявить наиболее значимые преимущества и недостатки действующей отечественной правовой базы в сфере оказания государственных услуг. С учетом сделанных выводов автор формулирует предложения, направленные на повышение эффективности управленческих решений в сфере оказания государственных услуг.

Ключевые слова: административно-правовые нормы, административная процедура, административный процесс, административный регламент, государственные услуги, государственное управление, публичная власть, частные лица

I. ВВЕДЕНИЕ

Центральным элементом в системе обеспечения эффективности деятельности публичной администрации в сфере оказания государственных услуг выступает качественная законодательная база. Как верно отмечено многими современными авторами, правовое регулирование, будучи одной из основных составляющих института государственных услуг, предполагает достижение таких важных целей, как нейтрализация анонимности в административных про-

цессах и повышение прозрачности решений, которые принимают органы власти и их служащие (Voronina, Kostina, Kukartseva, 2017:55).

В Российской Федерации законодательство в данной сфере общественных отношений еще только формируется, отчасти поэтому является недостаточно систематизированным: нормы, регламентирующие оказание государственных услуг, можно встретить в текстах нормативно-правовых актов разного уровня и различной отраслевой принадлежности. Большое влияние на несовершенство законодательной базы, а также практики его применения, оказывает отсутствие единообразной теоретической основы.

Абсолютно иную картину можно наблюдать в США, где институт государственных услуг имеет более продолжительную историю развития, а потому является более эффективным. В этой стране взаимодействие граждан с государством строится на основе единообразных, «прозрачных» правил, установленных Федеральным законом об административной процедуре (Administrative procedure act), действующим уже более 70 лет.

II. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Институт оказания государственных услуг США считается уникальным. Его отличительные черты обусловлены особым развитием государственной службы, зависимой, в свою очередь, от американской политической системы, не имеющей аналогов в мировом пространстве.

Изначально в США отсутствовал должный, научно обоснованный подход к решению вопроса об организации системы предоставления публичных, общественных, доступных для всех услуг. Причиной этому служило широкое распространение мысли о том, что «свободная земля сформировала американца как рассчитывающую исключительно на себя личность». Однако в последующем пришло осознание того, что центр не может оставаться в стороне от решения социально-значимых вопросов. Особенно это стало понятно в период преодоления последствий Великой депрессии, когда в американской литературе стала активно развиваться теория общественных (иначе — публичных) благ (public good), связанная, в первую очередь, с именем американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике, Пола Энтони Самуэльсона. Он считал, что никто иное как государство несет ответственность за достижение национального общественного блага, поскольку на государство возложена обязанность по обеспечению благосостояния своих граждан. Помимо этого, государство в состоянии предугадывать то, какие блага пожелают к потреблению граждане. Для этого в распоряжении государства имеется широкий и надлежащим образом организованный механизм государственного управления, финансируемый за счет налогообложения.

Стоит отметить, что именно разработка теории общественных благ (public goods) оказала значительное влияние на все последующее развитие ин-

ститута государственных услуг в США. Все концепции и стратегии — «Новый публичный менеджмент» (New Public Management, NPM), «Перестройка правительства» (Reinventing Government), «Изобретение государства заново» (Reinventing government, REGO), «Эффективное руководство» (Good governance, GG) и т.п. — основывались на том, что потребности и интересы граждан, выступающих клиентами государственной службы, потребителями государственных (публичных) услуг, должны иметь наибольший приоритет. В частности, эта идея была использована Президентом США Б. Клинтонем и вице-президентом США А. Гором при проведении административной реформы, затронувшей в том числе федеральные агентства — государственные органы, прямо несущие ответственность за предоставление услуг населению.

Оценивая, в целом, все реализованные в США реформы государственного управления, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на наличие целого ряда недостатков, с помощью проведенных мероприятий руководству страны удалось достичь основной преследуемой ими цели — создать на территории современной Америки институциональную основу для повышения уровня обслуживания граждан государством.

Что касается законодательной оформления данной сферы общественных отношений, то со ссылкой на мнение К.Х. Ибрагимова стоит указать, что в Америке вопрос определения полномочий и порядка деятельности исполнительных органов власти (агентств, ведомств, департаментов и т.д.) достаточно долго не имел единообразной регламентации, это, в свою очередь, являлось причиной неравного положения участников административного процесса. Для нивелирования данной проблемы в 1946 г. Конгрессом США был разработан и принят Закон об административной процедуре (Administrative procedure act, 1946), наделенный в последующем статусом своеобразного свода федерального административно-процессуального законодательства, призванного унифицировать и стандартизировать работу федеральных правительственных органов (Ibragimov, 2012:10). На протяжении небольшого периода все американские штаты утвердили местные законы, во многом соответствующие основным положениям, включенным в федеральный закон об административной процедуре. В итоге сегодня весь объем административных процедур на территории всей Америки регулируется довольно однородно.

Кстати, именно Закон об административной процедуре 1946 г. оказал заметное влияние на формирование в правовой системе США отрасли административного права, имеющей особую структуру.

Американские юристы практически единодушны во мнении о том, что посредством административно-правовых норм в США осуществляется регламентация полномочий и порядка деятельности органов исполнительной власти, а также контроль судов за ними. Организация внутренней структуры административной системы и взаимоотношения между отдельными ее составными частями этой отрасли права не охватываются. Следовательно, предмет административного права состоит из трех объектов: административного правотворче-

ства (rule making), административной внесудебной деятельности (adjudication), судебного контроля за администрацией (judicial review) (Kozyrin, 1996:5–7).

Главная функция всех административно-правовых норм при этом заключается в предоставлении защиты частным лицам, вынужденным вступать в правоотношения с бюрократическим аппаратом. Еще на заре оформления административного права США как самостоятельной отрасли права Э. Фройнд приходил к выводу о том, что система административного права аккумулирует в своем составе нормы, направленные на контроль за администрацией, а не нормы, которые данной администрацией создаются в личных целях¹. Отечественные авторы, к примеру, Л.Н. Сергеева, также выделяют такую характерную черту американского административного права, как сосредоточение внимания не на деятельности учреждений, а главным образом на частных лицах, участвующих в административном процессе, их правах и возможностях, потому процедурные нормы в административном праве данной страны доминируют (Sergeeva, 2011:80).

Н.И. Петрыкина, понимая под административными процедурами механизм, направленный на обеспечение защиты прав частных лиц от произвольных действий со стороны публичных властей, справедливо указывает на то, что гражданин при вступлении во взаимоотношения с публичной администрацией (государственными, муниципальными органами, их служащими и др.) сталкивается лицом к лицу с мощнейшим аппаратом, располагающим властными, финансовыми, кадровыми ресурсами; лишь наличие в праве США, равно как и других стран общего права (Великобритания, Австралия и др.), детально разработанных административных процедур (таких, например, как институт подачи жалобы на неправомерные действия и решения властных органов и их должностных лиц) позволяют должным образом «уравновешивать» правовые возможности частного лица и обеспечивать эффективную защиту его интересов в спорах с органами публичной администрации (Petrykina, 2011:93).

Сравнительный анализ американского административного права с российским административным правом дает возможность выявить такую особенность последнего, как традиционный подход уделять большее внимание нормам, посвященным определению правового статуса органов государственной (муниципальной) власти и порядку их деятельности. Помимо этого, институт административной ответственности по праву Российской Федерации — это, в первую очередь, меры ответственности, которые лица несут непосредственно перед государством, а не перед потерпевшей стороной (Volkov, 2018:46). Все это является весомой причиной злоупотреблений карательными санкциями и наличия у частных лиц слабых правовых возможностей по защите своих прав и интересов при общении с органами власти. Указанная проблематика затрагивается в работах многих отечественных теоретиков и практиков, но, несмотря на

---

¹ Freund E. Cases on Administration law. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1928, p. 2.

это, разработанный, в частности, еще в начале 2000-х гг. законопроект об административных процедурах до сих пор в России не принят.

В условиях отсутствия подобного правового акта в нашей стране интерес представляет изучение американского опыта развития правового регулирования административных процедур по оказанию государственных услуг.

В Соединенных Штатах Америки нормы Федерального закона об административной процедуре (*Administrative procedure act*, 1946)² с некоторыми редакционными изменениями действуют на протяжении вот уже более семидесяти лет. Структурно он представляет собой небольшой по объему документ (исначально он состоял из 11 статей (параграфов) на двух десятках страниц, сегодня их 46), при этом, по содержательному наполнению он достаточно объемен.

Преимущество Закона заключается в наличии глоссария, раскрывающего такие термины, как «частное лицо», «сторона административного процесса», «правило», «нормотворчество», «распоряжение», «санкция», «поощрение» и т.д. Так, под частным лицом американский законодатель понимает любое физическое лицо, партнерство, корпорацию, ассоциацию, государственную или частную организацию, отличные от агентства. Последним, в свою очередь, может быть любой правительственный орган Соединенных Штатов.

В контексте сказанного нельзя умолчать о такой характерной черте системы публичного управления США, как отсутствие правительства в качестве обособленного органа исполнительной власти. В соответствии со ст. 2 разд. 1 Конституции США «исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов Америки». Отдельных статей или разделов, устанавливающих полномочия Президента, в Конституции нет. Нормы о структуре правительства, системе его взаимодействия с Президентом в Основном Законе также отсутствуют. Вместе с тем толкование Конституции, иных законодательных актов, а также практики организации исполнительной власти позволяет рассматривать Правительство США с точки зрения широкого подхода, относя к нему: Президента, Вице-президента, Исполнительный офис Президента (EOP), исполнительные департаменты (министерства), независимые агентства (Федеральный резерв — FRS, Национальное управление по трудовым отношениям — NLRB, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства — NASA и др.) и правительственные корпорации (почтовая служба, американская транспортная корпорация и др.) (Роров, Migachev, Tikhomirov, 2011:149). Таким образом, все перечисленные структуры (далее — административные, правительственные органы) обязаны при осуществлении своей деятельности применять положения Закона США об административной процедуре.

---

² Federal Administrative Procedure Act, 1946, in: United States Code (§§ 500–504, 551–559, 571–584, 701–706) // The Climate Change and Public Health Law Site [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/002885033> (дата обращения: 25.04.2019).

Существенная особенность (и преимущество) американского Закона — это уравнивание в рамках административного процесса статуса правительственных органов и частных лиц. Правам первых прямо корреспондируют обязанности вторых, и наоборот. Например, при подготовке к вынесению административного акта орган власти должен известить заявителя об этом и заслушать его мнение по затронутым в акте вопросам, в свою очередь, заявитель обязан предоставить свои комментарии к акту.

С учетом распространения норм Закона США об административной процедуре на многие сферы общественных отношений многие исследователи (как зарубежные, так и отечественные) придерживаются точки зрения о том, что указанный Акт выступает своеобразным единым кодексом всей отрасли американского федерального административного (иначе — административно-процессуального) права. Профессор Б. Шварц, указывая на высокую значимость Закона, особо подмечает тот факт, что *Administrative procedure act* — это первая в англосаксонском праве попытка на законодательном уровне закрепить основные, принципиальные положения, позволяющие единообразно урегулировать административные процедуры; в нем удалось обобщить наиболее эффективные наработки, уже апробированные в административной практике, при их дальнейшем совершенствовании (Schwartz, 1962:134–135).

А.А. Чатурведи и С.А. Капустин приходят к выводу о том, что сама предусмотренная законодательством США административная процедура представляет собой установленный нормативно порядок последовательного осуществления уполномоченными административными органами согласованных действий, направленных на реализацию их полномочий, предусмотренных законодательными и иными нормативно-правовыми актами (Chaturvedi, Kapustin, 2011:192). В соответствии с Законом 1946 г. (в редакции принятых к нему поправок) административная процедура — это этапный процесс, состоящий из следующих последовательных действий: 1) поиск и сбор данных, 2) разработка проекта индивидуального (либо нормативного) акта, 3) рассмотрение акта путем проведения открытых слушаний, 4) вынесение решения по итогам заседания, 5) доведение решения до сведения заинтересованных лиц, 6) оспаривание решения путем направления жалобы как в адрес вышестоящих инстанций, так и суда, 7) вынесение постановления по административному спору.

Основное предназначение правового института административных процедур — это должный уровень оказания государственных услуг и выполнения иных государственно-властных полномочий. Соблюдение требований норм, включенных в данный правовой институт, призвано ограничивать произвол в реализации дискреционных полномочий, в том числе с помощью введения легальных критериев действий участников административного процесса. А, принимая за постулат утверждение о том, что только посредством упорядочения деятельности властных органов, она может иметь такие характеристики, как открытость и предсказуемость, наличие в США Федерального закона об административной процедуре, аналогичных законов штатов и городов, их соблюдение

свидетельствует о последовательном движении к организации эффективного, прозрачного и демократичного государственно-административного аппарата, ориентирующегося в своей повседневной работе на интересы частных лиц. В контексте сказанного важно обратить внимание на то, что предусмотренные Законом 1946 г. правила выступают не столько набором законодательно закрепленных принципов, сколько гарантиями, обеспечивающих реальную возможность заинтересованных лиц при нарушении их прав и интересов обратиться в суд с требованием об обжаловании незаконных действий со стороны административных органов.

Каждая конкретная административная процедура (получение лицензии, оформление визы, регистрация права собственности и т.д.) предусматривает собственный алгоритм, объем предоставляемых и получаемых документов, однако все они предполагают соблюдение обязательных требований, установленных Законом США об административной процедуре. Иными словами, положения Закона распространяются на все административные процедуры, вне зависимости от того, в какой сфере общественных отношений они реализуются и какой правительственный орган в них участвует.

В этом заключается одно из основных отличий американского законодательства от российского, в нормах которого отсутствует единый нормативный правовой акт, посвященный правовой регламентации административных процедур. Например, при обращении в орган государственной регистрации прав на недвижимое имущество для должностных лиц этого органа и заявителей приоритет имеют процедурные нормы Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», в случае регистрации юридических лиц — Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и т.д.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что при организации взаимодействия населения с публичной властью только на основании соблюдения единых правил достижимо обеспечение прав и интересов частных лиц, лишь так им может предоставляться защита от административных злоупотреблений. Действительно, правовое государство не вправе отдавать на откуп административным (правительственным) органам регламентацию таких важных сфер деятельности, как правила принятия административно-правовых актов, порядок совершения распорядительных действий по реализации запретов, разрешений, дозволений, предписаний, контрольно-надзорных, регистрационных, координационных и иных полномочий.

III. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РФ

В нашей стране достаточно распространено утверждение о том, что важнейший фактор, обеспечивающий эффективность деятельности государства

в сфере оказания услуг, — это качественная правовая база (Kandrina, 2017:13; Lebedeva, 2017:42). Ее основу составляют Конституция РФ и специальные федеральные законы. Причем не менее значимы в данной сфере и требования различных подзаконных административно-правовых актов, в первую очередь тех, которые издаются исполнительными органами власти в процессе ведомственного нормотворчества.

Еще в начале 2000-х, т.е. на начальном этапе административной реформы, обращалось особое внимание на то, что в системе административного законодательства должен сформироваться новый институт, а именно институт оказания государственных услуг гражданам (Khabrieva, Tikhomirov, Orlovsky, 2004:407). Абсолютно справедливо утверждение А.М. Гоголева о том, что основное направление реформаторских усилий должно заключаться в изменении взаимоотношений государства и гражданина, где государству должна быть отведена функция своеобразного «сервисного центра» по обслуживанию интересов человека и гражданина, а административному праву — функция юридического обеспечения такой деятельности (Gogolev, 2018:21). И сегодня уже с полной уверенностью можно констатировать, что общественные отношения, возникающие по поводу оказания органами исполнительной власти государственных услуг в образовании, медицине, связи, управлении государственной собственностью и др., составляют важный элемент предмета административного права России, а нормы, их регламентирующие, — его системы.

В результате многолетнего проведения административной реформы в Российской Федерации удалось сформировать объемный массив законодательных актов, посвященных государственным услугам. При этом основным нормативным правовым актом, определяющим некий алгоритм оказания государственных услуг, считается Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»³ (далее — Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ). Данный Закон и принятые в соответствии с ним акты Правительства РФ⁴ состоят из норм общего характера, регулирующих общественные отношения в сфере оказания государственных услуг, обязательных к применению всеми субъектами, участ-

---

³ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179; 2018. № 31. Ст. 4858.

⁴ Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1043 «О формировании, ведении и утверждении общероссийских базовых (отраслевых) перечней (классификаторов) государственных и муниципальных услуг, оказываемых физическим лицам, и федеральных перечней (классификаторов) государственных услуг, не включенных в общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных и муниципальных услуг, оказываемых физическим лицам, и работ, оказание и выполнение которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации» (ред. от 31.03.2018) // СЗ РФ. 2017. № 36. Ст. 5459; 2018. № 15 (ч. 5). Ст. 2162; Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» (ред. от 03.11.2018) // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3169; 2018. № 46. Ст. 7050; и др.

вующими в данном административном процессе (выделено авт.). В свою очередь, детальная и системная регламентация деятельности исполнительных органов власти и их должностных лиц происходит на подзаконном уровне посредством разработки и утверждения административных регламентов, содержащих конкретные требования к порядку совершения административных процедур и иных административных действий (выделено авт.)⁵.

Считается, что в отечественную управленческую практику понятие «административный регламент» впервые было введено Концепцией административной реформы на 2006–2010 гг., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789–р (Grishchenko, 2018:58). Между тем это несколько ошибочная позиция. Из некоторых источников следует достоверная информация о достаточно активном применении регламентов в дореволюционной России. К примеру, по свидетельству Н.А. Погодиной, Морской таможенный регламент от 1724 г. позволил значительно детализировать многие таможенные формальности, что существенно улучшило таможенный досмотр. Этому способствовало в том числе то, что в Регламенте определялись должностные обязанности досмотрщиков и этапы прохождения таможенных процедур.

Значение современных административных регламентов также заключается в необходимости иметь упорядоченную систему обязательств органов, ответственных за оказание государственных услуг, перед обществом, а также в создании процедур контроля и оценки их деятельности. Среди наиболее значимых целей появления в правовой системе Российской Федерации регламентов оказания государственных услуг вслед за С.С. Зениным можно назвать: сокращение сроков предоставления государственных (муниципальных) услуг, уменьшение количества необходимых документов для их получения, установление исчерпывающего перечня оснований для отказа в получении государственной (муниципальной) услуги и т.д. (Zenin, 2015:67).

Включение в законодательные акты ранее неизвестной дефиниции «административный регламент» не могло остаться без внимания ученых, сразу активно включившихся в процессы изучения нового административно-правового феномена. В контексте сказанного хочется поддержать точку зрения К.В. Давыдова, в соответствии с которой административные регламенты исполнительных органов власти — это новое и достаточно интенсивно эволюционирующее явление в сфере административно-правовых отношений (Davydov, 2010:13). Уместно сослаться и на мнение А.В. Яцкина о том, что ни в федеральных законах РФ, ни в постановлениях Правительства РФ не установлены персональные меры ответственности в системе реализации административных процедур; де-

---

⁵ Амелин Р.В., Григорьева Е.А., Подсумкова А.А., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (постатейный) / Под ред. С.Ю. Наумова [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс, 2011.

тальное описание конкретных действий в текстах регламентов в российской правовой практике носит беспрецедентный уровень, т.к. регламенты позволяют доводить такое описание до уровня «ответственных» лиц (Yatskin, 2006:23). Именно последнее утверждение, как полагает цитируемый автор, и служит подтверждением того, что административные регламенты по праву уже играют роль значимой, самостоятельной формы правового акта управления.

Анализ определений дефиниции «административный регламент», приводимых в действующих правовых актах РФ, позволяет прийти к выводу о том, что административный регламент — это административный акт, в котором описывается административная процедура (административные процедуры) оказания государственной услуги; содержательным наполнением акта выступают процедурные («технологические») нормы, определяющие условия, порядок, сроки и последовательность действий исполнительных органов власти, участвующих в процессах оказания государственной услуги.

Нельзя не отметить, что в течение 8 лет, т.е. с момента введения в действие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ, в России можно наблюдать достаточно активный процесс регламентации административных процедур, опосредующих оказание государственных услуг. Особенно это заметно на региональном и местном уровнях. При этом среди специалистов отсутствует единое мнение о количестве разработанных и принятых административных регламентов предоставления государственных услуг. Нет и актуальных статистических данных, подтверждающих достоверность тех или иных выводов. На сайте Минэкономразвития России сегодня размещены лишь сведения о том, что за 10 лет (с 2006 по 2015 гг.) федеральные исполнительные органы власти разработали и утвердили свыше 550 административных регламентов, региональные органы — более 17 000, местные органы — около 94 000⁶.

Но даже эта информация позволяет заявить о действительно колоссальном объеме проделанной работы. Внедрение административных регламентов оказания государственных услуг уже позволило в определенной степени осуществить систематизацию полномочий исполнительных органов власти и их должностных лиц, сделать упорядоченными большое количество административных процедур, рационализировать содержание нормативных актов, устанавливающих результаты и сроки исполнения органами власти возложенных на них полномочий, восполнить имеющиеся законодательные пробелы. Однако утверждать, что к настоящему времени процесс административной регламентации всего спектра государственных услуг получил свое логическое завершение, пока нельзя. Как показывает практика, предусмотренные административными регламентами процедуры оказания государственных услуг нередко «дают

---

⁶ Регламентация и стандартизация предоставления государственных и муниципальных услуг, а также перевод этих услуг в электронный вид // Официальный сайт Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/admReform/standarts/> (дата обращения: 25.04.2019).

сбои». Имеют место быть ситуации с задержками выдачи лицензий, различного рода разрешений и свидетельств. Граждане по-прежнему вынуждены прикладывать значительные усилия и нести дополнительные издержки (в том числе временные) в целях получения нужных документов.

Автор настоящей статьи полагает, что неким «итогом» законотворческой деятельности в рассматриваемой сфере общественных отношений может (скорее даже должен) стать Федеральный закон «Об административных процедурах», который будет содержать в себе универсальные, унифицированные нормы, распространяющиеся на все административные процедуры, в том числе и по оказанию государственных услуг. Действием указанных норм в первоочередном порядке должны быть охвачены такие этапы административного процесса, как: инициирование административной процедуры (обращение заявителя или решение самого органа власти), выбор формы административного действия (административный акт или административный договор), порядок работы административных органов, их взаимодействия в заявителями (обязательное участие заявителей, единоличное рассмотрение и т.п.), формальные требования к процедуре обжалования, стоимость процедур.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация взаимоотношений публичной власти с личностью, государства с человеком — это актуальный вопрос, решение которого носит не только теоретический, но и практический характер в системе любого современного государства.

Гражданин, вступая во взаимоотношения с публичной администрацией (государственными, муниципальными органами, их служащими и др.), сталкивается лицом к лицу с мощнейшим аппаратом, располагающим властными, финансовыми, кадровыми ресурсами. Учитывая это, наличие в законодательстве детально разработанных административных процедур (таких, например, как институт подачи жалобы на неправомерные действия и решения властных органов и их должностных лиц) позволяют должным образом «уравновешивать» правовые возможности частного лица и обеспечивать эффективную защиту его интересов в спорах с органами публичной администрации.

Одним из первых свое законодательное закрепление институт административных процедур получил в США в 1946 г., когда Конгрессом был утвержден Законодательный акт об административной процедуре (*Administrative procedure act*, 1946), действующий, кстати, по настоящее время. Основное предназначение установленного данным правовым актом института административных процедур — это должный уровень оказания государственных услуг и выполнения иных государственно-властных полномочий. Соблюдение требований Федерального закона об административной процедуре призвано ограничивать произвол в реализации дискреционных полномочий, в том числе с помощью

введения легальных критериев действий участников административного процесса.

Не удивительно, что позитивный американский опыт административно-процессуального оформления процессов, обеспечивающих взаимоотношения частных лиц с административными органами, был использован в законодательстве многих государств. Так, именно вступление в силу Закона США об административной процедуре в 1946 г. стало «толчком» для разработки и принятия аналогичных законов в большинстве стран Западной и Восточной Европы (ФРГ, Швейцария, Польша, Чехия, Венгрия и др.). Законы об административных процедурах введены в действие и в постсоветских государствах, в частности в Казахстане, Белоруссии, Кыргызстане, Таджикистане и др.

Отечественный законодатель, к сожалению, административным процедурам должного внимания не уделяет.

Пока широкие дискуссии, ведущиеся в научных кругах по вопросу о принятии специального федерального закона, посвященного регламентации административных процедур, к практическим результатам не привели. Однако наличие подобного рода законодательного акта (это могут быть Федеральный закон «Об административных процедурах», Административно-управленческий кодекс РФ, Управленческий кодекс РФ и т.п.), в котором бы были отражены основные понятия, принципы, единые требования к административным процедурам и т.д., крайне актуально, особенно в условиях активного реформирования и совершенствования сферы государственных услуг.

Введение в правовую систему Российской Федерации схожих с американскими правил, систематизированных в тексте единого акта, по мнению автора настоящей статьи, позволят сделать весь управленческий механизм по осуществлению административных действий в сфере оказания государственных услуг более открытым и прозрачным, что, в конечном счете, приведет к повышению эффективности всей системы публичного управления Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Amelin, R.V., Grigorieva, E.A., Podsumkova, A.A., Filatova, A.V., Channov, S.E. (2011), *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 27 iyulya 2010 g. № 210-FZ «Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug» (postateynnyy)* [Commentary to the Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» (article by article)]. In: Naumov, S.Yu. (ed.). [online]. Available at: ATP ConsultantPlus. (in Russian).

Амелин Р.В., Григорьева Е.А., Подсумкова А.А., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (постатейный) / Под ред. С.Ю. Наумова [Эл. ресурс]. СПС КонсультантПлюс, 2011.

- Chaturvedi, A.A., Kapustin, S.A. (2011), *Administrativnaya protsedura v SSHA i yeye pravovoye znachenije* [Administrative procedure in the USA and its legal meaning], *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 9, p. 192. (in Russian).
Чатурведи А.А., Капустин С.А. Административная процедура в США и ее правовое значение // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 9. С. 192.
- Davydov, K.V. (2010), *Administrativnyye reglamenti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii: voprosy teorii: Monografiya* [Administrative Regulations of the Federal Executive Authorities of the Russian Federation: Theoretical Issues: Monograph]. In: Naumov, S.Yu. (ed.). Moscow: NOTA BENE, p. 13. (in Russian).
Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории: Монография / Под ред. Ю.Н. Старилова. М.: NOTA BENE, 2010. С. 13.
- Freund, E. (1928), *Cases on Administration law*. Chicago; L.: The University of Chicago Press. (in English).
- Gogolev, A.M. (2018), *Nekotoryye tendentsii i zakonmernosti stanovleniya i razvitiya gosudarstvennogo administrirovaniya* [Some trends and patterns of formation and development of public administration], *Administrativnoye pravo i protsess*, 2, p. 21. (in Russian).
Гоголев А.М. Некоторые тенденции и закономерности становления и развития государственного администрирования // *Административное право и процесс*. 2018. № 2. С. 21.
- Grishchenko, A.N. (2018), *K voprosu o kachestve administrativno-pravovogo obespecheniya funktsii po predostavleniyu publicnykh uslug v sfere vnutrennikh del* [On the issue of the quality of administrative and legal support of the function of providing public services in the field of internal affairs], *Rossiyskaya yustitsiya*, 1, p. 58. (in Russian).
Грищенко А.Н. К вопросу о качестве административно-правового обеспечения функции по предоставлению публичных услуг в сфере внутренних дел // *Российская юстиция*. 2018. № 1. С. 58.
- Ibragimov, K.Kh. (2012), *Administrativno-pravovyye protsedury v sfere okhrany i ispol'zovaniya zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya v usloviyakh administrativnoy reformy* [Administrative and legal procedures in the field of protection and use of agricultural land in the context of administrative reform], *Administrativnoye pravo i protsess*, 8, p. 10. (in Russian).
Ибрагимов К.Х. Административно-правовые процедуры в сфере охраны и использования земель сельскохозяйственного назначения в условиях административной реформы // *Административное право и процесс*. 2012. № 8. С. 10.
- Kandrina, N.A. (2017), *Funktsiya predostavleniya gosudarstvennykh uslug naseleniyu: sushchnost', soderzhaniye, znachenije* [The function of providing public services to the public: the essence, content, value], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, 1, p. 13. (in Russian).
Кандрина Н.А. Функция предоставления государственных услуг населению: сущность, содержание, значение // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2017. № 1. С. 13.
- Khabrieva, T.Ya., Tikhomirov, Yu.A., Orlovsky, Yu.P. (ed.). (2004), *Kontseptsiya razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [The concept of the development of Russian legislation]. Moscow: Gorodets, p. 407. (in Russian).
Концепция развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: Городец, 2004. С. 407.

- Kozyrin, A.N. (ed.). (1996), *Administrativnoye pravo zarubezhnykh stran: Uchebnoye posobiye* [Administrative law of foreign countries: Tutorial]. Moscow: Spark, pp. 5–7. (in Russian).
Административное право зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Козырина. М.: Спарк, 1996. С. 5–7.
- Lebedeva, E.A. (2017), *Nekotoryye problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya pre-dostavleniya gosudarstvennykh uslug* [Some problems of administrative and legal regulation of the provision of public services], *Administrativnoye pravo i protsess*, 9, p. 42. (in Russian).
Лебедева Е.А. Некоторые проблемы административно-правового регулирования предоставления государственных услуг // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 42.
- Petrykina, N.I. (2011), *Pravovoye regulirovaniye oborota personal'nykh dannykh. Teoriya i praktika* [Legal regulation of the circulation of personal data. Theory and practice]. Moscow: Statute, p. 93. (in Russian).
Петрыкина Н.И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. М.: Статут, 2011. С. 93.
- Pogodina, N.A. (2010), *Tamozhenny dosmotr tovarov i transportnykh sredstv kak forma tamozhennogo kontrolya: pravovoy aspekt: dissertatsiya* [Customs inspection of goods and vehicles as a form of customs control: the legal aspect: dissertation]. Saratov, p. 51. (in Russian).
Погодина Н.А. Таможенный досмотр товаров и транспортных средств как форма таможенного контроля: правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 51.
- Popov, L.L., Migachev, Yu.I., Tikhomirov, S.V. (2011), *Gosudarstvennoye upravleniye i ispolnitel'naya vlast': sodержaniye i sootnosheniye* [Public administration and executive power: content and ratio]. In: Popov, L.L. (ed.). Moscow: Norma, Infra-M, p. 149. (in Russian).
Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / Под ред. Л.Л. Попова. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 149.
- Schwartz, B. (1962), *An Introduction to American Administrative Law*. London: Sir Isaac Pitman & Sons Ltd. (in English).
- Sergeeva, L.N. (2011), *Administrativnoye normotvorchestvo v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki* [Administrative rulemaking in the United States of America], *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo*, 12, p. 80. (in Russian).
Сергеева Л.Н. Административное нормотворчество в Соединенных Штатах Америки // Административное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 80.
- Starilov, Yu.N. (2015), *Rossiyskiy zakon ob administrativnykh protsedurakh dolzhen stat' neot'yemloy chastyu sovremennogo administrativnogo zakonodatel'stva* [Russian law on administrative procedures should be an integral part of modern administrative legislation], *Vestnik VGU. Seriya: «Pravo»*, 3, pp. 27–28. (in Russian).
Стариков Ю.Н. Российский закон об административных процедурах должен стать неотъемлемой частью современного административного законодательства // Вестник ВГУ. Серия: «Право». 2015. № 3. С. 27–28.
- Volkov, A.M. (2018), *Administrativnoye pravo v voprosakh i otvetakh: Uchebnoye posobiye* [Administrative law in questions and answers: Tutorial]. Moscow: Prospekt, p. 46. (in Russian).

Волков А.М. Административное право в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.: Проспект, 2018. С. 46.

Voronina, L.I., Kostina, S.N., Kukartseva, M.V. (2017), Sovershenstvovaniye reglamentatsii okazaniya munitsipal'nykh uslug [Improving the regulation of the provision of municipal services], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2, p. 55. (in Russian).

Воронина Л.И., Костина С.Н., Кукарцева М.В. Совершенствование регламентации оказания муниципальных услуг // *Российский юридический журнал*. 2017. № 2. С. 55.

Yatskin, A.V. (2006), Pravovoye regulirovaniye razrabotki administrativnykh reglamentov [Legal regulation of the development of administrative regulations], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 10, p. 23. (in Russian).

Яцкин А.В. Правовое регулирование разработки административных регламентов // *Журнал российского права*. 2006. № 10. С. 23.

Zenin, S.S. (2015), Teoreticheskiye voprosy ispol'zovaniya administrativnykh reglamentov v mekhanizme normativnogo pravovogo regulirovaniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug [Theoretical issues of the use of administrative regulations in the mechanism of normative legal regulation of state and municipal services], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 3, p. 67. (in Russian).

Зенин С.С. Теоретические вопросы использования административных регламентов в механизме нормативного правового регулирования государственных и муниципальных услуг // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 3. С. 67.

Сведения об авторе:

Новикова Инна Дмитриевна — аспирант кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-2403-5393

Контактная информация:

e-mail: Inna252525@yandex.ru

Для цитирования:

Новикова И.Д. Правовая регламентация деятельности органов власти по предоставлению государственных услуг в США и России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23 № 2. С. 289–304. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-289-304.

Дата поступления в редакцию: 26 апреля 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

LEGAL REGULATION OF GOVERNMENT SERVICES IN THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES IN THE UNITED STATES AND RUSSIA

Inna D. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute

6, Miklukho-Maklayast st., Moscow, Russia, 117198

Having adopted the Constitution in 1993 and declared itself a social state, the Russian Federation assumed the duty not to exert power over its citizens, but to provide them with services. However, the provision of services has become a new, previously uncharacteristic area of activity of the state apparatus. Given this, the issue of creating a qualitatively new system of public administration in Russia was of particular relevance. Since the early 2000s. its decision is directly related to the «administrative reform», in which, among other things, the term «public service» was introduced into domestic legal circulation.

Currently, the issue of improving the efficiency of public services is still on the agenda, because in the sphere of realization of citizens and organizations of their right to receive public services remains unresolved a number of problems, the main of which is the lack of a full legislative framework governing the institution of public services.

The author, having carried out a comparative legal analysis of the administrative legislation of the Russian Federation with the legislation of the United States, which is considered more progressive in this area, attempts to identify the most significant advantages and disadvantages of the current domestic legal framework in the provision of public services. Taking into account the findings, the author formulates proposals aimed at improving the efficiency of management decisions in the provision of public services.

Key words: administrative and legal regulations, administrative procedure, administrative process, administrative regulations, public services, public administration, public authority, private persons

Information about the author:

Inna D. Novikova — PhD student, Department of Administrative and Financial Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

ORCID ID: 0000-0002-2403-5393

Contact information:

e-mail: Inna252525@yandex.ru

For citation:

Novikova, I.D. (2019), Legal regulation of government services in the provision of public services in the United States and Russia. RUDN Journal of Law. 23 (2), pp. 289–304. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-289-304.

Article received April 26, 2019

Article accepted May 26, 2019

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20831

ВЕСТНИК РУДН

(индекс издания)

Серия «Юридические науки»

Количество комплектов:

2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20831

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Юридические науки»

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб.	коп.	

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)